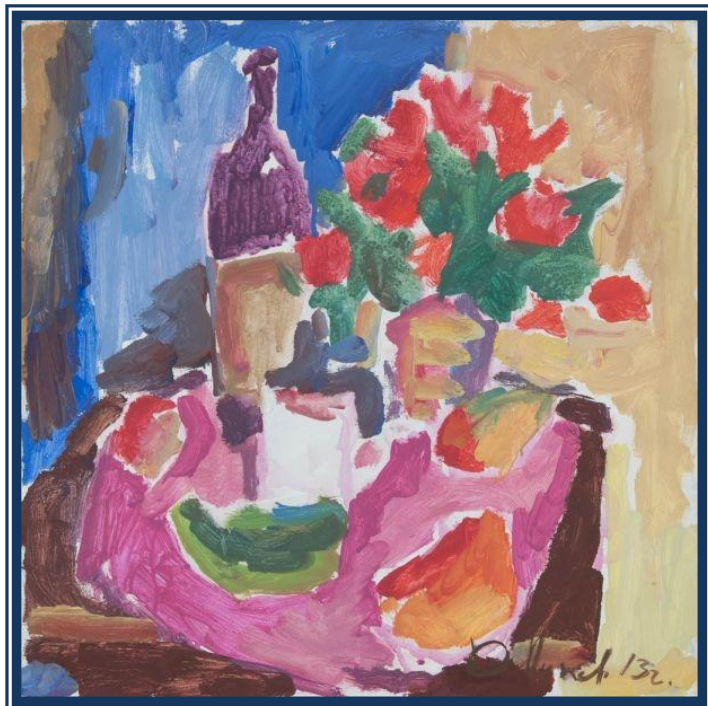

МО
ССА
ЛИТ

МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

№ 2 (12) 2014

МОССАЛИТу 5 ЛЕТ!

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора НАМ ПЯТЬ ЛЕТ!

*Стремись не к тому, чтобы добиться успеха,
а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл.
Альберт Эйнштейн*

Кто из нас не задавался вопросом: для чего я живу? В чем смысл моей жизни? Зачем я родился? Для каких великих целей послан в этот мир? «Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или ее ценностью - это значит, что он болен», - сказал Зигмунд Фрейд. И действительно, когда мы счастливы,

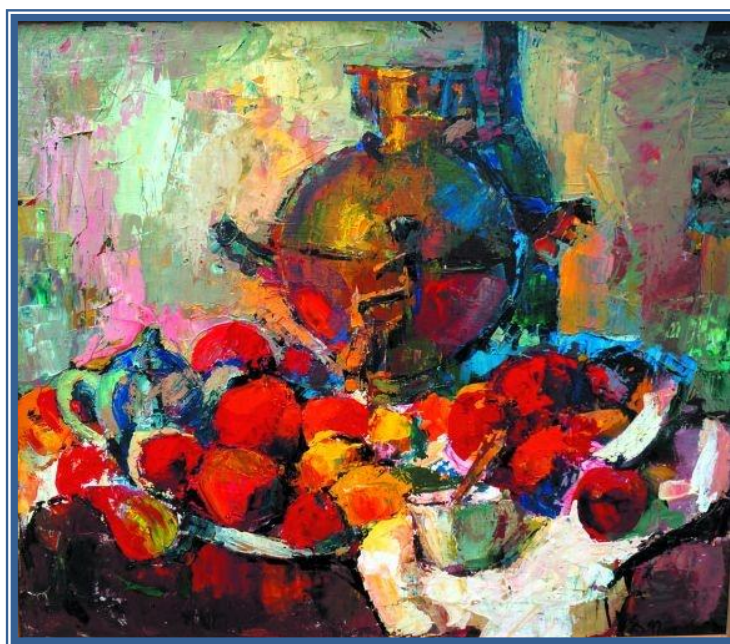
когда наша жизнь заполнена приятными делами и заботами, этот вопрос не возникает. Он зарождается в недрах сознания лишь тогда, когда что-то не ладится в механизме, который именуется «жизнь», или когда заканчивается что-то важное, то, чему мы отдали много времени и сил – завершается проект, вырастают и уходят дети. И мы заболеваем, впадаем в хандру и спрашиваем себя: а зачем, собственно, я здесь и нужен ли кому-то? Человек - существо стадное, быть нужным, необходимым кому-то заложено мирозданием в основу его существования. Если от тебя нет никакой пользы, ты не нужен цивилизации, ты зря ешь свой хлеб, испеченный для тебя теми, кто оказался более востребован. Как говорил Альберт Эйнштейн, «каждый человек обязан, по меньшей мере, вернуть миру столько, сколько он из него взял». И вот тогда, анализируя весь пройденный путь, человек вдруг осознает, что вся его жизнь – это череда однообразных дней, событий, действий. Каждое утро мы встаем в одно и то же время, идем на работу или принимаемся за дела, завтракаем, обедаем, ужинаем, едем в магазин, покупаем одни и те же продукты, ходим в кино, в спортзал, по выходным встречаемся с друзьями. Каждый год без исключений у нас случаются одни и те же праздники: Новый год, день рождения, 8 Марта, отпуск, дача, потом закрытие сезона. И так без конца, круг за кругом, словно иголка жизни скользит по виниловой пластинке, по одним и тем же канавкам, неизменно возвращаясь в начало. Вот тогда и приходит осознание, что смысл жизни в самой жизни. И этот смысл не один, их, смыслов, очень много: воспитать детей, сделать карьеру, построить дом, посадить дерево. Все важны и значимы, каждый самодостаточен. Вот она, та самая повседневность, которая, по Чехову, и правит миром. И заезженная фраза «Человек – кузнец своего счастья» уже не звучит так банально. Да, человек действительно кузнец своего счастья. Увы, не всё мы можем изменить, есть вещи, неподвластные нашим желаниям, но то, насколько наша повседневность разнообразна и необходима, зависит только от нас.

5 лет назад мы сидели в уютной гостиной у Ольги Грушевой и говорили о том, что неплохо бы объединиться, чтобы время от времени собираться вместе, читать новые произведения, обсуждать, показывать, делиться. Теперь уже никто не вспомнит, кому пришло в голову назвать наш новый проект МОССАЛИТ, но название понравилось, потому что соответствовало замыслу – не просто лито, именно салон по образу и подобию литературных салонов Серебряного века, где собирались не только литераторы, но и философы, художники, музыканты. Собирались, чтобы обсудить наболевшее, получить ответы на острые вопросы современности. За 5 лет мы сделали многое: у нас появилась литературная гостиная в

библиотеке им. Платонова, прекрасный сайт, собственный сетевой журнал «Московский BAZAR», ежегодный сборник «Московский Дом», Детская площадка. У нас есть много друзей-партнеров: МСП «Новый Современник», Литературный клуб «Подвал № 1», Театр «Комедиантъ», литературно-музыкальный проект «Живое авторское слово», Медийная группа «Интеллигент», Международная гильдия писателей (МГП), Компания «Синее яблоко», Творческое содружество «Перелётные люди» и другие. Наши вечера перестали быть формальными – они приносят удовольствие и искреннюю радость, потому что мы не просто моссалитовцы, мы друзья. «Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл» - еще одна фраза великого физика. Мы шагнули за пределы повседневности, озарив наши жизни новым смыслом – смыслом творческого общения, смыслом радости от командной работы. У нас много планов и задач, и самая важная – творческое созидание. И если однажды мы «заболеем» и, следуя вековым традициям мыслящих людей, озадачимся вопросом: а есть ли смысл в нашей жизни, ответ последует незамедлительно - да, есть!

С 5-летием, МОССАЛИТ!

Ваша Светлана Сударикова

Дмитрий Попов. Натюрморт с самоваром, темпера, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Владимир Плетинский, редактор еженедельного издания «Секрет», русского выпуска «Jerusalem Post», главный редактор журнала «ИсраГео», президент Географического общества Израиля, сопредседатель Международной ассоциации русскоязычных сатириков (МАРС)

- *«ТРУДНЕЕ ПОНЯТЬ САМОЕ ПРОСТОЕ». Интервью с В. Плетинским*

ВЛАДИМИР ПЛЕТИНСКИЙ (Израиль)

- *Рубаи от Омара Хаймовича. Поэзия*

7

13

АРТ-КАФЕ

*Интервью с художником Дмитрием Поповым:
«СЧАСТЬЕ ЗРЕТЬ»*

14

ПРОЗА

ВСЕВОЛОД КРУЖ (МОССАЛИТ, Москва)

- *КОШКА*
- *РЫЖ*

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВ (Москва)

- *РАЗГОВОР С СОБОЙ*

ЖАННА ПЕСТОВА (Нижегородская обл.)

- *ОСЕННИЙ*

НАРИНЭ КАРАПЕТЯН (Санкт-Петербург)

- *ПОПУТНЫЙ СЮЖЕТ*

ВЯЧЕСЛАВ ГРАНТ (Пермь)

- *ЕЩЕ ОДИН ШАГ*

ВАЛЕРИЙ СТАРОВОЙТОВ (Томск)

- *БИНОКЛЬ*
- *МОРЯК ГОРДЕЙ*
- *ТРИ МАТРОСА*

**МАРИ ВЕГЛИНСКАЯ (Светлана Сударикова)
(МОССАЛИТ, Москва)**

- *НАСТРОЙЩИК*

18

24

27

33

38

40

41

43

47

53

ПОЭЗИЯ

РАВИЛЬ ВАЛЕЕВ (Евпатория)

- ПОД БЕЛЫМ ПОКРЫВАЛОМ ЗАБЫТЬЯ

63

ВАЛЕНТИН АЛЕКСЕЕВ (МОССАЛИТ, Белгород)

- ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

64

КСЕНИЯ ГОРОХОВА (Арзамас)

- ВПОМНИ

65

НАТАЛИЯ ПРИЛЕПО (Тольятти)

- ГДЕ-ТО ВНУТРИ

66

МИЛАДА КОНДРАТЬЕВА (Австралия)

- ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

67

ЕКАТЕРИНА КАРГОПОЛЬЦЕВА (Кострома)

68

ИРИНА СВЕТОНОСОВА (Архангельск)

72

ЭДУАРД ФИЛЬ (МОССАЛИТ, Самара)

75

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

ВАЛЕРИЙ СТАРОВОЙТОВ (Томск)

- СУДЬБА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АКТРИСЫ

*Камерный драматический театр
города Томска*

81

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

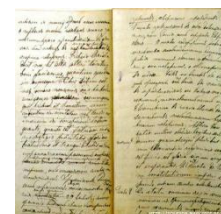
- ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ
АМФИТЕАТРОВ

87

А. В. АМФИТЕАТРОВ

- НА БЕРЕГУ. Из цикла «СИБИРСКИЕ СОМНЕНИЯ»

90

СМЕХОТЕКА

ИЛЬЯ КРИШТУЛ (Москва)

Рассказы из цикла «Великие города мира»

- МОСКВА
- КРУГЛОВСК

96

97

ВЛАДИМИР ПЛЕТИНСКИЙ (Израиль)

- Афоризмы

100

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ВИКТОРИЯ ТОПОНОВА (Москва)

- *Стихи*

Юная художница АЛЕКСАНДРА ДЕМИНА (Москва)

- *АНГЛИЙСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, ДОМРА И ЖИВОПИСЬ*

АННА НАРОДИЦКАЯ

- *ЧУДО-СТРАНА*

101

105

107

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

НАДЕЖДА СТРЕЛКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ЧУДО СТЕКЛЯННОЙ МОЗАИКИ*

108

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- *ЗАПИСКИ КОЧУЮЩЕЙ ГОСТЬИ, или ОКНО В АМЕРИКУ*

113

*В оформлении журнала использованы репродукции картин
М. К. Эшера, Д. Попова, В. Топоноговой, фотографии мозаик Н. Стрелковой,
рисунки О. Фадевой, А. Народицкой.*

*На обложке репродукция картины Д. Попова
«Натюрморт с красными цветами и перцем», темпера, 2013.*

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В рубрике «Частная территория» мы говорим об авторских проектах и уникальных людях, которых считаем интересными и достойными того, чтобы рассказать о них широкой аудитории.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Владимир Плетинский, редактор еженедельного издания «Секрет», русского выпуска «Jerusalem Post», главный редактор журнала «ИсраГео», президент Географического общества Израиля, сопредседатель Международной ассоциации русскоязычных сатириков (МАРС).

Владимир Плетинский: «ТРУДНЕЕ ВСЕГО ПОНЯТЬ САМОЕ ПРОСТОЕ»

Недавно к партнерскому сообществу Моссалита присоединился журнал Географического общества Израиля «ИсраГео». И сегодня мы с удовольствием расскажем о его основателе и руководителе Владимире Плетинском.

Владимир Плетинский родился в Узбекистане. В школе увлекался географией, был призером городской олимпиады по географии, мечтал стать путешественником. Однако после окончания школы поступил в Ташкентский университет на факультет журналистики, поскольку «после геофака далее, чем в учителя, не продвинуться». В 1984 году стал корреспондентом газеты «Среднеазиатская магистраль». Как только границы открылись, понял, что этим моментом надо воспользоваться, и в первые дни 1991 года уехал в Израиль, где публиковаться начал с первых дней. Спустя несколько месяцев стал заместителем главного редактора русскоязычной газеты «Хадашот». С 1994 года бессменный редактор еженедельника «Секрет». А с 2011 года еще и руководитель Израильского Географического общества и главный редактор журнала «ИсраГео».

МВ: Владимир, почти четверть века назад вы навсегда уехали из Союза. Для человека, мечтающего стать путешественником, это не удивительно. Но почему именно Израиль, не Америка, не Европа?

В.П.: Альтернативу Израилю я даже не рассматривал, хотя в тот период на волне печально знаменитых ферганских событий иммигрировать в США было не так уж сложно. Но недаром евреи говорят здравицу: «Ба-шана абаа б Ирушалаим» («В будущем году в Иерусалиме»). В последние годы жизни в Союзе я часто размышлял о будущем и все больше убеждался, что хочу жить в еврейском государстве, а не где-то еще. Да и аргумент «на четверть бывший наш народ» тоже сыграл не последнюю роль.

МВ: Каково было ваше открытие Израиля?

В.П.: Первое впечатление - огромная пальма при выезде из аэропорта им. Бен-Гуриона. Теперь, довольно часто бывая в аэропорту, я обязательно здороваюсь с ней как со старой знакомой. А через неделю после приезда началась война, и на Израиль посыпались саддамовские «скады». Мы их называли «приветом с родины», поскольку эти ракеты - советского производства. После сирены сидели в противогазах - кто же знает этого бесноватого иракца, вдруг химическую боеголовку присобачит. Осколки сбитых «пэтриотами» «скадов» сыпались на крышу, где-то неподалеку ухали упавшие ракеты, а мы слушали радио «Коль Исраэль» и надеялись на чудо. И чудо произошло: хотя «скады» падали в густонаселенных районах центра страны, единственным погибшим оказался человек, забывший снять крышечку с противогаза.

Уже тогда меня потрясло спокойствие израильтян. Никто не бился в истерике. Отзвучала сирена - и все возвращались к своим обыденным делам. Я, перебросив через плечо коробку с противогазом, отправлялся по редакциям. Коллеги сидели на местах и особо не дергались при звуках сирены.

Страна передо мной открылась как-то сразу - со всеми ее достоинствами и недостатками. Мы приняли друг друга. Ощущение, что я дома, пришло очень быстро, и даже слабое знание иврита не особо мешало. И сегодня, хотя люблю путешествовать, при всем своем космополитизме возвращаюсь домой с радостью.

МВ: Вы говорите, что никогда не боялись остаться без работы, без любимой работы, поскольку «настоящий профессионал не пропадет». Но если бы не сложилось, уехали бы дальше искать себя или готовы были взяться за любую работу?

В.П.: Могу показаться самонадеянным, но я был уверен, что мне не придется менять профессию. И пусть она не особо кормит, но сына мы поставить на ноги смогли, дом построили (точнее - купили квартиру), а теперь я выращиваю дерево - интереса для закопал в горшке с цветами семена фиников, и месяцев через пять из них вдруг прорезались две пальмочки, которые каждый день прибавляют в росте по паре сантиметров.

Рассматривал ли я возможность уехать из Израиля? Был момент, когда мои знакомые один за другим покидали страну, отправляясь в США и Канаду, звали с собой. А я выглядывал в окно, смотрел на Средиземное море, на пальмы и эвкалипты, на синее-синее небо и говорил сам себе голосом мультяшного кота: «Таити, Таити... Мне и здесь хорошо».

Но не буду лукавить: если бы мне предложили виллу на Лазурном берегу или на озере Комо и возможность в обмен на это писать бестселлеры, а не отдавать восемнадцать часов в сутки журналистской работе, - согласился бы. В конце концов, не такая уж проблема при наличии денег летать на родину для духовной подзарядки. Да вот никто не предлагает...

В 1994 году после закрытия «Хадашота» Плетинский становится главным редактором еженедельника «Секрет». Первый номер увидел свет 4 мая 1994 года. Еженедельник был задуман как динамичное, острое издание, где совмещались и авторские статьи, и републикация статей из зарубежных изданий и СМИ. «Мы пошли по пути боевитости и остросюжетности, при этом поставив перед собой задачу не скатываться к желтизне», - говорит Плетинский. В этот период на газетном рынке Израиля начинается передел. Известное издание - газета «Наша страна», где Владимир Плетинский тогда работал с Леонидом Белоцерковским, входившее в медиахолдинг, руководимый самой массовой по тем временам партией «Авода», продается, поскольку было принято решение отобрать у партий издательское дело. При поддержке крупного издательского дома «Новости недели», самого крупного русскоязычного ИД за пределами России, Белоцерковский

и Плетинский создают «Секрет». Несмотря на не самые простые времена, среди русскоязычных СМИ «Секрет» до сих пор крепко держится за свое место и является одним из самых популярных и читаемых русскоязычных изданий Израиля. Среди авторов газеты Семен Киперман, Иосиф Тельман, Любовь Розенфельд, Амалия Мейф, Геннадий Малкин, Илья Герчиков, Михаил Харитон, соборы в Европе Александр Меламед и на Украине Михаил Френкель, журналисты и писатели Анатолий Алексин, Леонид Млечин, Эдвард Радзинский, Марк Розовский, Александр Каневский, Григорий Канович, Петр Люкимсон, Эля Люксембург, Михаэль Юрис, Эфраим Баух, Георг Мордель, Аркадий Красильщиков, Зися Вейцман, Захар Гельман, Владимир Ханелис, Елена Орлова. Среди зарубежных партнеров газеты такие известные издания, как «Аргументы и факты», «Эхо планеты» и «Ежедневный журнал» (Москва), «Секретные материалы» (Санкт-Петербург), «Русский базар» (Нью-Йорк), «Континент» (Чикаго), «Наша Канада» (Торонто), газеты «Еврейская панорама» и «Jüdische Rundschau» (Берлин).

МВ: В июне прошлого года «Секрет» отметил появление на свет тысячного номера. А помните, что было в самом первом номере?

В.П.: Содержание всех тогдашних 48 полос, конечно, не назову, но помню, что ударными материалами номера была история приезда на Землю обетованную «бухгалтера мафии» Меира Лански, написанная Тимуром Крыленко история портного, волею судеб ставшего двойником Сталина, житейская история от Алисы Грин «Фрекен Блок» о суровой теще, несколько политических памфлетов.

МВ: «Секрет» - это газета политической направленности?

В.П.: Отчасти. Политике отдается примерно треть номера. Остальное - страноведение, культура, литература, юмор.

МВ: Газета ориентирована на общемировые новости или на проблемы внутри страны?

В.П.: Стараемся дозировать. Внутриизраильские публикации занимают обычно меньше места, чем международные.

МВ: А какую на сегодняшний день проблему вы считаете самой актуальной для современного Израиля?

В.П.: Как и двадцать лет назад - безопасность и будущее страны, которую по-прежнему пытаются уничтожить.

МВ: «Секрет» рассказывает о жизни еврейских общин в других странах? Так, в Москве, в центре социального обеспечения «Шаарей Цедек» (Врата Справедливости) при поддержке Московского Салона Литераторов состоялось открытие выставки Евгении Кокаревой «А мы - живем», приуроченное ко Дню катастрофы и героизма европейского еврейства 27 нисана. Такие события вы освещаете? Или ваша газета имеет более масштабные настроения?

В.П.: Конечно, рассказываем, жизнь евреев диаспоры интересна нашему читателю, а значит, и нам. Главное - чтобы с мест нам присылали материалы.

МВ: Каким видите будущее «Секрета»?

В.П.: Непростым. Бумажные СМИ медленно, но верно умирают, как и наши читатели преклонного возраста. Те, кто помоложе, предпочитают Интернет. Но хоронить нас еще рано.

В 2011 году вместе с единомышленниками Владимир Плетинский создает Израильское Географическое общество и журнал «ИсраГео». Вот здесь и воплотилась давняя мечта Владимира стать путешественником. «ИсраГео» - это журнал обо всем: о путешествиях, событиях, происшествиях, литературных и театральных новинках. «Это та самая сфера, - говорит Владимир, - в которой смыкаются моё увлечение географией и журналистика с

литературой. И, что немаловажно, таким образом мы можем помочь нашей стране - любовь к Израилю лежит в основе всей нашей деятельности». В журнале работают профессионалы: гиды, журналисты, историки, художники, фотографы, представители других творческих и научных профессий, готовые рассказывать об Израиле, открывать эту удивительную страну для всех желающих, и, если потребуется, защищать ее пером и силой души от антиизраильской пропаганды, антисемитизма, терроризма, ксенофобии, ненависти и злобы. Израильское Географическое общество в тесном контакте с израильскими министерствами туризма и транспорта занимается разработкой новых маршрутов для путешественников, решением экологических проблем, участвует в представительных форумах и конференциях по Холокосту и ядерной безопасности за рубежом. Журнал является неотделимой частью общества, интернет-связью с миром, площадкой для информационных ресурсов. Среди авторов журнала Александр Каневский, Элеонора Хризман, Мириам Гурова, Лев Виленский, Евгения Кравчик, Галина Маламант, Александр Рыбалка, Лина Городецкая, Захар Гельман, Лилиана Блуштейн, Анастасия Яровая, Юрий Моор-Мурадов, недавно ставший председателем Союза писателей Израиля, Лорина Дымова, Евгений Минин, Геннадий Малкин, блестящий переводчик с идиша Лев Фрухтман, популярные гиды - Михаил Король, Андрей Никсон, Юрий Полторак, Соня Прусман, Григорий Тышлер и другие, а также известные блогеры и фотографы. Именно это делает журнал увлекательным и познавательным.

МВ: Почему вдруг появилась идея создать географическое общество? Недовлеченная потребность в путешествиях? Осуществление детской мечты?

В.П.: Скорее, желание совместить две страсти так, чтобы это оказалось полезным и для меня, и для моих соратников, и для страны, и для потенциальных туристов, и для читателей. А еще я давным-давно осознал, что народная дипломатия творит чудеса. Особенно сейчас, когда благодаря интернету мир так открыт.

МВ: А вы много путешествуете? Не считая рабочих поездок.

В.П.: К сожалению, в отпуск удастся вырваться только раз в году. Но мы с супругой стараемся увидеть как можно больше в выбранном нами маршруте. Путешествуем всегда самостоятельно, умудряемся справляться даже в местах, где по-английски разговаривают только портье в отелях. Благодаря заграничным командировкам удастся прихватить еще день-другой, чтобы не только участвовать в важных мероприятиях, но и мир посмотреть.

МВ: Какая поездка запомнилась вам больше всего?

В.П.: Сложно сказать... Последний отпуск в прошлом году мы провели в Шотландии. Попали в бурю по дороге на Оркнейские острова, наш корабль бросало, словно щепку. Но зато мы увидели поселение хоббитов - знаменитые руины Скара-Бре, они же Помпеи севера. Разве такое приключение забудешь?

МВ: Где бы хотели жить, кроме Израиля?

В.П.: Наверное, в северной Италии. Она очень похожа на Израиль и не такая суматошная, как южная часть Апеннин. Я космополит, мне комфортно почти везде. «Почти» - потому что недавно побывал в Бухаресте в командировке и словно оказался в Советском Союзе тех времен, когда покидал его. Разве что с полными полками в магазинах. Странное ощущение дежа вю...

Есть и еще одна сфера деятельности Владимира Плетинского - это литература. В детстве Владимир хотел стать писателем. В 9 классе под влиянием учителя химии и биологии была написана поэма «Леонид Ильич», стилизованная под поэму Твардовского

«Василий Теркин на том свете». Поэму учитель оценил, но посоветовал держать подальше и никому не показывать как антисоветскую. Увы, сие произведение раннего Плетинского не сохранилось, поскольку было выкрадено. А Владимира чуть не исключили из комсомола. Потом были антисоветские стихи, которые Владимир читал на семинарах для молодых писателей - их вели Дина Рубина и Станислав Кулиш. В 90-е годы в «Секрете» печатались главы из авантюрно-исторического романа «Красный Декамерон», который Владимир пока не дописал. На сегодняшний день литературная коллекция Плетинского - это юмористические стихи, афоризмы, пародии, романы в миниатюре.

МВ: Владимир Плетинский - это журналист в литературе или литератор в журналистике?

В.П.: Литератором себя не считаю. Просто высококачественную журналистику, если не брать в расчет новостную часть, тоже можно считать литературой. А литературу - журналистикой.

МВ: Ваши литературные произведения где-нибудь печтаются? Журнал «Московский BAZAR» готов стать площадкой. Очень бы хотелось познакомить наших читателей с «Красным Декамероном» - будет повод дописать.

В.П.: Спасибо за приглашение! Не знаю даже, когда смогу дописать этот роман. Честно говоря, с высоты сегодняшнего опыта и открывшихся архивов он нуждается в серьезной переработке с самых первых глав. Но могу пообещать, что свою еще ненаписанную мистическую повесть «Кукла с улицы Болеслава Пруса» предложу именно вам. Из-за постоянного цейтнота пишу ее только во время командировок в гостиницах и поездах, а начал по дороге из Варшавы в Краков. Надеюсь, что в июле-августе, во время отпуска, закончу. Тем более что предстоит восьмичасовая поездка на поезде из итальянского Милана во французский Авиньон...

МВ: Ловим на слове и с нетерпением ждем повесть. Есть мнение, что люди, которые много шутят и смеются, в жизни пессимисты и больше грустят, чем радуются. Сопредседатель Международной ассоциации русскоязычных сатириков в жизни - веселый человек? На жизнь смотрите с оптимизмом?

В.П.: С осторожным оптимизмом. Весельчаком меня назвать сложно, но я не склонен к депрессиям.

МВ: Чем занимается ассоциация? Лечит смехом или высмеивает пороки? Что важнее: безобидный юмор и едкая сатира?

В.П.: Для ассоциации, аббревиатура которой МАРС, главное - собрать под свои знамена хороших авторов. Это скорее творческий цех, нежели работа на читателя. Хотя в наше фэйсбукское сообщество вход для читателей свободный, свои новинки могут публиковать только профессиональные авторы. В данном случае слово «профессиональный» означает не то, что человек зарабатывает юмором, а то, что он хорошо пишет или рисует. А какие у нас чудесные авторы! Наташа Резник, Маша Рубина, Лорина Дымова, Евгений Минин, Геннадий Малкин, Георгий Фрумкер, Ирина Грановская, Михаил Юдовский, Татьяна Пит... Всех и не перечислишь.

МВ: Для читателей «Московского BAZARa» какой-нибудь злободневный афоризм можно?

В.П.: К сожалению, мой самый новый афоризм не юмористический: «Когда не хватает хлеба для народа, его кормят национальной идеей». А мой самый любимый афоризм я сочинил лет тридцать назад: «Стоящие на коленях всегда готовы ударить ниже пояса».

МВ: Браво! Вопрос Плетинскому вне журналистики, географии, литературы: какое ваше любимое блюдо?

В.П.: Жареная картошка.

МВ: Есть какие-то увлечения, помимо творчества? Ничего не коллекционируете? Раньше в СССР все мечтали собирать нэцкэ.

В.П.: Я себя называю коллекционером впечатлений. И «ИсраГео» поэтому имеет подзаголовок - «Журнал для коллекционеров впечатлений». Впечатления «овеществляются» в виде фотографий. А если о предметном коллекционировании... Целенаправленных коллекций нет, на полках стоит то, что приглянулось во время зарубежных вояжей. В последнее время стараюсь покупать маленькие кувшинчики - очень уж мне нравятся они.

МВ: Домашние животные есть?

В.П.: Кошка Алиса, она же моя муза.

МВ: А есть какая-то мечта, которую пока не удается осуществить?

В.П.: О, мечтаю о многом! Но больше всего о том, чтобы несколько месяцев не думать о хлебе насущном и написать пару романов, тщательно разработанные сюжеты которых только ждут воплощения.

МВ: И как литераторы не можем не спросить: самый любимый писатель Владимира Плетинского?

В.П.: Среди прозаиков, пожалуй, Джонатан Кэрролл. А среди поэтов - явно недооцененный Николай Глазков.

МВ: Владимир, большое спасибо за интервью. Ждем ваши литературные творения для публикации в нашем журнале.

В.П.: Спасибо и вам! Перед лицом товарищей торжественно обещаю прислать!

ПОЭЗИЯ

Владимир Плетинский
(Израиль)

РУБАИ ОТ ОМАРА ХАЙМОВИЧА

Знаете ли вы, что знаменитый персидский поэт Омар Хайам был евреем? Более того, его звали Омаром Хаймовичем. И вот некоторые новые переводы его рубай хочу предложить вашему вниманию.

* * *

Платон мне друг, хоть он эллинский грека,
Мы дважды с ним в одну входили реку,
И для гефилте фиш ловили рыбку,
И ежедневно слушали мы РЭКу¹.

* * *

Душа моя предчувствием полна,
Что снова мне нальют бокал вина,
Что снова я потребую добавить,
Потом упьюсь - и чья же в том вина?

* * *

Хорошо живут на свете турки,
Все там дешевет без конца.
Что там яйца, млеко, курки, -
Там дешевле водка и маца!

* * *

В кромешной тьме, средь сумрачных могил
Безлунной ночью как-то я бродил.
И вдруг услышал голос из могилы!
Туда свалился друг мой, Автандил.

* * *

Под завыванья нудных мулл
Тащил поклажу старый мул,
И, проклиная муэдзина,

Покинул свой родной аул.

* * *

Когда прогонит, как сквозь строй,
Вас застарелый геморрой,
Вам не дарует облегченья
Ни царь, ни бог и ни герой.

* * *

Шел противный натурал,
«Гей, славяне!» - он орал.
И славянских геев этим
До печенок пробирал.

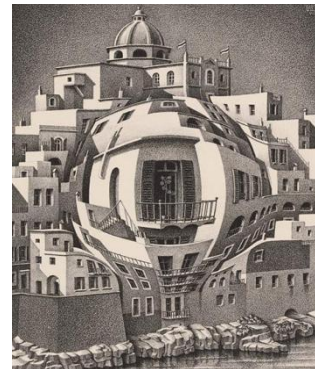
* * *

Аятоллы нам запретили пьянки...
Но как прелестны очи персиянки!
Они косятся на вино в бокале,
И молят, молят: «О придите, янки!»

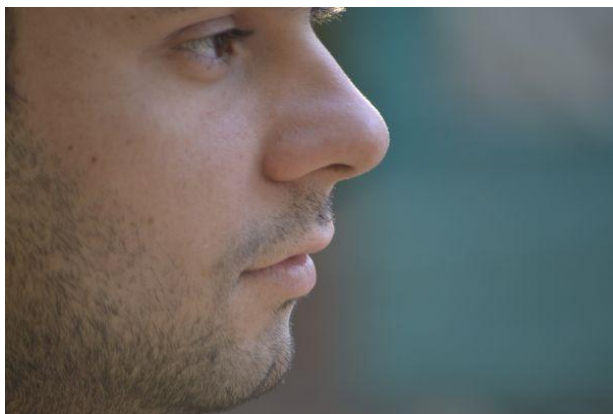
¹ РЭКА - израильская радиостанция на русском языке.

АРТ-КАФЕ

МВ уже давно знакомит читателей с творчеством современных художников, настало время создать для наших «живописных встреч» отдельную рубрику, которую мы назвали «АРТ-КАФЕ» - здесь мы будем пить кофе и разговаривать о живописи, графике, рисунке и художественных перспективах.

ДМИТРИЙ ПОПОВ: «Счастье зреть»

Дмитрий Попов

Краткая справка: художник Дмитрий Попов родился 15 мая 1984 г. в Москве, окончил художественно-графический факультет Московского государственного педагогического университета. Член Московского Союза художников с 2009 г. Обучался у признанных мастеров: Н. И. Прокофьева, Б. В. Лушников, Ю. П. Шашкова, Л. П. Тихомирова, В. П. Соколова.

С 2007 г. участвует в сборных и персональных московских выставках, среди которых выставки 2013 г.: «Провинция» (Москва, Выставочный зал «Выхино»), выставка живописи к 80-летию Московского Союза художников (Москва, Кузнецкий мост).

С Дмитрием Поповым, молодым московским художником, нас познакомил друг и партнер МОССАЛИТа Евгений Гендельман, генеральный директор компании «Blue Apple». Дима оказался современным молодым человеком, очень милым и чуть застенчивым, с внимательным спокойным взглядом. Мы пообщались, посмотрели его работы и решили, что с творчеством Дмитрия Попова надо обязательно познакомить и наших читателей – о талантах надо рассказывать, никак нельзя проходить мимо! Его картины наполнены воздухом и ярким цветом, цвет и воздух – две основные составляющие его творчества: они присутствуют и в классических зимних пейзажах, и в натюрмортах, и в смелых пятнах декоративных работ, и в его «уверенной классике». Молодой художник еще только в начале творческого пути, в поиске своей особой манеры письма, но яркая индивидуальность в его полотнах не только видна, но уже уверенно и громко о себе заявляет.

Мы предложили Дмитрию поучаствовать в юбилейном мероприятии Салона «Нам пять лет!», и он любезно согласился, выставив свои картины в нашей Литературной гостиной.

Сегодня у нас очередной вернисаж - мы знакомим читателей и с личностью художника, помещая ниже интервью с ним, и с его работами, которые украшают страницы текущего летнего выпуска «Московского BAZARA».

А пока вы смотрите картины, мы хотим с Димой побеседовать.

МВ: Дима, вы единственный в семье художник или кто-то еще у вас был связан с живописью?

Д. П.: В моей семье действительно много художников. Все они разного профиля: дед был живописцем, дядя – художник-оформитель, мастер чеканки, старший брат – создатель железнодорожных макетов, средний брат – специалист по проектированию интерьеров.

Ростов Великий, темпера, 2012

Морозное утро, темпера, 2010

МВ: Да, серьезная компания. Но раз уж вас окружали творческие люди, художники, наверное, и вы родились с карандашом в руке?!

Д. П.: Почти так. Рисовать я начал с ранних лет. С детства мы с братьями часто рисовали вместе. У них, как правило, получалось лучше, чем у меня, поэтому я всегда старался, догонял их в мастерстве. Больше мне нравились графические инструменты: цветные карандаши, фломастеры, ручки. Красками я начал писать чуть позже.

МВ: У вас много разноплановых картин – пейзажи, натюрморты, да и виды творчества многообразны: рисунок с натуры, пленэрная живопись, композиция. А что вдохновляет вас на тот или иной сюжет?

Д. П.: Я очень люблю цвет. Когда что-то в природе освещается светом, пространство заполняется воздухом, движение рефлексов окутывает тебя со всех сторон, цвет начинает играть своими переливами, яркими ударами, тонкими полутонами – это просто чудо, счастье зреть. Художник – счастливый человек.

Дмитрий Попов. Осеннее солнышко в Переяславле, темпера, 2012

Наш хоккей, правая часть диптиха, темпера, 2012

МВ: А как же поиск? Какой жанр или стиль ближе всего вам или вы все же пока в поиске?

Д. П.: Истинный художник всегда в поиске, как и любой человек, который старается быть лучше, постоянно работает над собой, совершенствуя себя, свое сознание, свои действия, состояние души и тела. По энергетике я экспрессионист. В живописи для меня главное - это цвет, движение, эмоция, настоящая и правильная. Из жанров предпочитаю пейзаж, натюрморт, композицию.

МВ: Дмитрий, совершенно очевидно, что вы знаете, чего хотите и что делаете - вас грамотно и профессионально обучили! А кого вы считаете

своими учителями: кто был учителем – реальным, кто для вас авторитет или близок по манере из великих? Очень важно получить академическое образование, так как только при таком серьезном фундаменте человек имеет возможность выбора индивидуального пути, и выбора сознательного.

Д. П.: В университете у меня были отличные педагоги, которые дали настоящее академическое образование. В начале своего творческого пути учителями и наставниками считаю художников Л. П. Тихомирова и В. П. Соколова. Любимые мастера - Левитан, Коровин, Грабарь, Сезанн, Моне, Матисс, Пикассо, Кандинский и другие.

МВ: При том что вы достаточно молодой художник, у вас прошло очень много выставок, около тридцати, не считая небольших – частных. Выставлялись и на Кузнецком мосту, и в ЦДХ. Какие выставки или выставка вам особенно запомнилась и почему?

Д. П.: Для художника выставка - это каникулы, это праздник. На данный момент мне ближе миниперсональные вернисажи, когда можно организовать небольшую, красивую, гармоничную экспозицию в выставочном пространстве. Групповые выставки также интересны своим многообразием, совершенно разными стилями, жанрами, цветовой

Зимнее солнышко, темпера, 2011

палитрой. На таких экспозициях можно посмотреть на свои произведения, как они работают и взаимодействуют с картинами современных художников. Все выставки, в которых я участвовал, мне близки и любимы.

МВ: Дмитрий, интересно узнать, как вообще вы видите современную выставку, если бы вы сами были ее организатором? Что должно в живописи сегодня привлекать молодежь, какие ценности - общие с предыдущим поколением, а какие - «новые»?

Д. П.: Чтобы создать настоящее, правильное выставочное пространство, требуется большое мастерство, знание и понимание конкретных вещей, чувство гармонии, чувство экспозиции. В живописи, несмотря на стиль и почерк художника, нужно уметь видеть настоящее, что, как говорится, сделано с душой, то есть с любовью.

МВ: И здесь же: если бы у вас была возможность, как бы вы хотели организовать выставочное пространство для своих работ?

Д. П.: Хорошая подборка картин, правильная экспозиция, грамотное освещение и позитивное настроение в воздухе.

МВ: Есть ли время читать, и если есть, то что именно вы предпочитаете?

Д. П.: Мне очень интересно читать биографии великих людей, которые мне близки по духу и роду деятельности.

МВ: Большое спасибо за интервью, идем смотреть картины!

Дмитрий Попов. Красивый букет, темпера, 2012 г.

ПРОЗА

Всеволод Круж

(МОССАЛИТ, Москва)

КОШКА

Герман был спортивным молодым человеком. Он чувствовал свое тело, и ему нравилось заниматься в тренажерном зале и приводить свои мышцы в состояние, как он это называл, физической гармонии. Он участвовал в соревнованиях по легкой атлетике, по плаванию, но стремления стать первым не было. Чтобы быть чемпионом - он это знал по рассказам товарищей и тренеров - надо принимать допинг, а это, по мнению Германа, могло привести к разрушению столь тщательно выстраиваемой им гармонии. А потому он и сторонился клубов и обществ, во главу угла всегда ставивших победы любой ценой, в которых нормой жизни было выживание в условиях жестокой конкуренции.

В тот день Герман возвращался из спортклуба домой. Был поздний вечер. Народу в метро мало. Он сел на пустое сидение. Мышцы приятно гудели от хорошо проделанной работы, от горячего очищающего душа. Герман развернул не дочитанную утром газету «Спорт-экспресс», углубился в чтение. На следующей остановке в вагон вошли две подружки, сели рядом ним. Одна из них без умолку тараторила, мешала сосредоточиться. Герман терпел, перечитывая по несколько раз одно и то же предложение, потом недовольно повернул голову...

Это было, как взрыв, как шок, как наваждение! Герман и не предполагал, что такое возможно. Взгляд скользнул по лицу сидящей рядом девушки, и... закрутило, затянуло его в бездонный омут. Она слушала свою вздорную подружку-болтушку, иногда кивая головой, иногда слегка улыбаясь. Взгляд ее был устремлен в окно напротив, как будто она что-то видела в черноте тоннеля. Черты лица показались Герману столь совершенными и тонкими, что душу его переполнили восхищение и нежность. Всё его существование, все стремления, все идеалы в один миг стали никчемными, ненужными. Весь мир, целиком, без остатка, заполнила ОНА.

До сей поры отношение к девушкам у Германа было простым и, если можно так сказать, утилитарным. Он считал, что женщины нужны для воспитания детей, наведения дома порядка, приготовления пищи и всего другого, что создаст для него, Германа, комфорт и уют. Такой идеальной партнерши пока он не встретил и потому жил один в однокомнатном логове, доставшемся в наследство от бабушки. В характере Германа удивительным образом уживалась с одной стороны чистоплотность и любовь к стильным вещам, а с другой - пренебрежение к чистоте и порядку в доме. На людях он всегда был образцом элегантности, в свежей рубашке, отутюженных брюках, начищенных ботинках. А придя домой, тут же разбрасывал по углам парадную одежду и облачался в удобные поношенные шаровары, пузырящиеся на коленках, в широкую, на два размера больше, полинявшую футболку. Всё потому, что так ему было удобно. Быть лучшим среди других и не заботиться о нудных мелочах – таков был принцип его жизни.

Но сейчас всё то, что ценил Герман, его мир, его Я, перестали иметь значение. Центром вселенной стала ОНА. И если бы ОНА сказала, чтобы он достал с неба звезду, он бы сделал это! Ну и пусть весь мир считает, что это невозможно! Он вскарабкался бы на небосвод, сорвал

самую красивую звезду или поймал бы во вратарском прыжке пролетающую комету, спрыгнул на землю, пал к ЕЁ ногам, протягивая сверкающее чудо...

Девушки встали и направились к дверям. Герман машинально сложил газету и, не отрывая глаз от НЕЁ, вышел вслед за ними на остановке. Они не замечали или делали вид, что не замечают его. Он шел в двух шагах позади, словно привязанный невидимой нитью. Это было странное чувство. Будто поднимается он по сияющей лестнице в бескрайнюю черноту ночного неба, и если шагнешь в сторону или отстанешь от НЕЕ, то упадешь, растворишься в этой темноте. Но это не пугает, потому что ОНА идет впереди, просто идет, не оглядываясь, не зовя за собой. Он не помнил, как вошел в подъезд, в квартиру, в ЕЁ квартиру, как оказался сидящим в кресле. Он видел только ЕЁ, сидящую рядом, все так же смотрящую куда-то перед собой, в невидимое другим пространство.

Сколько прошло времени, Герман не знал. Время перестало отсчитывать минуты и часы и сошло в единую точку – сейчас. И это сейчас было бесконечно. Подружка засобиравшись домой, ОНА прошла за ней в коридор. Герману не было их видно, он только слышал приглушенные голоса, не разбирая, о чем говорят. Хлопнула входная дверь. Он сидел неподвижно, будто прикованный к креслу. Мир потушил свои краски, оставив Германа сторожить сумрак ночной комнаты... Шорох шагов... Приглушенный шум невидимого водопада... Завывание буйного ветра...

Её силуэт появился в дверном проеме. Она была в белом махровом халате, подвязанном пояском. В призрачном свете ночника сияли распущенные русые волосы. Мягко, неслышно она прошла к креслу, боком села к Герману на колени, положила руки ему на плечи, долго и пристально глядя в глаза. Он растворялся, клетка за клеткой, в этих больших голубых глазах. Нежность наполнила Германа, всего целиком, без остатка. Он мягко обнял ее одной рукой за талию, другой гладил по спине, ощущая через махровый халат гибкое тело. Казалось, что он перестал дышать, сердце готово было остановиться, только бы не нарушился это хрупкий миг счастья. Сознание окутывал благодатный туман...

Потом Герман не раз пытался восстановить в памяти этот вечер. Воспоминания были нечетки, отрывочны.

Вот он стоит, крепко, но бережно прижав ее к своей груди. Она обняла его за шею. Обвила ноги вокруг талии. Их лица близки, так близки, что не различить черт. Лишь взмахи ресниц, щекочущих щеки, лишь дурманный бархат кожи. Она так легка и хрупка, что Герман боится сделать неловкое движение. Так бы и простоял всю жизнь, оберегая ее от всего мира!

Вот он лежит на спине на широкой кровати. Она вытянулась в струнку на нем, такая маленькая, такая нежная! Волосы пахнут свежестью, струится их водопад, играет свадебную песню. Дыхание горячо. Губы приоткрыты... Такие близкие... Такие мягкие... Такие сладкие... Вселенная остановила свое движение. Все вокруг – пустота. И им, оказавшимся в одиночестве в этой вселенной, чтобы выжить, надо отдать дыхание друг другу... Вобрать дыхание друг друга... Слиться, раствориться друг в друге... Смешалось всё: хаос и гармония... нежность и боль... И круговерть бытия, свернувшись пружиной, вытолкнула две души в долгий-долгий полет на небеса, в невесомость, в безвременье...

Она лежала рядом, пристроив голову ему на плечо. Это было так естественно, как будто около ключицы есть такое специальное место. И его рука так удобно обнимает ее плечо. Он ласково перебирает пальцами, наигрывая мелодию счастья. Скользят пальцы вниз к изгибу талии, к бедру...

Она внезапно отстранилась, села на краю кровати. Герман сел рядом. Он знал, что теперь они так и будут – всегда рядом.

- У меня завтра свадьба, - сказала просто, без эмоций, глядя прямо перед собой.

Герман не понял, не поверил в эту несправедливость. Это не укладывалось в его мозг. Как же так! После того, как он нашел свою половинку, роднее которой нет на всей земле! И вот так, в один миг, ее потерять?! Он не может ее отпустить!

- Так надо, - с нажимом произнесла она.

Так надо... Надо... Герман не задавался вопросом, почему. ОНА так сказала – надо. Это закон.

Она повернулась к нему, посмотрела в глаза.

- Ты возьмишь мою кошку... замуж?

Замуж... Германа это не удивило. Если ОНА просит... И потом, разве она спрашивала? Этот вопрос прозвучал как приказ, который невозможно не исполнить.

- Тебе пора идти.

Она отвела взгляд, встала, накинула халат, растворилась в дверном проеме.

Герман засобирался. В действиях появилась несвойственная ему суетливость. Прекрасный замок оказался хрустальным, и первый же натиск стихии разбил его на мелкие осколки. Как сохранить хотя бы память о нем?! Герман хотел проститься с НЕЙ, но передумал, посчитав, что она, наверное, не желала этого, и оттого так быстро ушла. Окинул взглядом комнату, чтобы навсегда запомнить, вобрать в себя её такой близкий и такой недоступный мир. На кровати сидела белая кошка и пристально смотрела на него. Герман подхватил ее, прижал к груди и вышел на лестничную площадку, прихлопнув входную дверь.

Домой пришел поздно. По привычке разбросал вещи по коридору, по комнате. Впервые за долгое время не пошел в ванную перед сном, стараясь сберечь ЕЕ запахи. Кошка забилась в угол, и Герман очень скоро про нее забыл. Долго не мог заснуть, ворочался. Сладкие воспоминания бередили сон.

Наутро, проснувшись, почувствовал незнакомый неприятный запах, заставивший его вспомнить о существовании кошки. Она сидела на груди нестиранного белья и демонстративно справляла свою кошачью нужду. Почему-то это не вызвало гнев у Германа. Это существо стало членом его семьи. Теперь он не один. Он внимательно разглядывал ее. Белая, с голубыми глазами, она напомнила Герману ЕЁ, и, может быть, оттого мысль о наказании и не пришла в голову. А наделанные безобразия – это ведь его вина: развел беспорядок, место для кошки не оборудовал.

Герман застелил кровать, загрузил стиральную машину, пропылесосил квартиру, помыл полы. Он и раньше делал это по выходным, но сейчас отнесся к неприятной процедуре с особенной аккуратностью.

В зоомагазине продавщица проинструктировала его, как нужно ухаживать за домашними питомцами, и Герман нагрузился лотком, наполнителем, мисками, сухим кормом. Кошка встретила у дверей, громко мяукнув и вопросительно глядя ему в глаза. Он почувствовал, что такое внимание со стороны домашнего зверька чертовски приятно.

- Ты еще тапки принеси, - улыбнулся Герман.

Она обиженно отвернулась и стала обнюхивать принесенные пакеты.

- Ладно, извини! Это же я в шутку.

Герман поймал себя на мысли, что разговаривает с кошкой, как с человеком. И ему даже показалось, что она все понимает. От насыпанного сухого корма она отказалась, презрительно тряхнув задней лапой.

- Ишь ты, какая цаца! – удивился Герман.

Он проследил взглядом, как она подошла к столу, запрыгнула на табуретку напротив него, присмотрелась к тому, что он ест, широко раздувая ноздри.

- Будешь есть сосиски с горошком? На! – Герман пододвинул к ней свою тарелку, с любопытством наблюдая за ее реакцией.

Кошка наклонилась чуть вбок, сделала движение, будто хочет сбросить сосиску на пол, но посмотрела на Германа, отдернула лапу, отстранилась, облизнувшись. Герман решительно выбросил сухой корм из миски в мусорное ведро. Положил туда половинку сосиски. Увидел, что ей неудобно откусывать, разрезал на небольшие кусочки.

Наевшись, кошка забралась ему на колени, он с удовольствием гладил ее шерстку, неумело, ища те места, где ей было особенно приятно.

- Как же тебя зовут? Мурка? Муся? Катя?

- Мяу! – отозвалась кошка на последнее имя.

- Ну да, конечно! Кэт, Катя.

Так у кошки появилось имя. Вернее, так Герман узнал, какое у кошки имя. Через несколько дней он уже не представлял, как же раньше жил без этого очаровательного существа. Она приучила его к аккуратности и чистоте.

Отказавшись от гамбургеров и другой еды из «Макдоналдса», она подвела его к здоровому питанию. И теперь Герман покупал свежую рыбу и парное мясо, запекал, тушил. Он научился вкусно готовить. Герман приставил к обеденному столу небольшой журнальный столик, расположил на нем миску, и теперь, как будто сидя за одним столом, они на пару с кошкой уплетали приготовленные им кулинарные изыски, щедро сдобренные ароматными приправами. Время от времени Герман предлагал кошке новые блюда: каши, овощи. С удивлением обнаружил, что ей нравится тертый на крупной терке свежий огурец.

Как-то вечером Герман сидел в кресле и смотрел футбол по телевизору. Кошка расположилась у него на коленях, тихо урча. В перерыве он стал переключать каналы, но попадались одни сериалы, к которым, как это ни странно, стала проявлять интерес кошка.

- Катюш, я пойду чайку попью, тебе оставить сериал? – Герман сделал движение, чтобы встать.

Кошка утвердительно мяукнула, спрыгнула с колен и уселась перед телевизором, внимательно глядя на экран. Герман стал иногда потакать и этой ее причуде. Он научился прислушиваться к ней, различать интонации в ее мяуканье, заботиться о ней. Она отвечала ему своей любовью, лечила его по-своему, ложась на больное место и басовито урча.

Когда приходило время сна, Герман ложился на спину, укрывался одеялом, тихо звал:

- Катя, ты где?

Тотчас же на кровать запрыгивала кошка, забиралась к нему на грудь, вытягивалась в струнку, сладострастно урча. Он гладил ее нежно, ласково. Кошкино урчание потихоньку затихало, она перебиралась в уютную ложбинку между бедер, кружилась, выбирая место, сворачивалась клубком по-хозяйски. Герман засыпал легко и быстро. И всегда ему снился один и тот же сон о том единственном вечере, когда вот так же доверчиво прижималось к нему нежное девичье тело.

Много лет спустя кошка тяжело заболела. Она отказывалась от пищи, ходила по ночам по коридору, жалобно мяукая. Сильно похудела, стала неряшливой. Герман не покупился, нашел лучшую в городе ветеринарную клинику, устроенную, как поликлиники для людей: с различными специалистами, кабинетами, аппаратурой. Записался в регистратуре. Герман плохо разбирался в болезнях, только кивал головой, соглашаясь: да, надо сдать анализы, снять кардиограмму, пройти ультразвуковое обследование. Когда предложили сделать операцию, согласился и с этим, каждый день приходил в стационар, принося что-то вкусненькое.

Операция прошла успешно, но нужно было некоторое время давать ей лекарства. Герман научился делать уколы.

Через некоторое время кошка стала похожей на себя прежнюю. Как он радовался, что удалось спасти любимицу!

С женщинами у Германа отношения не складывались. Завидный жених, ухоженный, хорошо зарабатывающий, оставался в холостяках. Если и случались свидания, то были они редки, коротки и проходили на чужой территории. Герман торопился домой, где его ждала недовольная кошка.

- Ты что-то имеешь против, Кэтрин? – вопрошал Герман.

Кошка придирчиво обнюхивала его, фыркала и спать уходила на кресло.

Прошло десять лет с тех пор, как в жизни Германа появилась Катя, и кошка снова тяжело заболела, на этот раз неизлечимо. Ветеринары ссылались на возраст, на перенесенную операцию, но помочь могли только обезболивающими лекарствами. Предлагали усыпить, но Герман отказался, ухаживал, убирал за кошкой. Она уже не приходила к нему на колени, не урчала, а только лежала в любимом кресле.

Однажды вечером, ложась спать, Герман услышал около кровати слабое мяуканье.

- Катенька, бедная моя!

Он подхватил ее на руки, положил на себя, гладил долго, нежно, глотая подступавшие слезы. Она лизала ему руки шершавым языком, урчала впервые за последние дни.

В ту ночь Герману не снились сны. Он проснулся в той же позе, что и засыпал: лежа на спине. Кошка была на своем привычном месте, но вместо приятной теплоты от нее исходил холод, беспощадный, сдавливающий сердце ледяной хваткой. Он некоторое время лежал, опустошенный, раздавленный этим холодом, не стесняясь своих слез.

Герман нашел по Интернету контору, оказывающую ритуальные услуги для домашних питомцев. Приехавшего молодого человека с профессионально скорбным выражением лица Герман попросил, чтобы с кошкой обошлись так же, как и с людьми в таких случаях. Они оговорили подробности, подписали договор, и молодой человек уехал, увозя с собой в пластиковом пакете тело существа, долгие годы бывшего для Германа самым дорогим.

Герман бесцельно бродил по квартире не в состоянии что-либо делать. Он включал телевизор, но не мог вникнуть в смысл передач, думая о том, что теперь его колени уже никогда не согреет мурлыкающая кошка. Он шел на кухню и натыкался взглядом на журнальный столик со стоящей на нем миской. Куда бы он ни посмотрел, все вещи хранили память о любимице.

В смятении Герман выбежал из дома. Мыслей в голове не было никаких, всё вытеснила боль потери. Быстрый шаг немного притуплял эту боль, и он шел и шел куда глаза глядят, пересекая по переходам оживленные улицы, сворачивая в тихие переулки. Внезапно он остановился. Мысли стали фокусироваться, и Герман осознал, что стоит перед тем самым домом, Её домом. Он зашел в подъезд. Не вызывая лифта, взлетел по ступеням на нужный этаж. Помедлил несколько секунд, отдышался и нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла женщина, показавшаяся Герману знакомой. Это была Её подруга, несколько погрузневшая, обабившаяся. Казалось, она несколько не удивилась его приходу, хотя и виделись они всего раз, да и то десять лет назад.

- А, это ты... Проходи.

Герман вошел в квартиру, которую хранил все эти десять лет в памяти. Вот его маршрут: из прихожей в комнату, где...

- Где она?

Подруга, пристально наблюдавшая за ним, удивленно хмыкнула.

- Ничего себе! Ты, оказывается, разговариваешь!

- Ну да.

- А я думала – глухонемой. Весь вечер тогда ни слова не проронил. Ну давай хоть познакомимся. Меня Машей зовут.

- А я Герман. Редкое имя.

Маша опять хмыкнула, как-то неловко отвернулась.

- Да уж...

Герман прошел за ней в комнату, остановился в дверях.

Нельзя сказать, что он испытал потрясение, нет. Скорее, было предчувствие, которое он не вполне осознавал. А теперь...

Она лежала на кровати, той самой кровати. Бледное, восковое лицо, сложенные на груди руки. Не отрывая взгляда от ее лица, он прошел к креслу, тому самому креслу, бессильно опустился в него.

- Катя долго болела... Онкология...

- Катя...

Герман только сейчас узнал ЕЁ имя. Но он уже так свыкся, сроднился с этим именем, что теперь казалось: Катя, конечно, Катя, а как же еще ее должны звать? Всю свою любовь к НЕЙ он перенес на кошку, белую кошку с голубыми глазами, такими, как у НЕЁ...

- Несколько лет назад ее прооперировали. Вроде бы удачно. Но... Ты знаешь, она всегда была немножко странная, не от мира сего. Смотрит иной раз в одну точку, долго так смотрит, как будто видит чего-то такое... А вчера она мне позвонила, говорит: «Умру я ночью. А утром придет тот парень, помнишь?» Это она про тебя. Так ты, оказывается, с ней общался?

- Нет, никогда.

Маша присвистнула.

- Ну вот, откуда она могла тогда знать?! А чего ты, собственно, пришел?

- Кошка умерла, которую она мне в тот вечер отдала.

- А у нее была кошка?

Герман не ответил, размышляя о том, насколько необычна и запутанна порой бывает жизнь. Маша тоже некоторое время молчала. Раздался звонок в дверь. Маша рванулась в прихожую.

- Это из бюро ритуальных услуг.

Оставшись с Катей наедине, Герман склонился над ней, в последний раз вглядываясь в лицо своей единственной любимой, гладил волосы, прикоснулся губами к холодному лбу. Потом ушел на кухню, предоставив Маше делать распоряжения. Через некоторое время на кухню зашел сотрудник бюро, попросил попить. У Германа возникла мысль.

- У нее была кошка, она умерла той же ночью. А нельзя ли их... вместе... - и, получив утвердительный ответ, передал ему визитную карточку скорбного молодого человека, забравшего утром умершую кошку.

После того как все обязательные процедуры были закончены, о чем возвестила хлопнувшая входная дверь, на кухню зашла Маша, кашлянула, собираясь с мыслями.

- Тут... видишь, какое дело... Сын у нее остался. Катя сказала, что ты его заберешь... Я сначала не хотела отдавать: кто ты такой, в конце концов?.. Но она настаивала: так надо... А ее «надо» - это... как закон какой-то неписанный... В общем... пойдём.

И она подвела его к двери.

С замиранием сердца Герман открыл дверь в детскую. Посреди комнаты на чемодане сидел мальчик лет девяти.

- Я сам собирал вещи, мама мне только подсказывала. Она вчера сказала, что умрет. А за мной придет папа и заберет.

Герман сглотнул подкатывающий к горлу комок. Папа... Да, наверное, так и есть... Столько времени и прошло... Ростом маленький, в маму... А глаза-то карие, и брови как у меня! Вот так, была кошка, как будто бы жена, а теперь...

- Иди ко мне, котенок! – Герман протянул руки к сыну.

Мальчик подбежал, повис на нем, обвив шею руками.

- А мама меня тоже катенком называет. Это потому, что она – Катя, значит, я – катенок. А вообще-то, я Гера. Герман. Редкое имя, правда?

Герман нежно прижал к себе доверчивое тело сына. Шмыгнул носом.

- Да уж...

РЫЖ

Рыжик – гриб особенный. По мне – так вкуснейший из всех грибов. Даже его название на латыни, и то вкусненькое - *Lactarius deliciosus*, млечник деликатесный, а можно перевести и как изнеженный. О да, он и на вид нежный, хрупкий, и аромат у него нежный, и вкус... Вот говорят – о вкусах не спорят. И не спорьте! Это бессмысленно! Попробуйте! Ага! Нечего сказать, язык проглотили?

Я набрел на рыжики случайно несколько лет назад. Есть у меня приметный лесочек, не очень большой, чтобы не задумываться о том, что можно заблудиться, не очень густой, чтобы не напрягаться, перелезая через буреломы. В урочный час, а я это определяю по тому, что на рынке начинают продавать грибы, появляются в этом лесочке подосиновики да подберезовики, а чуть погодя, степенно и осторожно, царские особы – белые. Все знают, что белые – самые лучшие грибы: и в суп, и на жареху, и в маринад, и посушить! Вот я за ними и направился.

Иду ранним утречком по опушке, по давно уже хоженным и известным местам, а грибов все нет. Что за напасть! А вдоль опушки той – посадки еловые. На глазах моих подрастали елочки из года в год, вытягивались. Стоят они ровными рядами, стройные как на подбор. И как сила какая-то толкнула меня пройти по этим рядам.

Ах, красавицы! В платьицах нарядных зеленых кринолиновых. Недотроги! Прикоснешься нечаянно, так уколют. Иду, как парад принимаю. А это что у вас за сор под ногами – показываю им на россыпь мелких серых грибов. Молчат девчата – не доглядели. А этот постреленок откуда здесь взялся? Гляжу на маленький гриб, рыжий, солнечный. И кажется, смеется он озорно, заливчато. Волнушка? Нет, не похож. Наклоняюсь, срезаю осторожно ножиком. Сок на срезе оранжевый, такой душистый, смолистый! Так вот ты какой – рыжик! Наслышан о тебе, наслышан. Что красив ты и вкусен. Но то, что дух у тебя особый – такой, что уносит, как на крыльях, в какой-то неизвестный солнечный мир, об этом не знал... И куда делось мое огорчение от того, что не нашел белых?

Сижу на корточках, улыбаюсь, пристраиваю веселого клоуна на дно корзинки. Так тебе удобно? Краем глаза замечаю, как блеснул озорной лучик в моховой горочке. Как будто перескочил со срезанного гриба. Значит, я тебя не поймал? Играешь со мной в прятки? Разгребаю мох, дотягиваюсь до основания ножки. Ах, какой я неловкий! Хрумкнула ножка, проломила. Прости, дружище, буду осторожнее! Тебе не больно? Какой же я глупый! Режу так, что кровь рыжая сочится, а еще спрашиваю, не больно ли? Но ведь ты – это не гриб, это дух гриба. И я тебя лишь освобождаю из подростового тела. А если этого не сделать, то скукожится, сморщится гриб, а вместе с ним и ты пропадешь, ведь так?

Надо же, я с тобой, как с живым, разговариваю. Как же тебя назвать?.. Эй, ты где? Я уже собрал все рыжиковое семейство, оглядываюсь. Больше не видать. Рыж! А Рыж! Делаю несколько шагов. Ага, вот ты как, в траву густую на полянке залез. Думал, не найду? Ну, зачем ты так? Тебе же неудобно здесь! Вот, травинка острая, как шпагой, шляпку разрезала. Перемещаюсь от одного гриба к другому. Куда меня Рыж ведет? Низко, как в книксене, присела молоденькая елочка. Поддавшись азарту, заглядываю к ней под платье... И тут же получаю увесистую колючую пощечину. Ах ты, боже мой! Прости, красавица! Не подумай чего плохого! Рыжа не видела? Смеются елочки-озорницы: а ты встань перед нами на колени! Поцелуй башмачок! Встаю на колени, припадаю к земле, ползу к их ногам. Рыж, вот он где, у самых стволов!

Быстро набирается корзинка. Возвращаюсь к машине в задумчивости – а что теперь с рыжиками делать? Не испортить бы гриб неумелой готовкой! Одна надежда на тещу – по части грибов она большой знаток.

Сидим за большим круглым столом в беседке, чистим грибы. Впрочем, какая это чистка? Чуть подрезаем ножки да выстукиваем рукояткой ножа застрявшие в пластинках под шляпкой хвоинки. Да еще заботливо смахиваем тряпочками приставший сор. И – бросаем в холодную воду! Плавают рыжики радостно в тазике, плескаются, как в бассейне. Дух ароматный витает по беседке, как будто Рыж где-то тут, рядом. Смеется, спрашивает: ну, как? М-м-м! Ты классный парень, Рыж! Я рад, что с тобой подружился!

Рыжики идут в засолку. Это первое дело! Так сказала теща, а она-то знает! Это уж потом, когда она раз за разом наказывала мне не смотреть в сторону других грибов, даже белых, а ходить только за рыжиками, к заготовкам добавились банки с маринованными рыжиками. И оставалось еще на суп да жарешку! Мы смело ломали стереотип, что рыжик – это гриб только для солений, и экспериментировали. И, что удивительно, везде он был хорош! Везде, в каком бы блюде он ни появлялся, витал над ним этот неповторимый ароматный, со смоляным привкусом дух...

Вот и осень вошла в свою позднюю пору. В этом году она сделала это внезапно, недолго сопротивляясь настойчивой осаде зимы. После унылой и затяжной дождевой артподготовки загрузили леса, лишившись своих нарядов. Нахальный морозец прошелся ночью по земле, угрожающе помахивая ледяным мечом. Надо последний раз в этом году съездить в лес, собрать лапник, чтобы прикрыть на зиму боящиеся холодов растения в саду. Я присмотрел упавшую в этом году ель. Пусть покоится с миром, теперь ей уже не понадобится колючее одеяние.

Скорбно обламываю у нее ветки, складываю в мешки. Ну, вот и все, прощай, лес! До следующего лета! Закрываю багажник. Совсем недавно в нем переезжали из леса на дачу рыжики. Вспоминая о них, невольно улыбаюсь. Надо бы проститься с тем местом, где жил мой веселый друг Рыж. Схожу с дороги в ельник. Лужи подернулись ледком, готовясь к зимней спячке. Хрустит под сапогами стылая трава. Рыж меня встречал вот здесь, прямо на опушке, как будто выбежав из леса и запутавшись в высокой траве. Вот его следы – переросшие, посеревшие, теперь уже совсем не рыжие грибы. Прохожу среди елей. Как же вы выросли, девчата, с той поры, как я с вами познакомился! Всё такие же модницы, даже на зиму не расстаются со своими зелеными нарядами. Глажу по голове елёнка, выскочившего на маленькую полянку. Набирайся сил, малыш, ты вырастешь такой же большой, как и твои сестрицы. А что это ты прячешь за спиной? Ну-ка, покажи!

Рыж, да это ты! Глажу гриб по заиндевевшей, но еще сохранившей свой солнечный цвет шляпке. Как же ты замерз, весь окоченел! Надо взять тебя с собой, отогреть! Вспоминаю, что есть полиэтиленовый пакет, который на всякий случай ношу в кармане. Вот он! А ножа нет! Ну

откуда же я мог знать! Берусь за ножку гриба у самой земли. Он отламывается со стеклянным звоном. Не появляется оранжевый душистый сок! Заморозила сердце твое Снежная королева. Рыж, как тебя спасти?! Быстрым шагом прохожу по еловым рядам. Вот они стоят, стойкие грибные солдаты, до последнего защищающие осень в неравном бою с зимой. Всё, бесстрашные воины, отступаем! Меньше чем через год всё поле битвы будет ваше. А сейчас – в казармы, на зимние квартиры! Один за другим ломаю грибы и отправляю их в пакет. А они как будто щелкают каблуками, рапортуя: «Пост сдал!» Вы герои! Слезинка предательски скатывается из глаза. Это от мороза. Конечно, от мороза. Рыж, будь спокоен, я собрал твою армию! А теперь – скорее тебя отогреть!

Как скорая помощь, летит машина по пустынной деревенской дороге, помигивая всеми фарами. Прочь с дороги! Вопрос жизни и смерти! Потерпи, Рыж!

Жена принимает у меня драгоценный пакет. Прямо с порога, без промедления грибы отправляются под холодную воду. Жена сосредоточенно колдует над ними. Без ее волшебства здесь не обойтись. Закипает вода в кастрюле, шипит сковорода. Нарезанные грибы отправляются в жар, под крышку. Всё что могли мы сделали! Теперь – только томительное ожидание.

Пустые тарелки на столе, красивые, желтые, с цветами. Рыж, дружище, тебе будет приятно в них понежиться, вспоминая лето! Как ты там? В ответ – сопение, урчание из-под крышки. Ну что ж, пора! Колотится сердце, тревожится... Из приоткрытой крышки вырывается наружу с паром мощный, такой знакомый аромат! Ура-а-а, ты здесь! С возвращением, Рыж!!!

Дмитрий Попов. Цветы, перец и вино, темпера, 2012

ПРОЗА

Алексей Алексеев (Москва)

РАЗГОВОР С СОБОЙ

(фрагменты из новеллы «Последняя партия Маэстро»)

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Проза», шорт-лист

«...Да, ты, безусловно, хорош, - мысленно аттестовал себя Маэстро, - сколько же на тебе ярлыков! Махровый антисемит-коллорационист, пронаци, предатель, белогвардеец, белоэмигрант, антисоветчик, враг и ренегат впридачу... Не так склалось, як жадалось, але могло бути й гирше»², - вспомнил Маэстро любимую присказку Федора Парфеньевича.

Он открыл глаза и вернулся к действительности.

- Слон жэ-семь, - нехотя отозвался Фиолетовый после продолжительного раздумья. - Я думаю, Александр Александрович, что решающую ошибку вы все-таки допустили отнюдь не тогда, когда в сорок первом написали серию гнусных статей об иудейских и арийских шахматах в «Паризер Цайтунг».

Маэстро скривил губы и покачал лысой головой - так взрослые люди сокрушаются над недомыслием юнцов.

- Слон дэ-три... Я не мог написать этот бред.

- Ну разумеется, написали они, нацисты. Но с вашего ведома.

- Нет! - протестующе замахал руками Маэстро и вновь вскочил на ноги. - Нет, нет и нет!!!

- Успокойтесь, - голосом, не терпящим возражений, бросил Фиолетовый. - Вы и до войны позволяли себе неуважительно отзываться о евреях в присутствии Тартаковера и Эйве. Помните ваше «Ich habe es dem Juden wieder mal gezeigt»³? Представляете, Соломон Михайлович однажды нам рассказал, будто вы ему признались, что испытываете особое удовольствие, когда добиваете соперника. Не только он, многие, игравшие против вас, замечали за вами неистовое, почти маниакальное стремление добить, уничтожить партнера... Между прочим, Флор всегда опровергал слухи о вашем пьянстве.

Маэстро возмущенно засопел.

- Шахматы - это схватка, столкновение умов, мобилизация всех духовных сил, огромное умственное напряжение. В партиях гроссмейстеров нередко всё висит на волоске, один неточный ход - и ты на краю гибели. А когда приходит озарение и перед тобой возникают красивые победные варианты, когда ты видишь, как опровергнуть план сильного, изворотливого партнера, то, разумеется, испытываешь удовлетворение... Да и в самом деле я пил умеренно!

- Более чем умеренно! - с жаром подтвердил Фиолетовый. - В августе тридцать третьего вы «умеренно» нагрузились за бриджем в русском офицерском собрании города Шанхая - помните ваш кругосветный вояж? - а потом, «умеренно» добавив в местном обществе русских спортсменов, с трудом свели вничью сеанс одновременной игры с третьекатегорниками в

² Сложилось не так, как хотелось, но могло быть и хуже. — Здесь и далее примеч. авт.

³ Я еще раз показал этим евреям.

международном шахматном клубе этого «Парижа Востока». Скромно умолчу о данном вами там же сеансе игры вслепую, в котором вы не столько играли, сколько спали после «умеренных» возлияний... Вы настолько умеренно выпили перед восемнадцатой партией первого матча с Эйве, что приняли в дебюте свою пешку дэ-семь за свою же пешку цэ-семь! Ну и проиграли партию с треском - даже икра не помогла! Кстати, скупые голландцы ужасно нервничали из-за икры, которой вы имели обыкновение закусывать. И даже пожаловались на вас Ласкеру!

- ...И никогда публично не говорил о евреях ничего плохого! - будто не слыша реплики Фиолетового, почти взвизгнул Маэстро. - Флора же я презираю за прислуживание Эйве!.. В конце концов, моя жена Грейс - американская еврейка!.. А в обвинениях господ Бернштейна, Файна и Эйве надо разобраться! Я их отмечаю!

- Там, где надо, - Фиолетовый значительно поднял толстый белый палец, - разбирались и разбирались в этом нехорошем деле, которое состряпали несколько бездарных австрийских шахматных журналистов явно неарийского происхождения. Состряпали, между прочим, не без участия наших людей. Удалось разобраться даже в мотивах вашего неблагоприятного поступка. Вы подписали эти мерзости в «Паризер Цайтунг», чтобы, во-первых, Грейс не отправили в концлагерь, во-вторых, вы надеялись таким образом спасти от разграбления имущество в Дьеппе, включая ценную коллекцию живописи и белый «Майбах»...

Фиолетовый осекся, почмокал губами и, блаженно крякнув, продолжил.

- Картины пропали без следа, а вот принадлежавший вашей супруге «Майбах» теперь у нас под Москвой, на одном неприметном заводике. Да-а, чего не бывает... Ну и, в-третьих, вы подписали эту ахинею об арийских шахматах, чтобы получить возможность зарабатывать на жизнь, играя в турнирах, в том числе и вне рейха. Благодаря «Арийским шахматам» вы таки отрестриктировались от жены, еврейки и подданной США, и тем, в конечном счете, купили у немцев визу, чтобы сбежать от них за Пиренеи и спасти свою шкуру. Согласитесь, фашисты поступили еще гуманно, позволив вам укрыться здесь. В конце концов, и они увидели в вас лишь чудака, прячущегося от реального мира в призрачном царстве шахмат. А могли бы и поместить в концлагерь... На худой конец - расстрелять за ненадобность... Когда же, в сорок пятом, Франко стал выдавать союзникам военных преступников, вы сбежали сюда, в Португалию, зная, что Салазар их не выдает...

- Может, скажете, когда я допустил решающую ошибку? - бесстрастно спросил Маэстро и, немного подумав, добавил. - Слон бьет эф-пять!

- О-о-о, наконец-то! Жертва слона! - Фиолетовый вновь принялся потирать руки. - Уж не хотите ли вы запутать меня?.. Да, насчет ошибки.

Фиолетовый ухмыльнулся:

- Первая серьезная ошибка состояла в следующем: не успев выбраться за кордон, в одной брошюрке, тиснутой в Германии, вы походя наговорили пакостей о большевистской России, неосмотрительно подписавшись под этими пакостями: «Александр фон Алехин»... Фон-барон выискался... «Одни ищут, понимаете, в шахматах забвение от произвола и насилия...», в то время как «вся честно мыслящая Россия ждет, видите ли, кое-какого события...», - процитировал Фиолетовый и тут же презрительно бросил: - Не дождетесь! Деньги, что ли, нужно было заплатить беременной Анне-Лизе?.. Потом вы наболтали о Советах всякую чушь в парижском Русском клубе, после победы над Капой. Дескать, фантазмагории, царящей на нашей родине, рано или поздно придет конец, и миф о непобедимости большевиков развеется так же, как развеялся миф о непобедимости Капы... Наконец, взяв реванш у Эйве в тридцать седьмом, вы публично похвалялись: «моя убедительная победа на самом деле стала победой над советским заговором».

- Мои слова извратили, - тихо возразил Маэстро. - Вернее, я ничего подобного не говорил. В «Еврейских и арийских шахматах» мне приписали следующую формулировку: «моя решающая победа (10:4) была триумфом над еврейским заговором...»

- Да, разумеется, извратили, приписали! - охотно поддакнул Фиолетовый. - Как, скажем, в тридцать четвертом на приеме в Берлине, где вы, нагрузившись шампанским, поведали доктору Франку о том, что советское руководство должно быть изгнано из России. Или как в тридцать девятом после турнира наций в Буэнос-Айресе, когда вы с Кересом анализировали позиции королевского гамбита...

Маэстро зажмурился, точно в его сознании сверкнула молния. Он увидел детское, с ангельскими чертами, но дьявольски серьезное лицо длинного и худого эстонца. Анализировали они тогда, в фойе душного столичного театра «Политеам», не королевский гамбит, а главный вариант староиндийской защиты, получающийся после седьмого хода черных - конь на е-4. Керес одевался со вкусом: безупречный темно-серый костюм, сверкающая цепочка на поясе. Этакий молодой джентльмен. Правда, держался он как-то застенчиво и был немногословен. Жена Кмоха даже обозвала его «каменным гостем».

Маэстро наморщил лоб: что же он тогда сказал Паулю? А, вспомнил: «Бегите из Эстонии скорее, пока большевики не пришли». Это было сказано негромко, но и не шепотом. А рядом стояли многочисленные зеваки - аргентинцы и бог знает кто еще...

- Лучше бы подумали о судьбах брата и сестры! - верещал тем временем Фиолетовый. - Ну а зачем вы подались в масонскую ложу «Астрея» вместе с Осей Бернштейном? Зачем вы там откровенничали с братьями? Зачем, Александр Александрович?! Там ведь и наши, с позволения сказать, люди работали! Наши люди - везде!..

Теперь уже голос Фиолетового сорвался на визг.

- Везде - слышите вы!..

Собеседник Маэстро осекся, поправил воротничок, глубоко вздохнул и уже спокойно продолжил:

- А когда вас побил Эйве, вы стали лебезить, заискивать перед нами. «Мое равнодушное отношение к гигантскому росту советских достижений превратилось в восторженное»... Е на эф.

И незнакомец взял пешкой белопольного слона Маэстро. Темное лицо Фиолетового исказила презрительная гримаса.

- Играли бы себе ферзевые гамбиты, и ладненько. Не вы ли изрекали, что «шахматы учат объективности»? Так нет, возомнили о себе черт знает что, будто вы гений, «человек с такими способностями, как у меня...», - передразнил Фиолетовый, откинулся назад и негромко засмеялся.

Маэстро вздрогнул и опустил голову. «Я не мог предположить, что окажусь невольной причиной страданий Алеши и Вареньки... Меня тяготило духовное одиночество, оттого я и вступил в «Астрею», - с грустью подумал чемпион.

- Гордыня вас обуяла, доктор Алехин. Вы всё корчили из себя супермена с пронизывающим взглядом, этакого всезнающего провидца. Как ребенок, ей-богу! Лицедей-недоучка из театральной школы Гардина... Вы напоминаете мальчишку, который, нахалив, наивно полагает, что его шалости останутся незамеченными. Хотя, конечно, когда Гитлер раздавил Францию, вы, как всегда, пошли за большинством - белоэмигрантским. Навроде Гиппиус с Мережковским. Если в эсэсовские части после 40-го года записалось тысяч десять «своих», включая, правда, югославский корпус, то в Сопротивление подались от силы человек двести... А теперь, после всех ваших выкрутасов, неужели вы думаете, что мы допустим вас к игре с Михаилом Моисеевичем?..

«...С тридцать пятого года что-то незаметно изменилось в тебе, - с горечью подумал чемпион, не обращая внимания на слова собеседника, - на третьем часу игры ты стал допускать просмотры - возраст... Впрочем, не лукавь: изменилась жизнь, пришел достаток и ощущение собственного монументального величия и тупика; ты утратил цель, и оттого раздражение и ожесточение, которые обуревали тебя, ты пробовал топить в вине; изменилась и твоя игра, стала какой-то вычурной, безалаберной, азартной, как у зарвавшегося картежника, идущего ва-банк. Играя черными, ты стал регулярно получать трудные позиции и вместо терпеливой обороны, к которой приучил себя в борьбе с Капой, предпочитал идти на необоснованный риск. Если в матчах с Эйве такая тактика нередко оправдывала себя - во втором матче у этого преподавателя математики, гения порядка, просто не выдержали нервы, а его мозг объявил забастовку, - то в партиях с талантливой молодежью вроде Ботвинника, Кереса и Решевского такие трюки не проходили».

Как однажды за карточным столом пошутил остряк Тартаковер, Александр Александрович принял на вооружение «систему D»⁴.

- Вы - одиозная фигура, - не унимался Фиолетовый. - У вас, неисправимого честолюбца, всю жизнь стремившегося к первенству, куча врагов и недоброжелателей на всех уровнях от политического до бытового. Эйве, ваш разлюбезный Ося Бернштейн, Денкер, Файн объявили вам бойкот, добившись от шахматных организаций запрета на ваше участие в турнирах, сеансах, публикации книг. Вспомните два доноса из Одессы, вспомните вашего соседа по парте в Поливановской гимназии...

Маэстро опешил:

- Георгия Римского-Корсакова?

- Его-его, - охотно подтвердил Фиолетовый. - При советской власти этот гражданин благоразумно «забыл» о своем аристократическом происхождении, упразднив первую половину фамилии. Нам же он чистосердечно поведал, что на уроках вы ему не подсказывали, по рассеянности забирали себе его учебники и тетради, что были неряхой и выглядели не как отпрыск потомственного дворянина, а навряд ли купеческого сынка, или, как говаривала впоследствии мадам Чагодаева, «белобрысого приказчика из провинциального магазина». И вообще, по определению гражданина Корсакова, вы - «неврастеник с пустыми глазами», индивидуалист, игнорировавший интересы коллектива. Дальше - больше. Вас возненавидел не только Капа, но и Шпильман, Кмох, Мароци, не говоря об Эйве, а великий хитрец и спец в области математики и логики, сотрудник американской разведки и по совместительству блестящий гроссмейстер Файн обозвал вас «шахматным садистом» и «номинальным чемпионом»... Товарищ Вайнштейн, Борис Самойлович, вас вообще на дух не переносит. Представьте, вызывает его в победном сорок пятом генерал-лейтенант Степан Соломонович Мамулов, управделами ведомства товарища Бери, и говорит: «Алехин - военный преступник, у него руки по локоть в крови коммунистов и евреев»... Эх, Александр, Александрович! Дорогой! - с неожиданной теплотой воскликнул собеседник Маэстро. - Оглянитесь, посмотрите вокруг себя - у вас же нет друзей. Вы ведь не знаете, что ваш разлюбезный сеньор Люпи только прикидывается бескорыстным другом. Он, представьте, написал письмо Грейс, в котором слезно умолял ее оплатить ваш постой здесь, в Эшториле. А ваша супружница, представьте, ответила, что вы для нее - никто, она, мол, порывает с вами...

⁴ Французская армейская шутка времен франко-прусской войны 1871 г., происходящая от выражения *on se débrouille*, - как-нибудь выпутаемся, прорвемся.

Фиолетовый тяжело вздохнул и продолжил:

- Ваше приспособленчество стало притчей во языцех. В Советской России вы - кандидат в члены партии; в республиканской Франции - горячий поборник либерте с эгалите и фратерните в придачу; в рейхе - твердокаменный представитель арийских шахмат. А в каком-нибудь Хиджазе вы уверовали бы в Аллаха и играли бы в шахматы, напялив на голову платок, перехваченный жгутом, а на тело - белую рубаху до пят. Прямо-таки Алкивиад какой-то!.. Вот и получается, что вы всем мешаете и никому не нужны - ни на Западе (картежник Тартаковер не в счет), ни на Востоке. Не нужны - ни как побежденный, ни как победитель, ни как частное лицо. Ну сами посудите, что с вами, морально неустойчивым и беспринципным типом, прикажете делать, когда вы приедете из Лондона в Москву играть, согласно регламенту, вторую половину матча на первенство мира? Не арестовывать же вас, в самом деле, как фашистского прихвостня - помощника гауляйтера Франка по культуре, военного преступника, изменника своей французской родине, политического врага, чуждого советскому строю элемента - дворянчика да еще и масона. Резолюцию Всесоюзной шахсекции от 1926 года еще никто не отменял.

Фиолетовый улыбнулся, выдержал паузу и задушевно, почти мечтательно проговорил:

- А вот как непобежденный чемпион-покойник, вы, несомненно, были бы нам полезны. Воспитание молодежи в патриотическом ключе и всё такое... Понимаете?

- Понимаю, - после недолгого молчания удрученно пробормотал Маэстро и неожиданно бросил в запальчивости: - Не был я никаким помощником по культуре! Если хотите знать, я состоял уполномоченным Европейского шахматного союза по делу пропаганды шахматного искусства с местом проживания в Праге - только и всего! А сколько лиха пришлось мне хлебнуть в протекторате - удивительно, как я еще мог играть!

Человек в фиолетовой униформе подавил смешок.

- Как однажды резонно заметил Ласкер, вы - русский, вы родились в России и стало быть просто обязаны страдать...К тому же «завет» ваш уже написан⁵. Окромя того, не вы ли, Александр Александрович, очень красиво изрек: «Цель человеческой жизни и смысл счастья заключается в том, чтобы сделать максимум того, что человек может дать»? Вы, мне кажется, свой максимум дали - довольно с вас. В партии вашей жизни, милейший чемпион мира, вы стоите на проигрыш. Не мне вам объяснять, как мелкие промахи ведут к накоплению позиционных слабостей, те, в свою очередь, к материальным потерям, и вот он - мат королю... Помянем Бальзака в третий раз: ваша «человеческая комедия» окончена.

Стало тихо.

Чемпион неожиданно вспомнил, как Грейс нежно гладила его, страдавшего от похмелья, по лысеющей голове в номере шанхайской гостиницы, где они и голубоглазая любимица Чесс провели затворниками трое последних суток их пребывания в «Дальневосточном Вавилоне». «Му роог, роог, роог Alex⁶», - приговаривала Грейс, произнося эти почти шекспировские слова с характерным «рыкающим» американским акцентом, и Маэстро становилось так хорошо, так покойно на душе, как это бывало с ним только в детстве на даче у бабушки Анны Александровны в Покровском... И еще - ему становилось невыразимо жаль себя...

«Вот и “настал конец, предел Божьему прощению”, - подумал он бунинскими словами и впервые за всю игру посмотрел на доску. - В юности мне казалось, что, попав за доской в тяжелое положение, я всегда найду неожиданный ход, которым добьюсь, по крайней мере, ничьей. Эта иллюзия до сих пор преследует меня...»

⁵ «Завет!» (¡Legado!)- последняя книга А. Алехина, изданная в 1946 г.

⁶ Мой бедный, бедный, бедный Алекс.

Сны, которые иногда снились Маэстро, он, слава богу, забывал. За исключением немногих, причем один, относительно недавний, не давал ему покоя. Как-то после турнира в испанском Хихоне ему приснился остров в тропиках - такой он видел зимой 33-го года с борта «Президента Гарфилда», шедшего курсом на Манилу: по существу это был торчащий из бирюзовой воды вулкан, чей огромный, залитый щедрым солнцем конус, окаймленный морской пеной, мирно зарос кокосовыми пальмами. Порывы ветра сгибали гибкие стволы и проделывали изумрудные просеки в этом волнуемом море тропической зелени. Но ветер стихал, и просеки пропадали, чтобы через мгновение возродиться в других местах. И вот во сне Маэстро поселился на запомнившемся ему островке Филиппинского архипелага. Здесь для него с Грейс американская фирма построила небольшой, но уютный белокаменный дом в колониальном стиле. И случилось так, что в гости к сыну-чемпиону приехали его родители - во снах нелепости случаются сплошь и рядом. Маэстро помчался на «Майбахе» по извилистой белой и пыльной дороге к пристани, но путь казался бесконечным: выложенная белыми как мел камешками дорога петляла среди рощ и лужаек, а солнце тем временем медленно погружалось в океан. Уже в сумерках он увидел Анисью Ивановну и Александра Ивановича, спокойно сидевших на лавочке и молчаливо улыбавшихся. Они любовались просторами океана, лениво и бесшумно катящего огромные валы. «Простите, что заставил вас ждать», - пробормотал сын. «Ничего страшного, Саша, - тихо ответила мать, - мы знали, что ты придешь». Отец, обычно говорливый, так и не сказал ни слова...

Чемпион мира удобно устроился в кресле. Закрыв глаза, Маэстро улыбнулся и задремал. Так и не снявший серого драпового пальто, он выглядел умиротворенным, затихшим. Тяжелая лысая голова грузного шахматного короля склонилась на грудь.

Убедившись, что Маэстро и в самом деле забылся вечным сном, Фиолетовый повернул выключатель. Зажегся свет. Тогда тот, кто изображал из себя официанта, ловко убрал на нижнюю полку тележки початую бутылку рубинового портвейна, бокалы, кофейные чашки и канделябр. После этого он посмотрел на финальную позицию, сокрушенно покачал головой.

- Черт, не надо было спешить со взятием на жэ-семь. Побил бы пешку аш-четыре, и вся его атака испарилась бы... Ну да ладно, после драки кулаками не машут!

И Фиолетовый, быстро работая руками в нестираных белых перчатках, вернул фигуры и пешки в исходные позиции. Критически осмотрев комнату № 43, он взял с кровати одеяло, заботливо прикрыл им ноги покойного, а затем бесшумно открыл дверь и выскользнул в темный коридор, никем не замеченный.

Впрочем, как можно было заметить того, кто привиделся только Маэстро?

ПРОЗА

Жанна Пестова

(Нижегородская обл.)

ОСЕННИЙ

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Проза», шорт-лист

Снова осень. Самое мое нелюбимое время года. Не понимаю, как можно любоваться увяданием и смертью. В какие бы наряды ни рядилось увядание, каким бы золотом ни платило за восторги, итог у него один – смерть. Осенью обычно на меня нападает тоска, жить становится неуютно. Не люблю осень. Правда, года три назад, я с ней примирилась и даже, можно сказать, подружилась. Произошло это, как и все в моей жизни, случайно и неожиданно. Однокурсница уговорила меня съездить на выходные в деревню за медом к ее родственникам пасечникам. К деревенской жизни я равнодушна, а вот мед люблю, особенно в сотах. Из-за него и поехала. И вот уже в четвертый раз специально беру часть отпуска в сентябре и приезжаю на недельку - дней на десять.

В прошлом году, уезжая, думала, что больше не приеду никогда. Глупая, разве в жизни бывает что-то «никогда» и «навсегда»? И вот я снова еду по сумрачному хвойному туннелю, к свету... Лучи закатного солнца, отражаясь от пожелтевшей листвы, кажется, и сам воздух делают золотисто-соломенным... Через несколько минут автобус выедет из туннеля, повернет налево, и откроются взорам поля, луга, доли, пруд, уютно спрятавшийся в ложбинке между долами... Хвойно-сумрачный туннель сменится светлым липовым. Посередине аллеи – резная скамейка.

Деревня эта поломала мои стереотипы о деревне вообще и влюбила меня в себя, в свои окрестности. Здесь мне снова захотелось рисовать. Однажды поняв, что большой художницы из меня не получится, в одночасье забросила все – и художку, и краски... мольберт задвинула в самый дальний угол кладовки. Не хотелось быть одной из... из очень многих, чьи работы разглядывают снисходительно, покупают, торгуясь, как за редиску на рынке. Мне и сейчас этого не хочется, только отношусь к этому уже иначе. Пишу картины и не думаю, что с ними будет дальше, купит ли их кто-то, попадут ли они на выставку. Мне нравится сам процесс. Причем – вот ведь странность - пишу только в деревне. В городе желание пропадает, там привычная рациональная жизнь, никаких полетов фантазии и творческих мечтаний.

Припозднилась я в этот раз. Сумерки сгущаются, разливая синюю краску, добавляя загадочности. Аллея не светится золотом, она словно отяжелела, налилась бронзой... Скамейка. На ней одинокая фигура старика. Есть или нет? Не разобрать. Наверняка есть. Он всегда сидит здесь в это время. Не около дома, как другие, а в липовой аллее, в стороне ото всех. Колоритная фигура. В прошлом году я даже пыталась написать его портрет. Удивительно, почему в первый свой приезд я его не заметила. Тогда, с подругой, было бы проще подойти познакомиться, разговаривать. Подруга у меня – гений коммуникабельности, не то что я.

Любовалась им издали, мечтая написать портрет, пытаясь понять, представить, кто же он. Можно было, конечно, спросить, пусть даже не его самого, а квартирную хозяйку тетю Дашу, но тогда пропала бы загадка, а мне интересно самой придумать. Пусть даже потом мои фантазии

окажутся далекими, очень далекими от действительности. Ну и что? Я же придумываю, создаю образ, а не ориентировку для розыска. Мне нравится придумывать людям необычные, полные драматизма, приключений, страстей биографии, примеряя их, словно маски. Вот только образ старика никак не поддавался, не могла придумать ему биографию. Не совпадали мои заготовки с его видом, казались фальшивыми, надуманными. Но ведь была же у него какая-то профессия, и жизнь была, не сразу же он стал стариком, и чем-то же еще он занимался, кроме сидения на скамейке.

Как-то, возвращаясь с очередной прогулки из леса, пытаюсь справиться с этюдником, кепкой, полной грибов, и закрытой дверью в подъезд, я буквально столкнулась с загадочным стариком. Он выходил из дома, где я жила, и куда пыталась попасть. Провожал его дядя Коля, тот самый пасечник.

- Голуба моя, - рассмеялся дядя Коля, увидев мои почти акробатические трюки, - кто ж за грибами с этюдником ходит? Ты бы еще пианино взяла!

- Да я и не за грибами ходила, грибы так, случайно встретила, - промямлила я, стесняясь перед стариком своей неуклюжести.

- Ага, выскочили это они на тропинку и давай перед тобой красоваться – нарисуй нас, возьми нас с собой, а то нам здесь плохо, страшно в лесу, – продолжал развлекаться дядя Коля.

А старик как-то мягко, заботливо принял у меня кепку с грибами, поправил этюдник, сваливающийся с плеча, и легонько подтолкнул меня в открытую дверь.

- Иди, красавица, устала, небось?

Мы вместе поднялись на второй этаж, дядя Коля уже на лестнице обогнал меня, открыл дверь в квартиру. Жила я у него на правах подруги племянницы и компаньонки его жены, тети Даша.

- А что Осенний-то в дом не зашел? – спросила тётя Даша, – он вроде не суеверный, чтоб не возвращаться.

Я оглянулась – старика не было, ушёл.

- Да он торопится, дело ж у него, - весёлость дяди Коли улетучилась, словно и не было. – Да и я пойду. Поедем, пока не стемнело.

В тот вечер дядя Коля против обыкновения не пришел к ужину, но обычно строгая в таких делах тётя Даша только отметила это, добавив после получасового ожидания, что ужинать будем без него. Мне было любопытно, что за дело такое у них могло быть с этим таинственным стариком, куда они уехали на ночь глядя. Дядя Коля не любил ездить после полудня, все поездки – только с утра. Но спросить не решалась. Тётя Даша не одобряла праздного любопытства и сплетен. А в тот вечер она стала какой-то печально-задумчивой, словно переживала, передумывала что-то важное. Никогда прежде не видела ее такой.

- Тётя Даш, а как зовут этого Осеннего? Интересный такой старик, я его еще на скамейке в аллее заметила, - не выдержала я.

Она посмотрела на меня непонимающе, потом рассмеялась, снова став привычной тётей Дашей.

- Да так его и зовут – Осенний. А ты думала это фамилия? Нет. Это теперь уж вроде как имя. Вообще-то его Арсением зовут. Он к нам лет, почитай, двадцать как перебрался... Фельдшер он. Ребятишки наши сразу его полюбили. Чем он их приворожил? Раньше к врачу со слезами ходили, как увидят – прячутся. А тут, чуть завидят – кричат: дядя Асений! Дядя Асений!.. Так и повелось – Осенний да Осенний, по имени-отчеству уж и не зовёт никто, разве когда официально. Да он и не возражает.

- А отчество его? – немного осмелела я.

- Иванович, – и после небольшой паузы с особым уважением и теплотой в голосе добавила: – Арсений Иванович Шустов.

- А откуда он приехал? Семья у него есть? – решила продолжить расспросы.

- Тебе зачем? – Тётя Даша окинула меня таким взглядом, что я невольно вжалась в кресло. Взгляд ее стал холодным, голос тоже.

- Так... портрет его писать хочу.

- Вот у него и спроси. И про портрет, кстати, тоже.

И всё, сказала как отрезала, и за весь вечер ни слова, только да-нет по необходимости. А я никак не могла понять, что же такого странного было в моём вопросе, почему тётю Дашу он так насторожил. Обычный вопрос. Мне же, строго говоря, и не важно – есть у него семья или нет. Просто так спросила. Из того самого праздного любопытства, которое тётя Даша не любила. Но не до такой же степени! Казалось бы – что мне до него? Какая мне разница, кто он, что он? Ну захотелось мне его портрет написать. Ну и что? Даже если не напишу, большой беды не будет. Так говорила я себе, зная, что все равно буду думать о нём, что уже не могу не думать.

Дядя Коля вернулся только утром. Уставший, но какой-то умиротворенный, пропахший медом и еще чем-то таким знакомым, приятным. Неужели ночью на пасеку ездил? В тот день в обычный час на заветной скамеечке Осеннего не было. И на следующий. Появился он только через три дня.

Я сидела на его месте, наблюдая, как ветер играет с опадающими листьями – то кружит их в неведомом танце, то подбрасывает кверху, то швыряет на землю... Мне было хорошо. Думать не хотелось. Хотелось сидеть и сидеть вот так под лучами по-осеннему теплого солнца, прищурив глаза, слушать, как шуршат листья. Где-то там вдалеке, в другой, кажущейся сейчас совсем чужой жизни, шумят машины, суетятся люди, гремит музыка... множество разных искусственных звуков, запахов, слов, эмоций. А здесь только тихий, едва уловимый шелест и поскрипывание веток.

- Тоже любишь на листопад смотреть? – На миг показалось, что со мной разговаривает дерево, стоящее за спиной.

Оглянулась – Осенний. И лицо его близко-близко, в теплых морщинках, а глаза – зеленые, молодые.

- Да... Здравствуйте. Вас что-то не видно было в последнее время. Куда-то уезжали?

- Я тоже люблю вот так посидеть, послушать, – старик сел рядом, оставив вопрос без ответа.

- Как шуршит опавшая листва... - продолжила я его фразу строчкой из стиха любимой поэтессы.

Осенний не принял мой восторженно-напыщенный тон. Осенний... у него и голос был осенний, словно сухая трава, с остатками, следами былых чувств, эмоций?

- Да, нет... Просто посидеть, послушать, о чем листья рассказывают. Это ведь для нас всего лишь лето прошло, будет следующее. А для них – вся жизнь уже прошла. И в этой своей жизни они много чего видели. И много чего интересного могут рассказать, в том числе и про нас. Только у людей не хватает времени выслушивать чужие истории – они всё свою торопятся делать.

- И что за истории они вам рассказывают? – Я с трудом сдерживала улыбку и в то же время злилась на себя, в словах старика была его боль и его правда.

Осенний уловил мою иронию, свет в его глазах потух, они приобрели оттенок пожухлой травы. Станный старик. Мне он всё больше становился любопытен.

Посидели молча. Разговор не завязывался. Я не могла решиться заговорить о портрете, казалось – неловко, сначала обидела, потом – портрет. Но и уходить не хотелось.

Листопад уже не радовал и не казался таким уж золотым. Волшебство кончилось. Просто листья, желтые листья опадают и летят, подхваченные ветром, под ноги проходим, под колеса машинам, становясь мусором. Естественный ход вещей.

- Не всегда чтобы слушать, надо понимать язык, бывает достаточно желания и внимания... и терпения, остановиться и послушать, просто послушать свое сердце или опадающие листья... Какая разница?

Мне стало неуютно. Вроде бы не было в его словах ничего необычного, скорее – банальные сентенции. Но произносил он их так, словно был первым, кто до этого додумался. И стало безумно жаль его, человека, которому при обилии людей рядом не с кем поговорить по душам, кроме как с листьями.

- Я бы хотела написать ваш портрет.

- Зачем?

- Что - зачем?- оторопела я.

- Зачем ты хочешь написать мой портрет?

Я не знала, что ответить. Я не знала – зачем. Я просто хотела.

- Просто хочу, - честно ответила я, в недоумении глядя на него. – А зачем вообще портреты пишут, картины?

- Я не знаю. Потому и спросил. Ты же сказала – хочу. Должен же я знать, для чего свое время буду тратить, тебе позируя.

И почему я решила, что он какой-то особенный? Обычный старик, самодур к тому же. Времени ему, видите ли, жалко! Всё равно ведь сидит! Стало как-то скучно и тоскливо. Захотелось домой, в город. Резким порывом встала и пошла. Он меня не удерживал.

Тётю Дашу удивил и обидел мой скоропалительный отъезд. Мне было всё равно. Думала, что больше не приеду никогда...

Но время шло, хороня пустые обиды. И старик этот, Осенний, всё чаще приходил на ум. Я все больше убеждалась в его правоте. Все на свете происходит зачем-то и почему-то. Не бывает ничего просто так. Почему я хочу написать его портрет? На этот вопрос я так и не нашла разумного ответа. Зато полюбила разглядывать лица пожилых людей и рисовать их, так, наброски... лица, только лица... Старики перестали меня раздражать, даже их занудная непонятливость вызывает только сочувствие...

Уже в марте я точно знала, что в сентябре снова поеду в деревню. И обязательно напишу портрет Осеннего, может, тогда и пойму – зачем.

Тетя Даша, обрадовалась моему приезду, хлопотала у стола, не позволяя помочь. Она как-то заметно постарела за этот год, появились горькие морщинки в уголках губ. Дяди Коли дома не было.

- Николай теперь все чаще на пасеке пропадает, – тетя Даша предупредила мой вопрос и тут же, почти торопливо, начала рассказывать деревенские новости – кто родился, кто женился.

Я не решилась перебивать ее, поняла – видимо, что-то важное произошло в их семье, раз они так изменились, что-то такое, о чем тетя Даша говорить не хочет. Мало ли – у них своя жизнь, своя семья. Чтобы сменить тему разговора, поинтересовалась с деланно безразличным видом:

- А Осенний как поживает?

Тетя Даша глянула на меня почти испуганно:

- Так он же умер... Не знала?

- Умер? А кто же тогда на скамейке?.. Когда? Как? Почему?

- Дак зимой еще... Как из монастыря вернулся – занедужил, все на усталость жаловался. Посмеивались тут многие: с чего, мол, устал-то – работа непыльная, не мешки таскать. А про то, что ни днём ни ночью покоя не знал, потом уж вспомнили только.

- Из какого монастыря? – прервала я её причитания.

- Так из Рождественского. Он туда каждую зиму ходил. Годину по жене справлял. Она у него в Спитаке погибла, во время землетрясения. Ты, поди, и не знаешь про такое, только родилась тогда. Он ее там похоронил, а жить потом уж, когда страна разваливаться начала, сюда перебрался. А могила, её ж в чемодан не положишь, она там и осталась, в чужом государстве. Вот он по монастырям и ходил на годину да на день рождения. Осенью, в сентябре, в Троицкий, зимой в Рождественский. Поживет там дня три, помолится, монахам поможет чем может. Любил он жену-то очень... Всякое у нас тут болтали про него, язык-то без костей, а он жених завидный, не пил, не курил, работающий да домовитый, уважительный. Сколько баб к нему подкатывало, сколько грязи вылили, даже и про нас, будто я его медовыми настойками приворожила, только он так и жил бобылём... - тётя Даша вдруг всполошилась, - погоди, он же спрашивал о тебе, говорил, на жену его ты похожа. И письмо тебе оставил. Где ж оно? Погоди-ка...

Она ушла искать письмо. Я прислушивалась к шорохам, шагам, внимательно прислушивалась, лишь бы не думать. Я потом подумаю обо всем, когда останусь одна, когда будет возможность послушать свое сердце.

- Вот, вот оно. Он в больнице еще когда лежал, все просил тебе передать. А мы как-то с похоронами-то закрутились. Родных у него не было, мы с Николаем его и хоронили да люди помогли. А про письмо-то и забыли, смотри-ка. Ты уж прости, может, там важное чего...

Я развернула сложенный вчетверо листок. Обычный тетрадный листок. Рисунок карандашом - мой портрет. Только лицо. Но в нем – я вся, даже жутковато – словно сама себе в душу смотрю. Осенний успел и узнать, и понять меня...

Шла с кладбища и не понимала, отказывалась понимать – как же так, все точно такое же – небо, трава, деревья... солнце золотит листья деревьев, ветер кружит их в последнем танце. Точно такая же осень, как год назад. Ничего не изменилось. Только был человек - и нет человека. И ничего в природе не изменилось. Ничего не изменилось...

И только золотые листья, плавно кружась, укрывают опустевшую скамейку...

Дмитрий Попов. На старой полке, темпера.

ПРОЗА

Наринэ Карапетян

(Санкт-Петербург)

ПОПУТНЫЙ СЮЖЕТ

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Проза», шорт-лист

Они вошли в маршрутку где-то на Охте – потрепанного вида длинноволосый парень в рокерской куртке и опрятная девочка лет одиннадцати в клетчатом пальтишке и вязаной шапке, по фасону напоминающей голландский чепец. Устроились на боковом сидении. Парень сразу развалился, опустил замок молнии на косухе – из расстегнутого ворота мятой рубашки выглядывала волосатая грудь. Девочка же села на краешек и выпрямила тонкую спину в струнку.

Галина Владимировна, рассеянно наблюдавшая за вошедшими, с недоумением подумала: «Что может связывать этих двоих?» Словно в ответ на ее мысли, девочка повернула голову в профиль (и носик, и уголок губы были у нее чуть вздернуты вверх), потянула за обтянутый черным кожаным рукавом локоть и спросила:

- Пап, мы у бабушки Люды долго пробудем?

Галина Владимировна терпеть не могла, когда в транспорте кого-то назойливо разглядывают. Но тут против своего обыкновения она добрых полминуты не сводила взора со странной парочки. И с чего только она записала его в «парни»? Вон и брюшко уже изрядно наметилось, и легкие залысины появились на лбу, хотя темно-русые, кудрявые и слегка засаленные волосы на макушке еще не поредели, а мешки под глазами и покрасневший нос картошкой скорее свидетельствовали о стойкой приверженности к пиву. Вероятно, ее ввело в заблуждение счастливое выражение его по-младенчески блуждающих глаз, которые, когда затуманивались, словно подавали отчаянный сигнал о том, что пришла пора давать бутылочку.

- Ну, не знаю, там видно будет, - ответил папаша и поскреб ногтями за ухом, проколотым в трех местах. – Я, может, выскочу на часок, а потом мы обязательно сходим с тобой... ну куда ты там хотела. В кино. Или кафе.

- Мне все равно. Можно и в кино. В субботу придешь ко мне на соревнования? Районные. Не уверена, что справлюсь с мячом, но с лентой у меня действительно хорошо получается. В будущую субботу – сможешь?

- Ну, не знаю, как там все сложится...

- Бабушка мне весь купальник расшила кристаллами Сваровски – полпенсии на них истратила. Тренер говорит, у меня есть шанс занять призовое место. Жалко будет, если ты не увидишь.

- Я же сказал, попробую, - пробурчал парень, и глаза его словно не устояли в орбитах – шарахнулись в разные стороны.

Галина Владимировна, последние десять лет своей педагогической деятельности занимавшая пост завуча, хорошо изучила повадки таких великовозрастных балбесов. Хоть кол на голове теши – ничего от них не добиться. Поначалу она пыталась достучаться до совести, здравого смысла. Но чем убедительнее звучали ее доводы, тем стремительнее глаза ученика

соловели, а выражение лица приобретало оттенок идиотичности. Чем такого проймешь? И Галина Владимировна, к стыду своему, каждый раз чувствовала в сердце укол жалости и отпускала с миром, то есть с легким нагоняем, вместо того чтобы наказать с далеко идущими последствиями в назидание другим. И каждый раз, наблюдая за тем, как ставшие оловянными глаза избежавшего строгой кары вновь проясняются младенческим светом, она думала, что, возможно, им открыто нечто, утраченное ею, но тут же с негодованием отвергала эту мысль. За такими раздумьями она потеряла нить разговора отца с дочкой, но потом голос девочки вновь завладел ее вниманием:

- А вышила уже я сама. Я даже образец взяла вам с бабушкой Людой показать. Увидишь, как аккуратно. Вон у тебя пуговица почти оторвалась, на нитке болтается – погоди, я сейчас затяну, а будем у бабушки Люды, пришью в два счета.

И Галину Владимировну кольнуло, что бабушку, ту, что по маме, она как человека родного не называет по имени, и все, что присуще и окружает эту так понравившуюся ей девочку, осеяно присутствием той бабушки. Галина Владимировна заставила себя отвернуться к окну, но в окно не смотрелось. Тогда она с досады потеряла переносицу под вечно натиравшими роговыми очками, потом поправила волосы, которые с возрастом стали жестче, приобретая вместо соломенного желтоватый оттенок, и в недлинной стрижке сами легли крутыми буклями. Наконец сцепила ладони и несколько секунд разглядывала давно требовавшие маникюра ногти и утолщенные в фалангах суставы. Что-то странное творилось с нею. Будто извне пришла мысль о том, что если из виденной ею сценки поочередно стереть сначала внешние образы, потом звук голосов, а затем и самый смысл сказанных слов, то все равно останется самая суть отношений тех двоих – и это будет материнская любовь девочки к невзрослеющему, бросившему ее отцу.

Маршрутка уже затормозила у метро, пассажиры зашаркали, отрываясь от сидений, а Галина Владимировна вдруг поняла, что ей дурно – должно быть, опять шалит сердце. Она стала шарить в сумке в поисках валидола, но тут по мобильнику позвонил сын. И словно с самого дна ее существа толкнулись скопом и рассеялись куполами парашютов по небу памяти образы, картинки, обрывки фраз – разной давности, но все об одном.

Сын, уже отец двоих детей, в очередной наезд мнется у дверей, словно ища повода остаться у матери, и той в уголках его опущенных глаз приоткрывается горькая истина... Свой юбилей: невестка звонким до металла голосом произносит тост, в тексте которого уже не проведешь грань – шутка это или заведомая шпилька... Снова с сыном на кухне – он уже не скрывает, что несчастлив, и с потухшей интонацией говорит о долге перед детьми... И свое, по телефону вполголоса, – давней подруге, сокурснице по педагогическому институту – о невестке – признание: «Как же трудно ее любить». А мобильник все звонил, и водитель маршрутки, немолодой кавказец, обернувшись, поглядывал на застрявшую в салоне пассажирку. Галина Владимировна засуетилась, рывком поднялась с сидения и, пробираясь к выходу, поднесла трубку к уху.

- Володя, ну что у тебя? – не своим, а каким-то надтреснутым, по-стариковски недовольно дребезжащим голосом осведомилась она. – Я в транспорте, дома созвонимся.

И сын после гудков отбоя еще долго глядел на трубку своего рабочего телефона, будто силясь разглядеть в ней привычный образ все понимающей и принимающей его любым матери, затем пожал плечами и положил трубку на рычаг.

ПРОЗА

Вячеслав Грант

(Пермь)

ЕЩЕ ОДИН ШАГ

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Проза», шорт-лист

...Неосторожно дернул за ручку, и дверь захлопнулась, оставив длинные марши лестницы моей жизни за непробиваемой железной преградой.

Как вернуться туда? Никак.

Впереди есть белое окошко, но нет никакой возможности стащить отяжелевшее тело по отвесной стене. Можно лишь, словно бестелесный ангел, выпорхнуть из него и возвратиться вниз – до той первой ступеньки, где остались мои родные и близкие, мои первые мечты и устремления – такие светлые и ясные, каких не бывает вправду.

Жаль, очень жаль, что не задержаться на каком-нибудь этаже и не побродить там вновь. Есть только путь в самый-самый низ, без единой остановочки.

Я буду лететь и лететь, с любопытством заглядывая в проносящиеся окошки памяти – все ниже и ниже, пока не коснусь безмолвного холода земли.

Высота ужасает!

Но иного пути в этой огромной многоэтажке нет...

Дмитрий Попов. Натюрморт с рыбой, темпера, 2011

ПРОЗА

Валерий Старовойтов

(Томск)

БИНОКЛЬ

Небо стало заволакивать легким колышущимся пологом, сквозь который мерцали мириады звезд. В мгновение ока вспыхнули пучки света, похожие на бенгальские огни, которые потухли без следа, и Старову показалось, что северное сияние исчезло. И тут ночное небо озарилось ярким лиловым светом! Над горизонтом заиграли длинные лучи, убегающие к зениту. Они образовывали на вершине небесного купола яркий венец, который постепенно растворялся. Затем небо пересекла дуга, состоящая из двух светящихся полос: зеленой и красной. Фантастический поток лучей, разом появившийся в черном небе, начал размывать прекрасную дугу. Над головой складывались кружевные плетения изумрудно-багрового занавеса, которое заколыхалось, и его нити медленно превращались в узорчатую бахромку. Потом небо разорвали два гигантских луча, опускающиеся в колеблющийся разноцветный веер. Подводная лодка застыла неподвижно в торосах, громоздящихся по краям небольшой полыньи. Вахтенный офицер Старов, задрав голову, любовался северным сиянием.

- Товарищ капитан-лейтенант, смотрите! - громко закричал вахтенный сигнальщик, показывая рукой в направлении кормы.

Огромная белая медведица показалась из-за ледяной глыбы.

- Опа! Не видела еще такого огромного тюленя?! - восторженно орал матрос, приплясывая на боевом посту вперёдсмотрящего в рубке атомной подводной лодки 671 РТ-проекта.

Медведица с силой втягивала воздух, склонив здоровенную морду к переливающимся бликам отражений небесного сияния в студеной воде. Маленький белый комочек выкатился ей под задние лапы так быстро и так неожиданно, что ей ничего не оставалось, как подставить увесистый зад непроходимой преградой для медвежонка. Малыш ткнулся в него и, пробуксовывая на льду, рванул назад в укрытие, подальше от материнского гнева. Медведица посмотрела ему вслед и заворчала. Старов и матрос весело засмеялись. Первое всплытие во льдах Северного Ледовитого океана - и такая удача: увидеть медведицу с медвежонком на расстоянии сто метров! Склонившись над системой «Каштан» — переговорным устройством связи мостика и центрального, Виталий доложил обстановку за бортом родной К-257. Вахтенный сигнальщик повис на ограждении рубки, рассматривая с интересом в цейсовскую оптику большого морского бинокля хозяйку Арктики. Бинокль являл собой не только крайне необходимый моряку инструмент, он был наградой капитан-лейтенанту Старову за отличные торпедные стрельбы на приз Главкома ВМФ. Виталий взял бинокль с собой, чтобы понаблюдать за творением неведомого космического художника, расписывающего небо бахромой северного сияния. Налюбовавшись ночным небом, Виталий отдал бинокль вахтенному сигнальщику по его просьбе. Оптика служебного бинокля была, со слов сигнальщика, посильнее, и матрос подносил к глазам окуляры то одного бинокля, то другого, увлеченный созерцанием семейства белых медведей с расстояния вытянутой руки.

- Старов, замполит отдыхает, разведчик с фотоаппаратом поднимется к тебе через пять минут. На этом гребанном «Финвале» делают что-нибудь своевременно когда-нибудь?! Маслопупы! Хватит развлекаться! Сейчас поддифферентовку начнем! - голос старпома, разносивший механиков в центральном посту, вмиг исчез в замолчавшем динамике на мостике. Наступила великая тишина, растворяющаяся в белом безмолвии под чарующей красотой полярной ночи. Дух захватывало от величия Ледовитого океана. Суетного мира человечества, казалось, не существовало вообще никогда. Завороженным взглядом Старов не отрываясь смотрел на громадную медведицу. В своих размерах она превосходила всех ранее виденных белых медведей в московском и берлинском зоопарках. Зверь в нерешительности топтался на месте, раскачиваясь из стороны в сторону и изредка поворачивая голову с одобрительным рыком в сторону пугливого медвежонка, выглядывающего из-за нагромождения льдин.

- Продуть цистерну быстрого погружения! – «Каштан» затрещал, зашипел и смолк. Ночь разорвал грохот продуваемого балласта. Маленький мишутка запищал и скрылся из виду матери. Картинка калейдоскопа северного сияния сложилась в белые лучи, и стало совсем светло. Рев из утробы этого странного чудовища суровая мамаша поняла по-своему, возможно, как угрозу ее малышу. Поднявшись в рост, превышающий три метра, она заревела, оголяя огромные клыки. С силой рухнув на передние лапы, медведица в одно касание перевела толчок на задние и, вытянувшись, прыгнула на корпус лодки. От неожиданности сигнальщик дернулся головой вниз, и бинокль полетел за борт. Старов, вполоборота развернувшись, успел схватить матроса за край кожаной куртки альпак, что позволило сигнальщику упереться руками в ограждение рубки и не нырнуть вслед за биноклем. Вовремя оказавшийся на мостике лейтенант из радиотехнической службы успел перехватить матроса за плечи и помочь втащить за ограждение. Оседлав корпус лодки, зверь грозно заревел и с силой саданул лапой по обрешеченной поверхности легкого корпуса. Тело непонятного для нее противника не дрогнуло.

Втащив сигнальщика в рубку, Старов и лейтенант тотчас нырнули в проем ограждения за выдвижными устройствами и с любопытством рассматривали с высоты хозяйку Арктики, напавшую на подводную лодку. Щелкала вспышка фотоаппарата, запечатлевая шикарные кадры, вскоре украсившие к радости замполита обложки журнала «Огонек». Медведица рычала, пытаясь сорвать кожу с противника, даже запускала огромные клыки в упругое тело гидролокационного покрытия. Все безрезультатно. Беленький пушистый комочек бегал у полыньи и жалобно звал мать. Чувство материнства преодолело чувство ярости, она грациозно соскользнула в воду и через несколько секунд, переступая огромными лапами по льду, на ходу отряхиваясь от воды, зашагала прочь, нежно прихватив пастью шустрого сынишку, вмиг обмякшего в могучих челюстях матери.

- Поснимаю с вахты к едрене-фене! Весь «Каштан» оборвал. Готовить мостик к погружению, зоологи хреновы, - матерился грозный старпом, капитан второго ранга Ручьев.

Скоро зазвучала знакомая команда: «Всем вниз! По местам стоять к погружению!» Подводники по вертикальному трапу скользнули внутрь лодки. Ручьев лично задраивал верхний рубочный люк. В центральном отсеке подводной лодки неслась деловая череда команд для подготовки движения на глубине. Не раздеваясь, в распахнутом альпаке, вахтенный офицер Старов повис на ручках перископа, наблюдая за горизонтом. Северное сияние зависло мерцающим плетением над безмолвными льдами океана, по которым брела медведица с беспечным медвежонком. Впервые за свою долгую жизнь в Арктике она согласилась на странную ничью в схватке у любимой полыньи, в которой ежедневно ловила крупную рыбу и в которой скоро исчезло непобедимое и неведомое чудовище. Командир

боевой части атомной подводной лодки Старов сидел в родном первом отсеке поверх корпуса кислородной торпеды, вздыхая, крутил в руках пустой кожаный футляр с гравировкой на титановой пластинке: «Капитан-лейтенанту Старову В. Н. от Командующего СФ. 24.09.83». Стрелка глубиномера между торпедными аппаратами застыла на отметке в 200 метров. В голове кружились мысли не о бинокле, медленно скользящем в бездну, а о красивой хозяйке Арктики с потешным мишуткой. Виталий вспомнил своего сына, где-то там далеко-далеко за безмолвием Северного Ледовитого океана мирно посапывающего рядом с матерью. «Каштан» щелкнул, и долгожданная команда понеслась по отсекам лодки: «Подвахтенным от мест отойти. Боевая готовность два - подводная, команде руки мыть. Приготовиться к вечернему чаю!».

МОРЯК ГОРДЕЙ

Перед грязным витражом общепитовской столовой переминался с ноги на ногу отец невесты - сухой и высокий дядька Гордей с обвислыми рыжими усами. В руках он держал вышитый рушник с караваем и солью. Гордей Иванович выдавал замуж последнюю из четверых дочерей, Анну, за лейтенанта Нобника.

Гордея в рыбацком поселке знали и уважали. Вдовец один воспитал дочерей, которых его Татьяна, большая охотница до мужиков, нарожала быстренько - через каждые два года - и умерла от непонятной болезни крови, аккурат на Петров день, когда маленькой Анютке - нынешней невесте, было всего-то три годика.

Гордей и его передовая бригада в тот день набили трюмы траулера в подволок тихоокеанской сельдью и спешили домой, выжимая из старичка МРТ-1 аж целых двенадцать узлов. Радиограмма о смерти жены пришла, когда до поселка оставалась двое суток хода.

Долго стоял рыбак над рыжим холмиком с нанизанным на него серым памятником с пятиконечной звездочкой в окружении притихших девочек, старшей из которых на днях исполнилось девять лет. Солнце, готовое сжечь с лица земли явную несправедливость создателя - сделать вдовцом моряка, полуденным маревом стекало с погоста к пыльному поселку.

Татьяна, царство ей небесное, была гуляющая баба, и Гордей знал об этом, но когда пьяный рыбмастер заметил, что она «слаба на передок», разукрасил рожу передовику социалистического соревнования и поселковому депутату всеми цветами денежных знаков...

Клаксон рявкнул и вырвал Гордея Ивановича из прошлого. Подержанная «Волга ГАЗ-21» с лучистыми золотыми кольцами на крыше автомобиля плавно стала заворачивать к столовой с облезшими желтыми стенами в разводах и трещинах от последнего землетрясения.

Гордей с хрустом распрямил спину; гости зашевелились и загалдели; колокол на столбе зашипел, и треск помех слился с маршем Мендельсона.

Свадьба как свадьба: стандартный набор закусок и ритуалов, традиционное «горько!» на счет и шумный пирог, которым обносила гостей свидетельница, чтобы собрать побольше денег для молодых. Пирог выпала честь разрезать за триста рублей командиру подводной лодки, на которой и служил жених. Родители Нобника на свадьбу из Москвы не прилетели, что дало повод в очередной раз посудачить в поселке злым старухам над несчастной, но дружной семьей пожилого рыбака.

В общем, обычная, традиционная коллективная пьянка. Боцман рвал мехи баяна, а муж старшей сестры подбивал поддату молодёжь украсть невесту, чтобы заставить салагу-жениха

выпить из полной туфли, которую зятек снял с ноги новоиспеченной гражданки Нобник. Моряки косилась на брюхатую невесту и отказывалась: «Как бы, того, не родила».

Сам жених с тоской смотрел на вакханалию, творившуюся за столом, и помалкивал. Лейтенант еще и напрасно злился на механика Жданова, который попросил слова и произнес, с точки зрения Старова, замечательный тост: «Желаю нашим соседям за проливом Лаперуза свата рикшу, тещу гейшу, а жениха Мойшу! А нашим молодым, по эту сторону Лаперуза, детей как у отца-молодца Гордея Ивановича. За родителей!»

Выпить-то выпили, но зашушукались. Толя Жданов, не обращая внимания на негодующие взоры жениха, налегал на голубцы. Ефим Нобник скрывал, что был евреем, но одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: генотип Земли обетованной, унаследованный от предков, превалировал над фенотипом земли москалей.

Старову стало нестерпимо скучно, и он после десятого повторения «Арлекино» с прилипшей к нему с начала вечера носатой девицей, деликатно намекнув ей на галюн, прошмыгнул в коридор, где моряки из экипажа во главе с замполитом заканчивали последние театральные приготовления выхода на свадьбу свиты Нептуна. На старшего лейтенанта никто не обратил внимания, и Виталий через уже остывшую и пустую кухню вышел в прохладу сахалинской ночи.

Легкий бриз струился с моря. Желтая луна в красочных бликах темной изумрудной воды рисовала ребристую дорожку к холмистому берегу с густыми зарослями лимонника. Цикады разносили свою сливающуюся с привычным шепотом ласкающего прибрежные камни темного моря свадебную песню далеко-далеко вдоль узкой кромки берега. Издали с сопки доносились обрывки разухабистых свадебных частушек, да черноту ночи вспарывали сигнальные ракеты, запускаемые в честь молодых кем-то из сигнальщиков по приказанию набравшегося посаженного отца жениха – командира Б-61.

Старов присел на теплый еще валун и закурил, наслаждаясь красотой ночного моря. Нежный запах болгарского табака смешивался с запахами моря, йодом водорослей, оставшихся после отлива на берегу, и витал, и кружил в слабом облаке дорогого мужского парфюма, исходившего от сильного молодого тела. Виталий размышлял, стоит или не стоит прокрутить быстротечный роман с носатой девицей, однозначно давшей понять, что девочка готова. Легкий хмель кружил голову и накручивал мысли о женитьбе: «Нет уж, увольте, таких свадеб во тьме-таракани нам не надо. С Нобником ясно, девушка беременна, хочешь или не хочешь, надо жениться: “облико морале совете офицера”».

Да и невеста, честно сказать, красавица, говорят, в мать-покойницу. Высокая, стройная, темные волосы толстыми кольцами по старинному образцу уложены на голове, величественно сидящей на лебединой шее в богатом ожерелье, – подарке неведомой свекрови. Глаза – миндалевидные, задумчивые, с поволокой, с большими пушистыми ресницами – смотрят всегда открыто, и в них столько внутренней силы и чистоты, что хочется встать на колени и молиться, словно матери небесной. Губа не дура у строптивого Нобника – такую крालю отхватить. Лейтенанта Ефима Нобника он знал плохо. Как и все москвичи, парень был с норовом, а на Тихоокеанском флоте, таких офицеров не особо жалуют. Прошел уже год его службы в экипаже, но командир электронавигационной группы звезд с неба не хватал, поэтому и звание старшего лейтенанта, в отличие от Старова, не получил. Нобник держался особняком, дружбы ни с кем не водил, хотя был всегда приветлив. А главное, у Ефима водились деньги. Он охотно одалживал другим лейтенантам, просаживающим свою получку на берегу за два-три ужина с девочками в ресторане. Командиру БЧ-3 большой дизельной подводной лодки Старову Ефим симпатизировал, и когда Виталий попал в медсанчасть с банальной ангиной, даже навещал его, принося с собой фляжку коньяка для «полоскания горла». Перспектива, что

их приятельские отношения могут перерасти в необходимую для подводников флотскую дружбу, мгновенно растаяла, когда, проигравшись в кошу⁷, Нобник со злостью швырнул доску в лицо Старову. Виталий наладил ему в ответ хорошего пинка и выгнал из первого отсека лодки, приказав вахтенному: «Лейтенанта Нобника в торпедный отсек не пускать без сопровождения командира и старпома». Матрос Габибулин вытаращил узкие глаза, поняв приказание к исполнению дословно, начал соображать, как такое может быть на практике.

Где Ефим познакомился с Аней, никто толком и не знал. Полгода назад заходили в Советскую Гавань, и Нобник тогда исчез на три дня, что было неслыханной дерзостью для молодого офицера. Лейтенанта искали всем экипажем, а он запал в каком-то борделе, устроенном в одной общаге, где обитали девушки со всей страны в погоне за длинным рублем на переработке рыбы.

Ефима препроводили на гауптвахту, и резвый замполит начал готовить суд чести. Старов хорошо помнил скисшую рожу зама после посещения по этому вопросу начальника политотдела. Один звонок из Москвы, и лейтенант Нобник не только не предстал перед судом чести, но и был досрочно освобожден. Кто его московские покровители, никто не знал, но поговаривали что мамаша - директор московского военторга. Еще поговаривали, что в том общежитии и нашел лейтенант свое счастье. Старов мало этому верил, милая невеста не походила на обительницу рыбацкого борделя.

В темноте послышался прокуренный кашель, затрещал хворост: из кустов, осторожно переступая по крутым земляным ступенькам, спускался к морю Гордей Иванович. На полпути он увидел сидящего на валуне спиной к нему человека и остановился в нерешительности. Старов обернулся, узнал отца Ани и окликнул его: «Гордей Иванович, присаживайтесь, покурим!»

- Будешь?! – сиплым голосом спросил рыбак, протягивая холодную фляжку.

Виталий сначала сделал маленький глоток, а затем запрокинул голову, принимая на грудь удивительно приятный на вкус крепкий напиток с хорошим терпким запахом.

- Понравилось?

- Слов нет! – сладостная нега растеклась по телу.

- Чача на женьшене, сам гоню из дикого винограда. А женьшень старшая дочь привезла из Уссурийска. Ее Марина зовут, от слова «море»! - Гордей тоже приложился к фляжке.

- Только она - единственная моя дочь, а остальные не мои, - неожиданно вырвалось у него, и рыбак замолчал. Старов по треску табака и яркой вспышке сигарки у обвислых усов понял, что затянулся Гордей Иванович крепко.

- Тебя как зовут, старлей?

- Виталий!

- Женат?

- Нет пока.

- И то правильно. Моряку жениться надо этак лет в тридцать пять, когда погоны большими звездами да широкими шевронами рукава кителя будут украшены. Да и умишка уже наберешься, а главное, женщин понимать начнешь.

- В каком смысле? – Старов с интересом всматривался в темный лик интересного собеседника.

⁷ Разновидность настольной игры в нарды. – Здесь и далее примеч. авт.

- Я один воспитал трех дочерей. На моих глазах они из маленьких девочек превращались во взрослых девушек. Они разные, но объединяет их одно желание - любить и быть любимой. Несчастливыми их делаем мы, мужики, потому что не даем того, что по праву им принадлежит от бога. — Рыбак вздохнул. - Уметь любить женщину большое искусство, у нас в стране не учат этому, а жаль.

Этими словами Старов был сражен наповал. Пожилой моряк показался ему просоленным морем, без лишних изысков мужиком, для которого все удовольствия сводятся к хорошей выпивке и горячей одноразовой постели с грудастой рыбацкой. Мысли понеслись по кругу: «Оказывается, товарищ старший лейтенант, вы самодовольный индюк, поглядывающий на людей свысока. Среди неотесанных, на первый взгляд, моряков рыбацкого сословия встречаются тонкие и ранимые, так же, как и среди интеллигенции - отъявленные негодяи и садисты».

- Любить женщину - это не только читать ей стихи при луне, но и разделять с ней постель. Моряку в этом вопросе, в отличие от сухопутного и пешего брата, намного сложнее. Разлука притупляет физическую близость, а если ты еще и не мастак по этой части, то рискуешь по возвращении с морей в лучшем случае вернуться к пустому очагу. — Гордей чиркнул спичкой, и Старов увидел боль на его лице. Она глубокими морщинами собралась у слезившихся глаз и сбегала по обвислым усам в черноту ночи.

- Так было со мной. Мы любили друг друга, но рожала моя Татьяна от других мужиков. Я лелеял надежду, что это не так. Однажды на этом самом месте она призналась. Тогда у нас сорвалось из-за меня. Я страшно избил ее, но сделал еще хуже. Жена болела и не могла встать к детям. Я пил на судне, закрывшись в каюте. Девочки плакали и жалели мать, не понимая, что натворили их родители. После запоя увидел изможденные лица дочерей, занял кучу денег, перевел их в чеки и по книжке моряка набрал всяких вкусоностей и дефицитов. Через день ушел в море отрабатывать долг. По возвращении увидел, что она снова беременная. Скоро родилась Аня. Позже узнал, что третью дочь она родила от того самого барыги, которому я был должен тогда. Он потребсоюзом у нас командовал. Три года мы жили тихо, да и Таня остепенилась, но умерла. Пусть ей будет земля пухом!

«Папа! Папа!» — звучал тонкий голос сверху, с невидимой в ночи округлости сопки. Ей вторил басовитый: «Отец, мы уезжаем!»

- Ладно, Виталий, извини за откровенность старика. Иногда выговоришься хорошему человеку, и полегчает. Вы хороший человек, слушать умеете боль человеческую. Спасибо. Давай допьем и наверх. Правда, у меня теперь зять - Мойша. Как там ваш дед⁸ говорил?..

В ответ над морем полетел с надрывом голос Владимира Высоцкого: «Закаленные во многих заварухах, слухи ширятся, не ведая преград, - ходят сплетни, что не будет больше слухов абсолютно, ходят слухи, будто сплетни запретят!».

На самой вершине сопки Старов подал старику руку, и они выбрались из зарослей на песчаную дорожку, ведущую к зданию столовой, еще более ветхому, и казалось, придавленному темнотой. Красные фонари габаритов «Волги» качнулись на разбитой дороге и исчезли.

Гордей Иванович украдкой перекрестил молодых и сам себя в мыслях успокоил: «Говорят, евреи хорошие любовники, и наших русских женщин обожают. Повезло дочке, не то что ее покойнице матери. Да и зятек, сразу видать, не моряк, скоро на берег спишет, не то

⁸ Дед - механик на корабле.

что этот стралей. Ишь ты, в душу запал хлопец, потому что утюжить моря и океаны будет, как мы!»

- Пойдем, Виталий, накатим еще по одной за молодых! – с теплотой в голосе позвал Старов вмиг состарившийся Гордей Иванович.

В ярко освещенном кругу, взбивая пыль, рыбаки и военные моряки с Б-61 затеяли во дворе столовой самую интеллектуальную игру - перетягивание каната.

- На «три»! – проорал пьяным голосом командир и дал отмашку. Крепкие тела упали вдоль толстого пенькового каната с обоих концов двумя командами, подошвы поехали по земле. Треск! Отсыревший в трюмах канат лопнул ровно посередине, образовалась барахтающаяся куча-мала, которую накрыло облаком пыли. Свадьба набирала обороты. Гордей весело смеялся, обняв за плечи коренастого подводника. Старов понял, что старый рыбак по-настоящему счастлив только сейчас.

ТРИ МАТРОСА

Две малютки, по-весеннему празднично нарядные, гоняли сизарей. Голуби вспархивали, но не улетали. Девочки-близняшки заливались смехом, махали ручонками и совсем не обращали внимания на свою маму, постоянно вскакивающую со скамейки навстречу неуверенным пока первым шажочкам. Крепкий старик с седой шкиперской бородкой, украдкой подбрасывал птицам семечки. Его добрые глаза светились детским озорством и весельем. Мартовское солнце играло бликами на синей глади Стрелецкой бухты, над которой возвышался обелиск из белого инкерманского камня. На лицевой стороне - чугунный барельеф старшего краснофлотца Черноморского флота Ивана Карповича Голубца, его закрывала овальная гирлянда живых цветов, а сбоку к памятнику с изображением медали «За оборону Севастополя» примостился скромный лавровый венок с лентой, на которой золотыми буквами значилось: «Ивану от друзей на вечную память. 25.03.95». Надписи на двух мемориальных досках рассказывали о подвиге отважного моряка весной 1942 года. Старов пробежал по ним глазами и присел на край скамейки, посередине которой стояла шахматная доска с проигрышной позицией черных в эндшпиле.

- Не желаете партию, молодой человек? – Голос старика был слегка хриплым и приглушенным.

- Простите, не понял, - Виталий повернулся и увидел, что дед со шкиперской бородкой намеревается пересечь с другой скамейки поближе к нему.

- Да пожалуй, время еще есть с полчаса. Если позволите, доиграем эту партию.

- Хотите за Босого доиграть или проиграть? – Хитрый взгляд из под густых, подернутых пеплом, бровей; плитка орденовских планок на груди; горячее рукопожатие; недавняя игра с птицами, чтобы порадовать малышей – все это располагало к себе, и Старов согласился. Виталий любил фронтовиков. Жизнь их скручивала в бараний рог репрессиями, войной и разрухой, а они выстояли и живут, мужественно перенося новые тяготы и лишения, уже девяностых годов. Победители, которые по вселенским меркам доживают микросекунды на планете, сохраненной их мужеством и отвагой, живут хуже побежденных. Почему? А главное - за что?! Капитан второго ранга в запасе Старов сотни раз задавал себе этот вопрос. Ответа не было. Видимо, Господь решил их сделать святыми на небесах, домучив окончательно на земле. Из потертого рукава серого плаща лайковая перчатка протеза была бережно уложена на бедро, и старик двинул на ослабевшие ряды черных увесистую ладью, склонившись крупным

телом над шахматной доской. Виталий сделал довольно удачный ход, и старик начал напевать себе под нос песенку о бывшем напарнике по недоигранной партии: «Бо-сой, босой не ходи с косой... за утренней росой».

- Витя Босов, я - ваш покорный слуга, и тезка Вано, – седая голова мотнула в сторону обелиска, - на малых охотниках здешнее море утюжили. «Черное море, священный Байкал», - хриплый голос громко и радостно запел. – Шах!

Старов в пол-уха слышал короткие, рубленые фразы о службе трех друзей в морских частях погранвойск еще до войны.

- В сорок первом мы с Иваном на одном корабле служили. Немецкие подводные лодки на подступах к Севастополю отгоняли.

- А я ведь тоже в прошлом подводник, только на Севере служил.

- Вот мы тебя и загоняем глубинными бомбами, а Босой тогда плавучим краном командовал. Шах и мат! Кто по званию, батенька, будете? - Старик широко улыбался, поглаживая предплечье изувеченной руки и, как бы извиняясь, добавил: - Ноет, сволочь, к шторму, факт.

Виталий посмотрел в даль синевы бухты. Перистые облака уже начали собираться на горизонте.

- Капитан второго ранга в запасе Старов Виталий Николаевич. А ведь вы правы - ночью заштормит!

- Старшина первой статьи в отставке Кузин Иван Тимофеевич!

- Кузя, Кузя – якорный бабай, подсоби! – К памятнику семенил с тяжелой авоськой сухонький лысый старичок.

- Вот и Босой. Виктор Иванович Босов собственной персоной с выпивоном и закусоном идет на бреющем. Давайте поможем, а то надорвется и до пятидесятилетия Великой Победы не дотянет.

Виктор Иванович все говорил и говорил, суетясь подле седовласого старика и его молодого спутника. Одиночество можно было понять, но не дай бог пережить. Жена умерла. Дети разъехались, а старый человек все время один. Время всегда безжалостно. Оно состоит из одних потерь: молодости, любви, близких, здоровья...

- Вдруг телеграмма, глазам не верю. Кузя в гости пожаловал с самого Питера!

- Дорогие мои фронтовики, почему общаетесь, простите, как пацаны, все кликухами? - Виталий переложил ношу в другую руку и рассмеялся.

- А у нас сегодня день памяти Ивана Карповича Голубца. Он заводила нашей компании был. Вот и говорил, что, как война закончится, начнем Севастополь заново отстраивать и обращаться будем друг к другу по кличкам, как в детстве. Мы все трое с Херсонеса. Не будешь же мне на кран орать: «Виктор Иванович, майна!» Да лучше гаркнуть: «Босой, не спи! Замерзнешь!» - Иван Тимофеевич шагал широко, и Старов едва успевал за ним.

- Вот дают отцы, ведь уже по семьдесят пять, а скоры на язык и на ногу, - не переставал удивляться Виталий.

- Ты уж извини, браток, старых придурков, что припахали тебя. Вот сейчас за угол - и моя хата на Дыбенко.

Виталий занес авоську на махонькую кухню и хотел было распрощаться с милыми стариками, но встретил решительный отпор, укор и даже гнев со стороны мощного фронтового первостатейного старшины Кузина. Босов распутывал провод телефонной трубки и тараторил:

- Вы, товарищ капитан второго ранга, вот можете позвонить. Мне телефон к пятидесятилетию поставили. Военком, тоже второго ранга, лично позвонил и поинтересовался про аппарат. Сейчас благодать, а на сорокалетие Победы не ставили, хотя сам адмирал Ховрин

такое распоряжение давал. А как думаешь, Виталий, на шестидесятилетие Победы, может быть, новую квартиру дадут?!

- Не будем о грустном, Босой, где люминевые кружки наши фронтовые? - Из единственной комнаты доносился хриловатый голос Ивана Тимофеевича. – Вот, нашел, какого ты их лешего на сервант поставил?..

- Дорогие товарищи, - голос хозяина квартиры дрожал, - давайте помянем по русскому обычаю тех, кого с нами нет: кого забрала война, а кто уже и сам прибрался. Да пусть им будет земля пухом, а море домом.

Молча выпили, закусили. Босов засуетился с яичницей, но его друг здоровой рукой прижал за худые плечи к себе и чмокнул в лысину:

- Эх, Витек, сколько протянем, на том господе и спасибо. Давай за Ваню по полной и покалякаем малехо про двадцать пятое марта сорок второго, а то память дырявая совсем стала – напомнишь чего, если сбрышу.

Настенный календарь извещал о субботе 27 марта 1995 года.

- Последняя декада марта стояла ветреная, сырая, не как сегодня, - предался воспоминаниям Иван Тимофеевич. – Наш малый охотник «МО-121», загруженный под завязку, неделю безрезультатно проболтался вместе с другими кораблями дивизиона в поисках немецких лодок и вернулся в бухту, так и не сбросив ни одной глубинной бомбы.

- А я служил краснофлотцем на этой же базе, только на плавучем кране, и всегда их предупреждал, - Босов ткнул пальцем в сторону приятеля, - что выгружать их семь крупных глубинных бомб не буду. Врага пусть топят, а не возят боезапас туда-сюда.

- Восемь, как сейчас помню их лоснящиеся цилиндрические борта. Грузили еще порядка двадцати малых глубинных бомб на каждый катер, - лицо в обрамлении седой шкиперской бородки слегка зарделось от «Столичной». - Мы немцев на том выходе не нашли, а вот они нас, думаю, выследили, потому что часа два после швартовки последнего охотника поливали с воздуха - мама не горюй.

- Видимо, немецкая подлодка сопровождала вас до входа в Стрелецкую бухту, а затем под прикрытием тумана всплыла и телеграфировала координаты базы для коврового бомбометания авиацией? – Виталий умело разделял тарань.

- Не исключено. «Юнкерсы» налетели, как черти из преисподней, - старик тяжело вздохнул.

- Тимофеевич, никак в толк не возьму, почему Ваню на катере остался?! – Босой появился с шипящей на сале яичницей в дверях комнаты.

- Иван остался на охотнике по приказанию штурмана - осмотреть привод руля. Голубец был рулевой на «МО-121». Отрегулировал привод и собрался на базу. Бомбардировка застала его уже на берегу.

- Да, немец намастачился базы крушить еще с Англии. Недавно прочитал, что точность их бомбежек определялась радиотелеграфным коридором при полете на цели: с одной стороны одни точки наземная станция передает, с другой - тире. Летчик и шпарит как по рельсам. Отклонился в одну сторону – тире слышит, в другую - точки! Так точно по курсу на цель и выходили. Немец дураком никогда не был. Воевал тоже куда с добром.

Виталий с любопытством слушал разговор старых вояк.

- Чего, товарищ капитан второго ранга, так смотрите. Я ведь радистом на том же охотнике был, - и старик протезом постучал по столу: «Та, та, та-та-та».

- Семерка, «Я на речку шла!» - пропел Виталий.

- Молодец, верно – семь. Точно, напевами азбуку Морзе учили. Босой, наливай, флот в надежных руках. За нашу Победу. Ура!

Зазвонил телефон. Виктор Иванович бросился на пяточок коридора к аппарату, но вернулся слегка расстроенным – ошиблись номером. Старов понял, что дед ждет звонка от родных и, видимо, уже давно. Стало жаль сухонького старичка, и он, усаживая Босова возле себя, крепко пожал руку. Тот все понял, с благодарностью глянул на молодого гостя и продолжил рассказ:

- Иван Голубец был решительным и смелым с детства. Видя, что огонь распространяется, он мгновенно уже по пылающим сходням вернулся на катер.

- Можно, конечно, рвать когти в такой ситуации, – взгляд из-под густых бровей, подернутых пеплом, посветлел, – но не в характере Голубца бросать корабль в беде. Всего их стояло тогда у пирсов четыре охотника, да, Витек?

- Все загруженные под завязку, рядом с плавучим краном. Представляешь, Виталий, что случилось бы, если рвануть тридцать две большие глубинные бомбы и под сотню малых?! – Виктор Иванович загорячился, зарумянился и побежал открывать форточку.

- Да, трагедия могла быть колоссальная, – Старов представил чудовищные взрывы на катерах, которые могли привести к детонации снарядов артиллерийских складов базы. Картинка покоренных антенн от падения обломков крана на эсминец или крейсер, гарь, убитые и раненые – все это кадрами кинофильмов пролетело в голове.

- Ваню бросился к рычагу бомбосбрасывателя, конечно, понимая, что в первую очередь на горячей посудине необходимо избавиться от опасного груза – больших глубинных бомб. Механизм не действовал, видимо, заклинило от бомбежки... Балкон открывай. Душно. Точно погода изменится.

Кузин встал на величину своего богатырского роста и помог другу справиться с верхним шпингалетом давно не крашенной балконной двери.

Свежий воздух заструился по ногам, побежал по довоенному старому кожаному дивану и устремился к низкому потолку, лаская по ходу на стене две фотографии. Та, которая больше, в рамке, с изображением молодого, чубатого Виктора Ивановича, а рядом с ним, видимо, супруга - курносая девушка с уложенной на голове косой и комсомольским значком на лацкане подретушированного коричневого пиджака. Та, которая поменьше, самодельная, с веселыми лицами трех краснофлотцев на фоне круглой колонны памятника затопленным кораблям другой обороны легендарного Севастополя. В 1855 году, ровно сто лет назад, вице-адмирал Нахимов затопил корабли флота, чтобы не дать возможности прорыва со стороны моря.

- Как тебе три флотских пижона?! Справа Голубец. – Старики усаживались за стол, и Кузин, поглаживая шкиперскую бородку, ждал, когда его приятель разольет остатки водки.

- Бравые моряки. – Виталий встал из-за стола. – Дорогие Иван Тимофеевич, Виктор Иванович, низкий вам поклон за то, что сохранили мир, восстановили из разрухи страну, за то, что дали моему поколению учиться и жить, я вам доложу, в самое светлое время.

- Спасибо, сынок. – Босов засуетился, подкладывая консервы прямо из банки, на которой значилось: «Бычки в томате».

- Бомбосбрасыватель не сработал, и что тогда? – Старов все равно уже опоздал на все встречи и бизнес-совещания, поэтому решил дослушать историю про краснофлотца Голубца.

Жаль, уйдут последние старики, и не заменить по силе восприятия их рассказы о Великой Отечественной войне ни книгами, ни новыми информационными технологиями. Что носить с национальной идеей! Вот она перед вами, господин Президент. Перепишите голоса стариков, снимайте документальных фильмов с живыми воспоминаниями, проявите политическую волю и на государственном уровне, а не только на уровне самодеятельных поисковых отрядов (большое вам спасибо за это, ребята!), найдите и захороните все останки погибших, придите в

каждый дом ветерана и закрепите за ним предпринимателя, снизив за это ему бремя административной нагрузки, да покажите все это на весь мир!

- Голубец начал сбрасывать за борт бомбы, таская их на руках, – спокойно ответил Кузин, ловко орудуя одной рукой, открывая всем по бутылке пива.

Виталий удивленно поднял глаза на старика.

- Да, именно так, - вторил фронтовому другу Босов, - Иван хороший спортсмен был. Представляется мне, что тяжело, видимо, Ване пришлось с первой бомбой, она ведь дура килограмм под сто. Дальше у него пошло дело. Все в дыму, пламя к ногам приближается, ад кругом настоящий, а он бомбы, что деток малых, на руках через весь корабль пронесит и за борт! Тут погреба на охотнике рванули, Ивану осколком зубы повышибало. – Старик горько вздохнул. – Ветер с бухты дым относил, дальномерщики с эсминца в окуляры эту схватку с пожаром видели, потом рассказывали. Покончив с большими бомбами, Ваню спрыгнул на бон, на минуту прилег, чтобы отдышаться да рот промыть. Дальномерщики говорили, что не лицо, а месиво сплошное, только глаза целыми остались. Видимо, тогда он и заметил, что огонь подбирается к водолазному ботику. Голубец отдал швартовы и отпихнул ботик ногой. Не пойму, на кой ему, раненому, еще и с ботиком пришлось возиться? Может, насосом подачи воды хотел воспользоваться, чтобы пожар тушить, да не смог? Виктор, как думаешь?

- Ботик единственный на всю базу целым оставался, с него накануне собирались водолазов мне под кран заводить. Трюма водой заполнялись, и кран устойчивость терял, а начальник особого отдела на меня зуб имел и уже бумагу в особый отдел флота накалал, что я вредитель, сознательно кран из строя выводил. Расследование началось. Вот если бы ботик сгорел, тогда и мне крышка, хлопнули бы у волнореза, мама не горюй. – Виктор Иванович дополнил рассказ так просто, словно речь шла не о человеке краснофлотце Босове, а о роботе, запрограммированном на самоликвидацию. И добавил, словно оправдывая неведомого особиста:

- Что, брат, поделаешь, война.

- Выходит, он и тебя тогда спасал?! - Иван Тимофеевич нахмурил пепельные брови. - Почему раньше молчал?

- Выходит так, а молчал, потому что тема с душком, и чего ее ворошить, коль капитан Злабин - особист нашей бригады, погиб в бою на Сапун-горе. Давай лучше про Ваню докладывай! – рассердился Босой.

- Ладно тебе, разворчался, - Тимофеевич мирно чокнулся алюминиевой кружкой с хозяином дома и Виталием.

- «МО-121» весь в огне, каждую секунду мог взорваться – на стеллажах оставались еще малые глубинные бомбы. Ваню снова вбежал на палубу горящего корабля, схватил две бомбы - и за борт их! Я понимаю, он думал лишь об одном: уменьшить силу взрыва. – Старик замолчал.

С улицы доносился привычный ритм обычной мирной жизни. Виталий был в горящем отсеке подводной лодки. Яркая вспышка той аварии ударила в мозг: нет, страха не было. Появилось чувство сопричастности к выполнению общей задачи – спасти лодку. Натренированное тело машинально выполняло команды, и все. Оставалась надежда в глубине сознания, что за переборкой твои товарищи, которые тоже знают четко, что предпринять. Сила - в единстве экипажа, а здесь совсем другой случай – одиночество и яростное желание до неминуемого взрыва уменьшить его разрушительные последствия, чтобы сохранить жизнь на других кораблях. Всего-то, по масштабам времени, пятнадцатиминутная схватка с огнем в малом эпизоде из миллионов подобных на войне. Вот этим и отличается подвиг от работы, за которую вы, товарищ капитан второго ранга, получали большие деньги.

Хриплый голос Кузина вернул Виталия в квартиру на улице Дыбенко:

- Дальномерщики рассказывали, что на Голубце вспыхнула роба. Человек-факел с бомбой в руках бежал из последних сил к леерному заграждению, чтобы броситься в воду. Не успел Иван Карпович! - Кузин тяжело вздохнул. - Катер взлетел на воздух. Но взрыв не причинил уже ощутимого вреда другим кораблям.

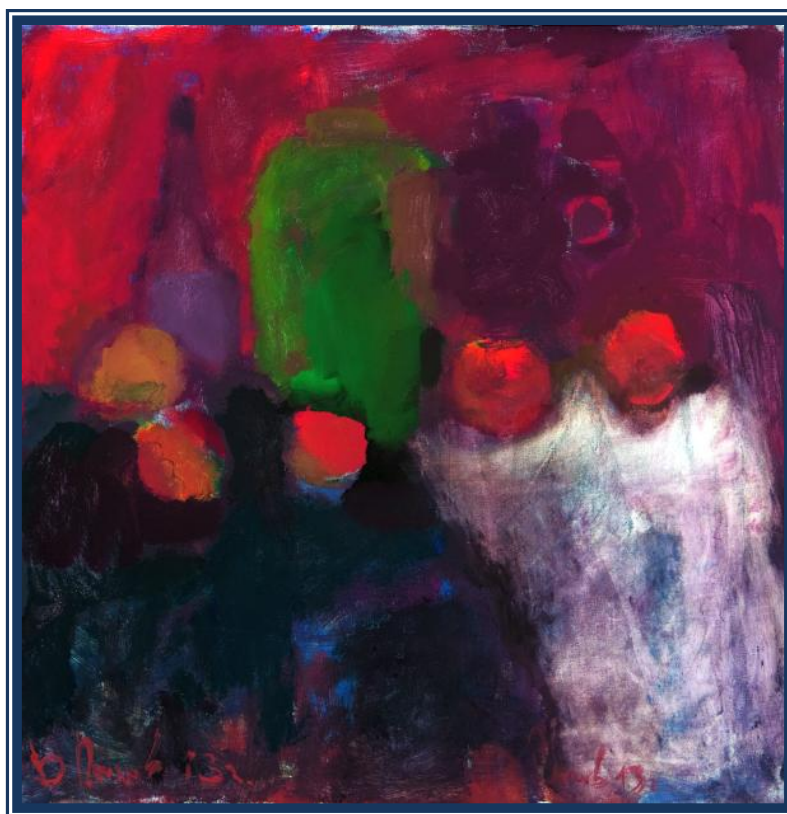
- Мы прибежали по тревоге, когда от морского охотника осталось лишь горящее масляное пятно на воде. – Виктор Иванович поднялся. - Может чайку, или как?

- Лучше второе, Босой.

- А ежели сердечко начнет прижимать?

- Все равно, Витя, мы обязаны ради светлой памяти Героя Советского Союза Ивана Голубца, нашего дорого Ваню, дожить до пятидесятилетия, и доживем. Так что тащи чачу, не жмись!

Вечерело. Перистые облака сбились в темные тучи, гонимые норд-вестом над белыми барашками вздыбленных вод Стрелецкой бухты. Ветер сорвал лавровый венок с надписью золотом «Ивану от друзей» и унес в море, где покоились останки матроса Голубца, геройски погибшего на той далекой войне.

Дмитрий Попов. Натюрморт с кувшинами, темпера, 2013

ПРОЗА

Мари Веглинская

(Светлана Сударикова)

(МОССАЛИТ, Москва)

НАСТРОЙЩИК

Он приходил осенью. Когда пестролистый ветер метался по подворотням, гонимый осенней тоской, и солнце тусклым пятном лежало на мокром асфальте. Мне всегда было тошно в эти унылые дни и хотелось плакать. И тогда появлялся он. Его звали Герман. Дядя Герман. Он был большим, даже огромным, с мясистым носом и большими карими глазами. Дядя Герман снимал в прихожей огромного размера ботинки, и они, как два корабля, потрепанные многолетними круизами, отдыхали на коврик после дальних странствий. Он всегда был в пальто и пестром шарфе. А еще от него пахло чем-то свежим и нежным, почти как от женщины, что не вязалось с его огромной фигурой и этими растоптанными башмаками, устало ждущими хозяина.

Дядя Герман был настройщиком фортепьяно. Дорогим настройщиком фортепьяно. Но родители приглашали именно его, хотя существовали и другие, дешевле. Но дядя Герман знал инструмент, наш инструмент, и это явилось весомым аргументом. Собственно, он его нам и продал. Это было трофейное пианино, привезенное из Германии. Дядя Герман обнаружил его в старом деревенском клубе. Одна ножка у фортепьяно была погрызена собакой, крышка треснута, подставка для нот отсутствовала вовсе. Но дядя Герман в запыленном заколоченном ящике углядел великолепный инструмент прошлого века немецкой фабрики «Лохов и Циммерман». Когда инструмент, приобретенный за две бутылки водки, был переправлен в Москву и отреставрирован другом дяди Германа, удивительным мастером дел музыкальных Иммануилом Михайловичем, оказалось, что у фортепьяно великолепное удивительное звучание. Звук, который оно воспроизводило, был особым, отличным от других подобных инструментов: сочным, густым, богатым оттенками. Когда фортепьяно притащили в дом и поставили в гостиной, я поначалу боялась туда заходить. Мне было пять лет. Я пряталась за дверь и сквозь щель разглядывала его матовую черную поверхность. А когда крышку открывали, мне представлялось, что это монстр раззявил пасть с огромными зубами из слоновой кости. Фортепьяно приобрели для тети Эльзы. Тетя Эльза, Эльза Петровна, жена покойного папиного брата, после смерти мужа занимала в нашей квартире одну комнату. Надо сказать, что квартира была огромной, на одиннадцатом этаже высотки на Красной Пресне, так что места хватало всем. И хотя самым важным и, как я говорила, «заглавным», считался дедушка – профессор медицины, известный в городе хирург (он эту квартиру и получал), лучшую комнату в квартире отдали тете Эльзе. Тетя Эльза вообще находилась на особом положении: при ней не говорили громко, на нее смотрели с состраданием, и, естественно, на ней не лежало никаких домашних обязанностей. Каждый ее выход сопровождался охами и вздохами. Наполовину немка, наполовину испанка, она попала в СССР вместе с отцом, бежавшим от репрессий генерала Франко. Вообще-то, Эльза была Пэдровна, а не Петровна. Но как-то это очень уж смешно звучало.

Она была красивой, тетя Эльза, очень красивой, но красоту свою ловко маскировала безобразными мешкообразными юбками и нелепыми кардиганами. Великолепные черные волосы, густые, волнистые, блестящие, она убирала в пучок, пригвоздив намертво шпильками, и только синие глаза, темные и глубокие, не удавалось скрыть даже под густыми хмурыми бровями, про которые мама говорила:

- У тебя брови, как у Леонида Ильича! Приведи их в порядок, Эльза.

Но Эльза Петровна была непреклонна.

Она стойко хранила верность покойному мужу, за что пользовалась неизменным уважением и почетом. «Бедная Эльза, - шептались за ее спиной, - похоронить себя заживо! И все ради Вадика. Да он не заслужил такого». Он и правда не заслужил. Отпрыск профессорской семьи, он вел самый непристойный образ жизни, швырял папочкины деньги на ветер, кутил и гулял, как барчук, и здорово выпивал. Он и погиб-то нелепо: напился и, сев за руль папочкиной «Волги», врезался в грузовик. А Эльза его любила. До самозабвения, до истерики. Причем она никогда не плакала, только выла, как собака, а глаза оставались сухими. И никогда не смеялась. Никогда. Первый год после смерти мужа она жила на кладбище, ее невозможно было оттуда вытащить, потом, как в келье, сидела в своей комнате, выходить в люди стала редко, почти никогда. Вечно понурая, несчастная, с печатью горя и неудавшейся жизни в глазах, она как тень бродила из комнаты на кухню и обратно, вызывая всеобщую жалость и... поклонение. Из нее сделали святую, великомученицу, ей было все позволено, никто не смел повыситься на нее голос. Но я, вероятно, как все дети, чувствовала в этом какую-то фальшь, что-то неестественное, неправильное, нелогичное. Отчего не то чтобы не любила, скорее недолюбливала Эльзу. Особенно мне не нравился ее рот: тонкогубый и вечно плотно сжатый, будто она прятала там что-то нехорошее.

Единственное, от чего тетя Эльза не смогла отречься, это музыка. Она любила ее, наверное, даже больше Вадика. После смерти мужа первое, что она сделала, продала свой рояль, великолепный «Бехштейн» – единственное ее приданое, о чем пожалела уже на следующий день. И после года траура попросила купить ей новый инструмент. Так наш «циммерманчик», как называла его мама, и появился у нас, а вместе с ним дядя Герман. Помню, как Эльза садилась за инструмент. Это был целый ритуал. Сначала она подходила к пианино и задумчиво на него смотрела, словно гипнотизировала, затем усаживалась на банкетку, открывала ноты, и ее руки на миг зависали над клавишами. И вдруг начинала играть. И тогда ее длинные тонкие корявые пальцы, похожие на сморщенные ветки больного деревца, превращались в прекрасные руки принцессы, а пианино, повинувшись им, пело, вдохновенно и нежно, и я с замиранием наблюдала, как из глубины черного желтозубого чудовища выползает бабочка, как она раскрывает крылья, поднимается и начинает парить. И этой прекраснокрылой бабочкой была музыка: Шопен, Бетховен, Моцарт, Лист, Рахманинов.

Потом и я стала учиться играть на фортепьяно. Мне наняли педагога, очень доброго дядечку, мы разучивали с ним веселые мелодии из популярных тогда мультфильмов. Дальше этого не пошло. У меня были другие интересы. Да и сыграть сразу так, как тетя Эльза, я не могла - сразу не получалось, а долго и терпеливо учиться, по сто раз проигрывая одни и те же гаммы, одни и те же безликие этюды, я не хотела. Как это было скучно и неинтересно! И я променяла музыку на спорт, чем вызвала у тети Эльзы глубокое презрение. Последняя нить, связующая нас, оборвалась. Мы стали совсем чужими.

Осенью, когда последние, уже подгнившие листья месивом лежали на дороге, пересыпанные мокрым грязным снегом, а в квартире включали отопление, приходил дядя Герман. Потом он еще раз приходил весной, когда природа распускала бутоны новой жизни, а отопление отключали. И так каждый год. Он был ужасно чудной! Немного нелепый. Сын

оперной певицы и скрипача, с пеленок пропитанный классической музыкой, Герман был несколько старомоден, хотя вовсе не стар. Он и одевался старомодно, хоть и дорого. Он часами мог рассказывать о своей работе, о том, как настраивает дорогие инструменты в консерватории и филармонии, что самое главное в его работе – это темперация и еще раз темперация, еще Бах говорил об этом, а современные настройщики понятия не имеют, что это такое, что квинты должны быть немного сужены, а кварты расширены, и тогда аккорд поначалу будет звучать несколько странно, но зато потом долго и чисто. Все это для меня было китайской грамотой, но Эльза Петровна смотрела на дядю Германа полными восхищения глазами. Эти кварты и квинты, септаккорды и трезвучия, гармонические и мелодические тональности были ее лучшими друзьями, и она непременно должна была обеспечить их темперацией. Причем темперацией дяди Германа. Только в эти два дня в году Эльза преображалась, и скрытые, спрятанные внутри эмоции выплескивались, вырывались через горящие глаза, заломленные руки, прерывистое дыхание и приглушенный голос. Она становилась другой.

- Потрясающий настройщик, - возбужденно рассказывала она вечером за ужином, - я не знаю ему равных, говорят, что известный дирижер выписывает себе настройщика из Швейцарии, но это немыслимо! Вот мастер! Великолепный мастер! Почему у нас не ценят своих, а все смотрят куда-то, когда такие профессионалы, как Герман, вынуждены подрабатывать настройкой пианино у частных клиентов!

- Ну, если бы все профессионалы были заняты, то кто бы настраивал пианино нам? – резонно спрашивала мама. Мама почему-то считала дядю Германа глуповатым, вероятно, не признавая его профессию мужской. И по маминой, и по отцовской линии мои дедушки и бабушки были отнюдь не лириками: у мамы – врачи, у папы - физики. Их волновали полеты в космос, микро- и макрочастицы, вирусы и прививки от них, но никак не музыка. Но для Эльзы, бедной Эльзы – любой каприз. Пусть бедняжка хоть немножко отвлечется от своего горя.

И случилось чудо. Теперь два раза в год, накануне прихода дяди Германа, Эльза стала выщипывать брови. А через какое-то время брови стали выщипываться постоянно. Вот тогда-то я поняла, что она очень красива.

Обычно Герман приходил в первой половине дня, когда мы были с Эльзой одни, и поэтому процесс настройки инструмента осуществлялся без посторонних глаз и лишних свидетелей. Только я (если не была в школе) и тетя Эльза. Но поражало меня не само магическое действо, а то, как менялась Эльза. Она распускала волосы, надевала длинное обтягивающее бархатное платье (единственную приличную вещь в ее гардеробе), кольцо, как я тогда считала, из бриллиантов, подкрашивала губы и ресницы и, сияя, выходила из своей комнаты. Меня она не замечала. Но, увидев ее впервые в таком виде, я потеряла дар речи. Какая красавица! Больше таких я в жизни не встречала. Мой покойный дядюшка, любитель вина и красивых женщин, явно был не дурак.

Весь этот карнавальный наряд надевался неспроста. Каждая настройка заканчивалась маленьким концертом. Сначала играл дядя Герман, а потом за фортепьяно садилась Эльза. Она всегда играла что-то новое, чего я не слышала раньше, вероятно, она готовилась к этим встречам заранее. А дядя Герман вставал рядом, небрежно облокотившись о пианино, и завороченно слушал. Они, безусловно, понимали друг друга. Потом дядя Герман рассыпался в комплиментах, говорил, что она должна непременно продолжить музыкальное образование, Эльза напоминала, что уже не девочка, дядя Герман протестующе поднимал руку, и все заканчивалось неизменной фразой: «Вы величайший талант! И как это можно прятать от публики! Это преступление, Эльза!» Тетя Эльза заливалась краской, глаза ее сияли, с губ не сходила улыбка. В общем, это была совсем не та Эльза, не та мученица и страдальца, которую знали родители. А какая из этих Эльз настоящая, я не знала.

Однажды прямо на уроке в школе мне стало плохо, и меня отпустили домой. Была зима. Легкий снежок плавал в воздухе, но иногда сквозь неплотные тучки проглядывало солнце, и тогда снег начинал искриться, превращаясь в стайку морозных светлячков, и эти загадочные существа оседали на моих ресницах, чтобы растаять и умереть. Я чувствовала себя отвратительно, так что какое-то время пришлось посидеть на скамеечке в сквере, с завистью глядя, как малыши беззаботно играют в снежки – им-то не надо писать контрольные по алгебре. Почему-то мне очень не хотелось идти домой, будто что-то мешало, удерживало. И лишь когда стало знобить и страшно захотелось прилечь, я заставила себя встать и пойти домой. В мутном, полубессознательном состоянии я едва плелась, словно пробираясь сквозь плотную субстанцию, в которой веселые светлячки превратились в колючих злобных монстриков, так и норовивших меня куснуть. Наконец я дотащилась до двери, вставила ключ и вдруг услышала движение, шум. Это были шаги, чьи-то тяжелые шаги. Словно кто-то шел от кухни в комнату. Они насторожили меня. Это не были шаги Эльзы, она двигалась почти бесшумно, ходил кто-то чужой. Тихо-тихо, с бьющимся сердцем, я открыла дверь и медленно прокралась в квартиру. Я поставила портфель у двери, бесшумно стянула сапоги и на цыпочках вошла в прихожую. И я услышала какую-то возню. Она шла из комнаты Эльзы. Потом был шепот, невнятный и пугающий. А потом вдруг дверь открылась, и я увидела Эльзу, а за ее спиной дядю Германа. Нет, они оба были в совершенно приличном виде, не растрепанные, не помятые. Но не такие, как всегда. Увидев меня, Эльза чуть не подпрыгнула:

- Что ты крадешься? Что ты вообще делаешь дома?! У тебя школа!

Я никогда не видела ее такой разъяренной. Она была взбешена. А я не могла и слова сказать. В горле сильно першило, и слова превратились в сухой частый кашель.

- Я заболела, меня отпустили, - наконец выдавила я.

- Ты должна была позвонить! Ты должна была позвонить бабушке Нине, чтобы она забрала тебя!

- Бабушка Нина на конференции, - напомнила я.

Я совершенно не могла понять, почему я должна звонить бабушке Нине, почему должна предупреждать, но точно поняла, что меня здесь видеть не хотели. Мне было тринадцать лет, я была в нахальном возрасте и за хамством в карман бы не полезла, но в тот момент мне было страшно плохо, и я только хлопала глазами.

- Эльза, что вы кричите, - вдруг спокойно, с приятной улыбкой сказал дядя Герман, - ребенок заболел, ей нужно сделать чай с медом. У вас есть мед? А еще можно малиновое варенье.

Он говорил так мягко, так спокойно, что распоясавшаяся Эльза взяла себя в руки.

- Мед есть, - сказала она уже спокойно и добавила, обращаясь ко мне: - Дядя Герман приехал подстроить пианино.

Ну, я-то уже была не дура и прекрасно понимала, о какой подстройке идет речь. И тут меня пробило, все мои необъяснимые подозрения относительно Эльзиной святости получили, наконец-то, свое обоснование. Вот почему я ей не доверяла, вот почему чувствовала фальшь! Да она врушка! Врушка! Никакая она не святая и не хранит никакой верности Вадиму! Дура! Гадина! Обманщица!

Я залетела в свою комнату, громко хлопнув дверью, и крикнула:

- Не надо мне никакого чаю! Ничего мне не надо!

И зашлась кашлем.

Потом мы сидели каждая в своей комнате. Герман ушел, «подстроив» пианино. Сначала я думала, что тетя Эльза зайдет ко мне и будет оправдываться. Но она и не подумала это

делать. А я с нетерпением ждала маму, чтобы все ей рассказать, чтобы все узнали, что Эльза вовсе не та, за кого себя выдает.

Только звякнул ключ в двери, как я уже неслась в коридор, чтобы рассказать все маме:

- Мама, она врушка, - схватив маму за руку, кричала я, - она приводила этого Германа, и они сидели в ее комнате, я их застукала! Она врушка!

- Да кто - она? - мама с изумлением смотрела на мое пылающее болезнью лицо и горящие глаза.

- Эльза, - уже спокойно ответила я, - я сегодня пришла из школы раньше, а он у нее в комнате сидел, они там...

- Не смей! - мамино лицо вдруг стало белым и злым. - Не смей так говорить об Эльзе! Ты ничего не знаешь и не понимаешь!

Я не могла поверить своим глазам: мама, моя добрая милая мама смотрела на меня диким зверем.

- Он просто приходил подстроить пианино, - Эльза, оказывается, стояла за моей спиной. Голос ее был спокойным и ровным.

- Иди в свою комнату и ложись в кровать! - скомандовала мама. - Тоже мне, больная.

Вскоре мама зашла в мою комнату. Я молча смотрела в потолок и плакала. Мне не поверили! Меня называли обманщицей! На меня накричали, а за что?

- Детка, милая, - мама ласково протянула мне градусник, - как ты могла так обидеть Эльзу? Ты же знаешь, как она любит Вадима. Это удивительная преданность, достойная пера писателя. Ты же знаешь, каким был Вадик, а Эльза, наша очаровательная Эльза... Она - как жены декабристов. Ее преданность - это что-то необыкновенное. Ты же знаешь, как мы все ее любим, как уважаем и ценим. Мы были бы только рады, если бы она устроила свою жизнь, но Эльза и слышать ничего не желает.

- Но я видела их, мама! Я сама их видела!

- Что ты видела? - голос мамы стал слегка раздраженным.

А действительно, что я видела? Дядя Герман был у тети Эльзы в комнате, ничего неприличного или непристойного я не видела. Это всего лишь мои догадки, извращенное гормональной перестройкой представление о реальной действительности, об отношении мужчины и женщины.

- Ну вот, - радостно и спокойно сказала мама, - тебе и сказать-то нечего. Ты же знаешь, что дядя Герман женат на тете Марианне, она замечательная, и Эльза ее знает. Она так и говорит нам, что у Германа восхитительная жена. Просто ты не любишь тетю Эльзу, вот и видишь несуществующую подоплеку в ее поступках. Как психиатр могу тебе сказать, что это детская ревность. Ты ревнуешь нас, своих родителей, к Эльзе, потому что мы тоже ее очень любим, очень-очень, - она говорила со мной, как, наверное, говорила со своими больными пациентами, таким же спокойным и приторным голосом, каким не разговаривала со мной никогда. - Дорогая, мы тебя очень любим, а Эльза - это совсем другое. Тебе нужно принять это и полюбить Эльзу, как мы.

Я молчала. Полюбить Эльзу! Да теперь я ее просто ненавидела! Мало того что она врушка, так еще и меня теперь считают врушкой!

Мама посмотрела на градусник:

- Жар. У тебя высокая температура, нужно принять лекарство и не думать об Эльзе. Она тебя простит, не беспокойся.

Даже в момент, когда у меня жар, мама думала об Эльзе! Я зажмурила глаза изо всей силы, чтобы переполняющие их слезы не выдали моей боли.

Тогда я очень долго болела. У меня держалась температура, и все не проходил кашель. Организм совсем не хотел бороться с болезнью. Видимо, это было связано с пережитой психологической травмой. С этого момента у меня изменились отношения с мамой и уже никогда не стали доверительными и близкими. Я больше не открыла маме ни одной тайны, не поделилась ни одной болью, ни одной радостью. И все из-за Эльзы. Стоила ли она того?

С тех пор я стала достаточно часто заставлять Германа возле нашего дома. «Подстраивать» пианино, судя по всему, он приходил регулярно. Нет, у нас дома я никогда его не заставала, видимо, он приходил тогда, когда никого не было. Но я регулярно встречала его в округе: то на автобусной остановке, то, задумчивый, он шагал по нашему двору. Однажды я язвительно заявила Эльзе, что вот только нос к носу столкнулась с ним у подъезда.

- Да ты что? – она невинно вздернула бровь. – Вероятно, настраивал инструмент у Махновских.

У Германа действительно была жена Марианна. Она была скрипачкой, играла в каком-то страшно знаменитом оркестре, часто бывала на гастролях. Все говорили, что она – талантище, что именитые дирижеры восхищаются ее виртуозной игрой и пророчат большое будущее, и если бы не подковерные интриги, она бы уже давно солировала. А дядя Герман ее боготворит. И действительно, если вдруг речь заходила о Марианне, дядя Герман менялся в лице, в нем появлялась гордость, словно от поклонения знаменитых дирижеров и ему перепадает. Он говорил о жене уважительно и с восхищением. Бедный дядя Герман, он был всего лишь тенью своей знаменитой супруги. Что удивительно, Эльза тоже испытывала к Марианне пиетет и, когда речь заходила о скрипачке, преображалась. Будто они оба гордились, что судьба позволила им быть приближенными к столь знатной особе. Хотя однажды я слышала, как Эльза сказала маме, что Герман значительно более выдающийся музыкант, но всем пожертвовал ради Марианны, и именно он пустил в ход все связи, чтобы протолкнуть ее в оркестр. И именно ей досталась великолепная скрипка прекрасного мастера, ради которой было продано несколько роялей, которые коллекционировал и реставрировал еще отец дяди Германа. Фактически Герман пожертвовал собственной карьерой. Так что же на самом деле творилось в их душах? Этого я никогда не понимала и не пойму. Зачем нужно было жертвовать карьерой, а не делать карьеру параллельно, я не знала. Ведь дядя Герман был пианистом, а не скрипачом. Наверное, в оркестре было всего одно место на семью (как в магазине – килограмм сосисок в одни руки), и дядя Герман благородно уступил его любимой жене. Такие вот мысли бродили в моей подростковой голове. Но тогда какого черта он ходил к Эльзе?

Однажды мы всей семьей, включая, естественно, Эльзу, ходили на концерт в филармонию, где в зале Чайковского играла тетя Марианна. Точнее, играл оркестр, где она работала. И дядя Герман был с нами. Он сидел рядом с Эльзой, но глаза его были устремлены на сцену, где виртуозила его дорогая супруга, потом они с Эльзой, не знаю как не отбили ладони, аплодируя, а дядя Герман преподнес Марианне огромный букет роз. Вот так они и жили. Одно время я даже стала сомневаться в своих подозрениях. А может, и правда их объединяет только любовь к музыке? Чистое искусство, и больше ничего? Мама, известный психотерапевт, говорила, что общие интересы очень часто сближают людей, и, слава богу, нашелся дядя Герман, который хоть иногда вытаскивает Эльзу из ее унылого мирка, в который она добровольно себя погрузила. И что мы должны быть за это страшно благодарны дяде Герману. Мне было смешно это слушать. В нашем доме с Эльзой носились как с писаной торбой. Собственная дочь балансировала на краю пропасти: то я начала курить, то познакомилась с сумасшедшим рокером, то влюбилась как ненормальная в студента-медика, не приходила ночевать, однажды напилась до потери сознания, в общем, переживала

переходный возраст, - а мама беспокоилась исключительно об Эльзе. Все, что происходило со мной, было «в порядке вещей». Как она говорила: «Если ребенок в этом возрасте спокойный и нормальный, это уже не нормально». Со мной было все в порядке, спокойствием и нормой я не отличалась. До сих пор не понимаю, как удавалось Эльзе держать всех в таком добровольном повиновении. Она, как царица, парила над всеми, позволяя себя любить, жалеть, радовать. Она была неизменным центром нашей маленькой семейной вселенной. При этом она не делала ровным счетом ни-че-го. Только «справлялась со своим горем». В каком-то возрасте я поняла огромные преимущества подобной нездоровой любви – я-то была свободна. Только бабушка Нина не любила Эльзу. Как и я, она считала ее лживой притворщицей, о чем не раз говорила маме. «Все это так, - парировала мама, - но ведь никто не держит ее взаперти, и от своего добровольного затворничества Эльза не получает никаких дивидендов. Так зачем ей это нужно?» - «Ну ты же у нас психиатр, вот и скажи, зачем, мне самой до смерти интересно», - спокойно отвечала баба Нина. А потом добавляла: - Хотя ради такой жизни можно и затвориться». К сожалению, баба Нина так и не узнала ответа на свой вопрос. Когда я училась на втором курсе, она умерла. А я перебралась в ее квартиру: поближе к университету, да и с родителями жить больше не хотелось. Как-то не особо я им была нужна. Нет, они меня очень любили, просто обожали, но папа все же больше интересовался черными дырами, пожирающими бескрайние просторы вселенной, а мама предпочитала психов, они были ей куда интереснее. Я-то, как выяснилось еще в период пубертата, психом не являлась. В общем, вот такая семейная история.

С тетей Эльзой теперь мы встречались и вовсе редко. Если я забежала к родителям, она даже не выходила из комнаты. Не потому, что помнила зло, а потому что я была ей неинтересна. Теперь ее игру на фортепьяно я слушала так редко, что и забыла, как она играет. А когда однажды, под Новый год, она села за наш «циммерманчик» и сыграла какую-то милую пьеску, я вдруг поняла, что совсем не божественно она играет. И пианистка из нее так себе. Любитель, и не более того. Про дядю Германа я и вовсе забыла. Он остался в детстве, как дед Мороз. Единственное, что мне невольно передалось от Эльзы – это любовь к музыке. Но это скорее вопреки, нежели благодаря. Теперь уже по доброй воле я ходила в консерваторию, получая огромное удовольствие от симфонических концертов. Пару раз я даже попадала на тетю Марианну. Совершенно случайно я увидела ее среди скрипачей в одном из оркестров. А однажды заметила знакомую огромную фигуру дяди Германа, когда он, преданный поклонник, дарил ей цветы. Хотя первой скрипкой, судя по всему, тетя Марианна так и не стала.

Встречались ли Эльза с Германом по-прежнему, я не знала. Да мне это было и неинтересно. У меня шла своя жизнь. Но однажды я застала маму в горестно-возбужденном состоянии. Она поведала мне, что дядя Герман больше не настраивает нам пианино, поскольку его жена, эта бестолковая скрипачка Марианна, приревновала его, представляешь, к нашей Эльзе. Это же смешно! Бедная Эльза! Был страшный скандал. Она, эта Марианна, сюда приходила, вопила, ревела, умоляла Эльзу оставить Германа в покое. Что Эльза? Ну конечно, была вне себя от этих безобразных подозрений. Она так страдала! Да-да, не смейся. Как ее могли в этом заподозрить, ведь она так и не смогла оправиться после смерти Вадима. Целую неделю мы ежедневно вытаскивали ее с кладбища! Она вела себя неадекватно, запиралась в комнате и даже случайно разбила портрет Вадима, ну ты знаешь, он у нее над кроватью висел.

«Ну и спектакль», - усмехнулась я тогда, но маме ничего не сказала. Временами я сомневалась в ее профессиональных способностях. Не разглядеть у себя под носом эту халтуру! А может, так было задумано?

В общем, мама сказала, что Герман исчез из нашей жизни навсегда.

Но судьба лишний раз дала мне понять, какими неожиданными и жестокими бывают ее прихоти, как она бывает коварна и бессердечна. В огромном, многомиллионном городе, где, живя в одном доме, люди могут не встретиться ни разу, я вдруг увидела Эльзу и Германа на автобусной остановке. Случайно? Ой ли... Но почему я? Почему именно на мою долю выпала участь заставить их? И почему у меня не хватило ума просто пройти мимо, не вторгаясь в чужую жизнь?

Как-то с однокурсниками мы возвращались из университета. Стояла зима. Народ передвигался короткими перебежками, плотно обмотавшись шарфами, так что не спрятанными оставались только глаза. Морозы были такие, что только успевай добежать до метро, чтобы нырнуть в его теплое подземелье и согреться, разморозить заиндеветшие от влажного дыхания ресницы. Но мы были молоды, и море едва доходило до колен. Счастливые, мы неслись по улице к ближайшему кинотеатру, без шарфа, без шапки, в расстегнутых шубках и дубленках, словно на улице оттепель. Нас согревала молодость, любовь, бесшабашность. Мы бежали, кидались снежками, смеялись. И вдруг на остановке я увидела Эльзу. Она стояла спиной ко мне, но я сразу поняла, что это она, по коричневому пальто, в котором она последнее время ходила, – это идиотское пальто невозможно было спутать ни с чем. А рядом был Герман. Прильнув друг к другу, они стояли в какой-то странной, неестественной позе: Эльзина голова покоилась на плече у Германа, причем она смотрела не на него, а в другую сторону. Их руки, спрятанные в теплые вязаные перчатки, обвивали друг друга, эти два человека были как одно деревце с двумя стволами, единое неделимое целое, и даже на расстоянии я почувствовала, ощутила нежность, окутывающую их. Они, как в облаке, парили в этой нежности, и было не ясно, ее это руки или его, ее это шарф или его. Дядя Герман был в таком же пальто, как и много лет назад, только другого цвета. И в этом нелепом наряде они оба выглядели особенно гармонично, словно обитали в ином пространстве и как-то случайно затерялись и неведомо как попали на эту остановку в совершенно чуждый им мир. Он был в шапке, а Эльза – без, и ее роскошные волосы касались его щеки. Наверное, это было трогательно.

- Что с тобой, пойдем, - мой однокурсник, Митька, схватил меня за руку, - куда ты смотришь? Ты что, знаешь эту парочку?

Я молчала. Почему-то в этот момент во мне вдруг вспыхнула старая обида. Та ночь, когда я в слезах и с высокой температурой лежала в кровати, не понимая, почему мне не поверили, стояла перед глазами, словно это было только вчера. И я возненавидела Эльзу. За то, что она лишила меня самого близкого человека – мамы, и мне, подростку, не с кем было поделиться своими уже не детскими проблемами. За ложную святость Эльзы, за притворство Германа, якобы обожавшего свою жену, эту несчастную тетю Марианну, мечтавшую стать солисткой и всего лишь осевшую в оркестре рядовой скрипачкой. За жестокое вранье этой парочки, причинившей столько боли близким людям. Например, мне и той же Марианне. Как все это гадко! Мерзко! Притворщики, коварные фарисеи, они заслуживали наказания. И я сжала кулаки.

- Да, знаю, - ответила я Митьке. - Это моя тетка, Эльза, а это ее любовничек.

- Ну и чего тебе до них? – усмехнулся Митька. – Пойдем лучше в кино, опоздаем.

Мне бы послушаться Митьку, но нет – мною овладела яростная решительность. И я направилась к любовникам. А вместе со мной мои друзья.

- Здравствуй, тетя Эльза и дядя Герман! – ехидно и громко сказала я.

Эльза подняла голову и посмотрела на меня так, будто не узнавала, она словно вот только очнулась от столетнего сна, как спящая красавица. Повернулся и Герман. Молча они смотрели на меня.

- Здравствуйте, - настороженно и как-то неуверенно ответил дядя Герман. Он явно меня не узнал. И не удивительно, я уже стала девицей.

Они оба глядели на меня, как два пугливых зверька.

- А что, подъезды теперь кодами закрыты, так что порядочным людям приходится на остановках обжиматься?

Мои друзья заржали, а Эльза побелела.

- И святость нынче не в моде? - продолжала я. - Да, дядя Герман, а как там тетя Марианна? Что-то я давно ее не видела? Или она не принимает участия в ваших интимных встречах? А что, втроем было бы здорово!

Дядя Герман побледнел и слегка отстранил Эльзу.

- Что тебе нужно от нас? - в голосе Эльзы прозвучало отчаяние.

- Мне? Ничего. Просто спросила.

- Тогда уйди, отстань от нас!

Я неопределенно фыркнула, как бы давая понять, что и в мыслях не имела им мешать.

- А кто такая тетя Марианна? - поинтересовалась моя однокурсница Вероника.

- А это жена, которая мечтала стать великой скрипачкой, да, видно, таланта маловато будет, - ответила я Веронике.

- А-а, жена? А кто эта дама?

- А это любовница, - таким же идиотским голосом ответила я.

Потом мы начали ржать, как придурки, кидать какие-то мерзкие и нелепые оскорбления, а Эльза и Герман стояли под пулями этих гадких слов.

И тут Герман меня узнал. Я поняла это по его вдруг округлившимся глазам. Узнал и испугался. Это я тоже поняла. Наверное, испугался, что Марианна узнает, и будет опять скандал, а может, Марианна и вовсе его выгонит, а ему это нужно? А может, чего-то еще. Не знаю, что творилось в его голове в эти минуты, может, он и вовсе думал о другом, но тут произошло то, чего я меньше всего ожидала: Герман неуверенно, бочком, бочком отошел в сторону, потом развернулся и пошел прочь, почти побежал. Кто-то из моих дружков кинул снежок, и он белым пятном прилепился сзади на пальто. Герман убежал все дальше. Не оборачиваясь. А Эльза стояла. Одна. Чужая всем и каждому, под градом насмешек. Сначала она дернулась, чтобы побежать за ним, но потом остановилась, схватила за металлическую стойку и вдруг рассмеялась. Громко, эффектно, красиво. При этом из глаз у Эльзы катились огромные слезы. Наверное, ей было стыдно. За себя, за Германа. А еще больно и обидно. За неудавшуюся жизнь, за жалких мужчин, не стоящих ее, за нелепость ситуации, за разбитые надежды. Так мне кажется. Первый и последний раз я слышала ее смех и видела ее слезы. Такой Эльза и осталась в моей памяти.

Больше мы с ней не встречались.

А потом грянула перестройка. Эльза нашла в Испании родственников и вернулась на историческую родину. А после смерти какой-то там то ли тетушки, то ли бабушки получила наследство, и теперь вполне безбедно живет. Я лишний раз убедилась, как она ловко умеет пристроиться в жизни. Мама часто ездит к ней. Они поддерживают очень тесные отношения, перезваниваются, переписываются, а недавно освоили скайп. У Эльзы небольшой домик на море с крошечным садиком, где она выращивает помидоры. Почему помидоры, не знаю. Но очень красиво. Как-то после очередного возвращения мамы из Испании мы сидели на нашей старой кухне и пили чай. Мама восторженно рассказывала об Испании и показывала на компьютере фотографии.

- Вот, посмотри, это я Эльзин дом сфотографировала. Хорошенький, правда? Там со второго этажа даже виден кусочек моря. А это помидоры. Ты даже не представляешь, каких

сортов они, оказывается, бывают. И черные, и желтые, и размеров самых разных! Вот они, смотри. А это столик в саду. Мы там завтракали, а потом – на море. Это Эльза.

На меня смотрела пожилая ухоженная женщина типичной европейской наружности. Даже в старости Эльза оставалась красивой, по-своему красивой в этом возрасте. Седые волосы были собраны в пучок, а вот брови остались такими же черными, а глаза такими же синими. Эльза как-то странно улыбалась, так, словно делала это впервые.

- Мне странно, - вдруг сказала мама, - что она ничего о тебе не хочет слышать. Нет, не перебивает, не кричит, просто вижу по ее лицу, что когда о тебе заходит речь, ты же знаешь, как я горжусь тобой и люблю о тебе поговорить! Так вот, она прямо захлопывается, как ракушка. И ничего не слышит. Мне кажется, - мама на минутку задумалась, - что между вами что-то произошло, о чем я не знаю. Что-то нехорошее.

Мама буравила меня взглядом.

- Мам, а Эльза стала снова смеяться? – я улыбнулась, чтобы разрядить обстановку. Мне было неприятно вспоминать тот случай.

Мама расхохоталась:

- Бог с тобой, ты же знаешь, после смерти Вадима она разучилась смеяться.

И вдруг меня осенило, я все поняла. Она, мама, знала об Эльзе и Германе. Все-все, до последних мелочей. И тогда, в тот роковой день, защищала их. От меня. Мне стало противно, словно я надкусила гнилое яблоко.

- Ты знала, - я внимательно смотрела на маму, - знала, что они любовники. Ведь так?

Ничего не ответив, мама закрыла файлы, нажала кнопку выключения и захлопнула крышку ноутбука.

- Давай есть торт, - она снова улыбалась привычной мне, ничего не значащей улыбкой, - я в этих современных тортах ничего не смыслю, мне продавщица посоветовала. Сказала, очень вкусный. «Чизкейк» называется.

Дмитрий Попов. Старый дом, темпера, 2009

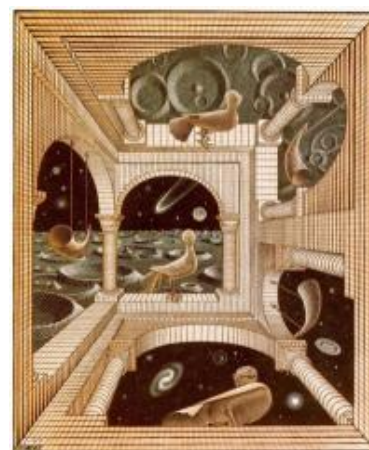
ПОЭЗИЯ

Равиль Валеев

(Евпатория)

ПОД БЕЛЫМ ПОКРЫВАЛОМ ЗАБЫТЬЯ

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Поэзия», шорт-лист

Под белым покрывалом забытья
Пытаюсь угадать знакомых лица,
А память, обретая ветхость ситца,
Как куча позабытого тряпья.
С упорством в шерсть налипшего репья
Из детства прорывается криница.

Ступни ласкает на дороге пыль,
Как бабушки любимой нежно руки,
И сказки незатейливые звуки
В сознании вдруг прорастают в быль.
Блестит в причёске проседи ковыль,
От колыбельной засыпают внуки.

Ушёл в небытие последний дед,
Конфетами запомнились поминки,
В глазах бабули чуть дрожат слезинки,
Но горе не тревожит непосед –
Едва из дома гроба смыли след,
Листаем мы «Весёлые картинки».

В мороз кряхтит натопленный барак,
Узоры на стекле картиной в раме,
Подарок новогодний клеим маме,
Да он не получается никак.
Я вспоминаю маленький пустяк,
Всплывающий в мозгу, как в мутной Каме.

Из всей семьи остался только брат,
Мы оба подошли к последним главам,
Но не страшит стоянки вечной гавань –
Детей и внуков трудно нам собрать.
Прощальный в детство направляю взгляд,
Всё укрывает белоснежный саван.

ПОЭЗИЯ

Валентин Алексеев
(МОССАЛИТ, Белгород)

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Поэзия», шорт-лист

«Время года неизвестно...»
Саша Черный

Время года - неизвестно,
Но всегда дожди и слякоть,
Солнце будто прогорело,
Словно уличный фонарь.
Совесь, мой игрок нечестный,
Обернулась букой-бякой,
И, спасаясь неумело,
Ухожу в ночную хмарь.

Время суток позабыто,
На площадке детской пиво
Вперемешку с разговором
Цедят злые мужики;
Я, как пес, бегу от быта
То ли прямо, то ли криво
И, наученный позором,
Прячу стертые клыки.

Дождь идет стеною плача,
Ни навеса, ни укрытья,
Мимо мчится, вся в неоне,
Чья-то музыка в авто.
В кулаке – от жизни сдача,
Как итог кровопролитья,
А поверх души «в законе» –
Отсыревшее пальто.

Время жизни неизвестно,
Стрелки бегают по кругу,
Долго ль мне осталось, Боже,
Колобродить на земле?
И в глазах качнулась местность,
Сжалось сердце, как с испугу,
Я успел подумать – может,
Просто в сердце наболе...

ПОЭЗИЯ

Ксения Горохова
(Арзамас)

ВСПОМНИ

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Поэзия», шорт-лист

Проще, конечно же, проще –
чёрное видеть на белом
и покориться всем бедам,
не выделяясь средь прочих
душ...

Легче. Не надо усилий,
чтобы растить свои стебли,
а не пенять нам на стены...
дома. И ветер, мол, сильный
дул...

Легче, конечно же, легче
думать: придёт Садовник
(это же очень удобно),
выпрямит листья, как плечи,
вдруг...

Проще. И в этом вся горесть,
годы, а в них та прогорклость,
чем так питается гордость
и обращает в негодность
дух...

Дышащий Богом, очнись же,
брось этот путь проторённый.
Вспомни свою одарённость –
сбудься собой в этой жизни

ПОЭЗИЯ

Наталия Прилепо
(Тольятти)

ГДЕ-ТО ВНУТРИ

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Поэзия», шорт-лист

Где-то внутри выкипает разбавленный сок
Дикой рябины, что терпко и пьяно горчит.
Где-то внутри растревоженный шёпот осок
Чувствует ветер, томителен и ядовит.

Двери древесные в тёмный, мерцающий лес,
Бабочек рваные крылья слагают костры,
Спящее солнце в колодезном, мутном стекле,
Трав росяное дыхание где-то внутри.

Где-то внутри затаился детёныш зверей,
Вскормленный зыбкою грудью брусничных болот.
Тихо скулит на луну, привыкая к норе.
Я выгоняю наружу, но он не идёт.

Где-то внутри зарождаются злые стихи.
Я им даю имена и боюсь выпускать.
Мягко текут карандашные брызги — штрихи,
Вниз по странице, что так нестерпимо узка.

Дмитрий Попов. Пионы, темпера, 2012

ПОЭЗИЯ

Милада Кондратьева
(Австралия)

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ *

Конкурс «Понять себя» (2013 г.), номинация «Поэзия», шорт-лист

Мои ассоциации – не в жилу,
Мои воспоминания – некстати.
Судьба свинью, как прежде, подложила:
Опять имею то, что мне не катит.

Опять в мозгах – разброд, в глазах – усталость,
Себя – потерянность, других – утрата.
Опять звезда в ночи лишь показалась,
А жизнь дошла до точки невозврата.

Хотя куда вернуться – нету дома.
К кому? Никто не ждёт и не вздыхает.
Скиталец, отщепенец, проще – nomad**.
Пусты сума, из под вина меха. И...

Разменяны на деньги юность, свежесть,
Мечты, любовь, друзья – бесповоротно.
Закат, когда-то красный, блекло-бежев.
Кричать хотел, но мне замок на рот на

Неведомый и дутый «всякий случай»
Инкогнито-немой доброжелатель
С табличкой на груди отвратной «Butcher***»
Настойчиво лепил с какой-то стати.

С тех пор я растерял слова и мысли.
Какой в них прок – на жизнь лишь горстка жалоб.
Ему какое дело: вверх ли, вниз ли
Ведёт меня тропа. И только жало б

Точить, как нож, да новую ждать жертву,
Тогда как к старой интерес утрачен.
Что взять с меня? Лицом я бледно-мертвен.
Ему же посвежее нужен мачо,

Чтоб низвергать в пучину мук и злобы,
Чтоб по глоточкам выпивать отвагу
И наблюдать, как спирт высокой пробы
Обратным циклом превратится в брагу.

И наконец-то став законной снедью
Добро б червей – ворон, гиен, шакалов,
Взмолюсь я непреклонной Белой Леди,
Чтоб хоть земелькой тело забросала.

* Меня удивили в Австралии названия некоторых частных предприятий:

Butchery for the whole family – Мясная лавка для всей семьи, по смыслу. Но *butchery* также имеет значение «скотобойня».

White Lady Family Funeral – Семейный Похоронный Бизнес «Белая Леди», по смыслу. Игра слов: Семейные Похороны «Белая Леди».

** *Nomad* (англ.) – кочевник; номад; бродяга; странник; любитель перемены мест; склонный к перемене обстановки.

*** *Butcher* (англ.) – мясник, торговец мясом.

ПОЭЗИЯ

*Екатерина Каргопольцева
(Косторма)*

* * *

* * *

Меняю мелочь на билет.
И час, как вечный!
Один маршрут,
 один сюжет -
Я до конечной...
Троллейбус катится, и мне
Сквозь дождь,
 усталой,
Тоскливо мнится в полусне
Разбег кварталов,
Движение улиц и круги
Огней слепящих,
Ажурность каменной дуги
В зелёной чаще,
Высоток правильный парад,
Цветным потоком
Летающий мимо ровный ряд
Горящих окон,
Бессвязный шум и толчея,
Привычный гомон...
Я здесь.
 Но я - уже не я,
А тень другого...

Ноябрьский вечер гулкий, мрачный,
Рисуя быт в седых тонах,
Всех постояльцев комнат дачных
Ввёл в состоянье полусна...

Из потемневших мутных окон,
Казалось, каждый вечно мог
Смотреть, как с ливневым потоком
Не ладит старый водосток.

Дождя безжалостные плети,
В багровых отсветах горя,
Вдруг неожиданно заметят
Косые грани фонаря.

И долго ночью будет слышно,
Как сотней ржавых бубенцов
У входа в дом под самой крышей
Гремит железное кольцо.

Дача

Терпко пахнут стены мятою и тмином,
На столе рубинами - ягоды калины.

С кисло-сладким духом зреет на подносе
Крутобоких яблок розовая россыпь.

И плутает в доме с шорохом и смехом
Голосов недавних призрачное эхо -

Оголтело в окна бросится незряче
И, уйдя под крышу, тихо вдруг заплачет...

* * *

Ненарушаемый покой...
В условной замкнутости круга
Парящий голубь над землёй
Легко и плавно чертит угол.

На тусклом небе - пелена,
И вскоре день следы побега,
Как вор, безмолвно в чарах сна
Засыплет ровным слоем снега.

И оттого, что вечер тих,
Нам в свете лампы ближе к ночи
Вдруг станет ясно: на двоих
Часы действительно короче...

Ласточки

* * *

Кружась над сонною землёй
В вечернем небе,
Бьёт в окна звонкою волной
Весёлый щебет.

И этот радостный полёт
К закату станет
Крикливой сотней чёрных нот
На нотном стане.

Неровным всполохом пойдёт,
Случайным всплеском,
Влетит в мой дом, как дикий кот -
По занавескам.

Умрёт в последней из октав
Легко, привычно,
В ночи безлунной потеряв
Свой ключ скрипичный.

Сентябрьский дождь,
обезоружив
Небесной трёхнедельной карой
Простых прохожих,
сделал уже
Кривые ленты тротуаров.

И повсеместно злые люди,
Грубя стихии многоводной,
Клянут утрами время буден,
Кому в каких словах угодно.

Но небу глас толпы не слышен,
А может,
попросту - не нужен...
Оно привычно бьёт по крышам,
Глядясь в бесформенные лужи.

* * *

В слепом кружении ветров
Весна, как путник запоздалый,
Ища себе покой и кров,
В мой дом настойчиво стучала.

Косым дробящимся дождём
Она в пылу что было силы,
Сорвав с небес гудящий гром,
По стёклам звонко колотила.

Скользя по скатам чёрных крыш
С весёлым рокотом и шумом,
Она сползла в ночную тишь,
Как в темноту пустого трюма.

У неоткрывшихся дверей
Остановилась и уныло
Свет одноногих фонарей
В бурлящих лужах раздвоила.

* * *

* * *

Вся речь моя, как будто бред...
Но оттого лишь, что отныне
Во мне - любовь и больше нет
Гордыни.

И ты почти боготворим!
Взрываясь приступами смеха,
Так сладко быть глазам твоим
Утехой.

Не думай плохо обо мне
И не суди. Ты прав отчасти,
Сошла с ума!
Не по вине -
От счастья...

Рисуешь с нежностью и ласкою
В ночи,
при свете дня
Давно любимой дивной сказкою
Далёкую меня.

Но ты узнаешь при сближении,
Развевая колдовство,
Что я - твоё воображение,
Не более того...

* * *

Н. Н.

И когда пришли искать
В правде своеволие,
Не могла в лицо молчать
И скрывать тем более,
Говорила, не тая:
Русская по крови я,
Люба мне земля моя -
Сторона Московия!

* * *

Гнев

Суматоха!
 Город.
 Люди...
Толпы,
 тысячи людей!
Солнце,
 как свеча в сосуде,
Над сплетеньем площадей.
Всюду оклики
 и крики,
Беспокойный щебет птиц;
Не меняя строгость лиц,
Кружат радужные блики.
 Люди. Люди...
Люди! Люди -
Никого...
 И лишь один
Ищет взгляд мой
 тощий пудель,
Долгих улиц бедуин.

Горит
под кожей смуглой
в груди,
как сто костров,
комок
квадратно-круглый
завязанных узлов.
Коверкая посменно
движенья
рук и ног,
течёт,
бурлит
по венам
не кровь, а кипяток!

Дмитрий Попов. Ночной город, темпера, 2012

ПОЭЗИЯ

Ирина Светоносова
(Архангельск)

Никто не тянет за язык,
никто не думает перечить
о серой наледи интриг
в тени оконных поперечин:

да будет свет. Они циничны,
они одеты хорошо.
- Вы мне «нельзя», а я к вам лично
со всей душой приду еще,

и все решится скрупулезно
с подножкой завтра, не сейчас,
но вот оправдываться поздно -
кто-то предал вас.

Чужие люди. Битое стекло.
Последний в очереди первым
еще не станет долго. Дико жгло
глаза на солнце. Это нервы

уже весны – мужской и женской,
мать-мачехи и взлета акций,
стул электрический и венский
психконсультаций.

Ничтожная легкость катастрофы
в прочитанной легкости житья
за чашкой переслащенного кофе
не воспринимается. А я

еще на каторге выжить способен
на корке, воде и брусчатке,
за пазухой – жертвенный овен,
и синица в перчатке.

Теперь пастырь ушел,
и овцы рассеялись.
- Повторите еще,
мы удобно расселись.

- Нищие подлежат заточению
в работные далекие дома.
Туда им ангелы носят печенье -
не голодать и не сойти с ума:

они, продавая оружие,
издать стихотворения хотели,
но непоправимо разрушили
чьи-то артели.

За месть врагов и клевету
друзей, за астму и отраву
поцелуя – тихо отойду
от дел и воскресений. Правит

мороз сосульки: форма плеч
твоих по-книжному покатых.
Я снова выживу. До встреч
на юбилейных датах.

Монах бежит от мира,
а мир бежит за ним
мимо дверей трактира,
где знают псевдоним,

хотя лицо закрыто
приподнятым пальто,
за ним несут корыто
и фокус шапито.

Обычная драма. Узлы
завязаны всюду. Котомки,
пересчитанные углы
и в них босоного – потомки.

Зачем это вам? Понарошку
стреляли горохом в войну,
чтобы уйти босоножками
к мачехе в чужую страну:

- Надо проветривать залы
на несколько лет вперед,-
ее эконожка сказала
еще у ворот.

Не было дела до слов генерала.
Собрались только судьи и родственники,
и девочка маленькая сказала:
вы все взрослые люди, собственники,

чтобы кастрюли чинить паяльником,
а ножи точить у точильщика.
Прислушиваясь к военачальнику,
живите
своим
умом.

Все в одинаковых платьях пришли
следить за порядком вещей
и обнаженного взглядом прожгли,
и вытолкали взащей

сначала сложными коридорами,
а потом по лестнице вниз,
чтоб тяжело измучиться вздорными
словами «прости» и «вернись».

Раскинув шароварами шатры
в широком поле между прочим,
не оборачивая тыл
спиной к соседям в одиночку,

я принимаю за игру
действительность: она вся воет,
трясаясь в пространстве на ветру,
не задевая за живое.

Забыли все, кто первым начал,
отодвигая табурет,
садиться мимо, как начальник
мира в расцвете лет

своих; любой смеяться должен
и возможно больше
говорить о его должности,
и бить в ладоши,

как бы ловя каких-то мух,
стряхивая мусор
с пальцев, и прощаться сухо,
свою скрывая трусость.

Закончилась с деньгами
дружба; на мирового
судью слетались днями
ангелы, а ночью воры,

и в глазах общества
все обретало смысл,
без имени и отчества,
сладкого и кислого

он проживет с намеком
на любовь и точность,
но без тоски – немного
в полном одиночестве.

Тишина уцелела
в простенках подвалов
огромного целого,
где пустовала

душа, и потемки
ее не касались,
как прочего; ломки
выбора сдали

позиции – начисто
зубы выбиты
зла, и мать-мачехой
нехотя выпиты

отношения близких,
по случаю шторы
черные низко:
тихо и хорошо.

Пожилые, женщины и дети,
здравствуйте и до свидания
в вечности довоенной, как эта
с игрушечный мячик у Тани

в руке, - пока мама мыла рамы
и азбуку сочиняла,
ничего не случилось ни с нами,
ни с теми, кто без вести канул

в войне, заходясь междометиями
от боли немного пониже,
вот здесь, где почти незаметно
проходит линия жизни.

ПОЭЗИЯ

Эдуард Филь

(МОССАЛИТ, Самара)

Руководитель творческого объединения «ПИЛИГРИМЫ» и оргкомитета Международного Грушинского Интернет-конкурса. Член Художественного совета Грушинского Клуба, МСП «Новый Современник». Печатается в литературных сборниках и альманахах.

Музыкант

«Andante favori» с печалью гобоя
в железобетонный свой плен
впустил незаметно и сдался без боя
под вечер метрополитен.
Шумами метались шаги в переходе
стихийностями пантомим,
играл музыкант им под стать Дон Кихоту,
сражаясь с безличьем людским.
Он сдёргивал шоры с душ всех суетливых:
студентов, агентов, врачей,
чудесной гармонией трогал кичливых,
уставших за день москвичей.
Окончив, понуро, с потёртым футляром
просил на питание муз.
Бетховена слушать негоже задаром,
будь ты хоть зулус, хоть индус.
Подайте артисту, поэту, пророку
молебен Творцу дослужить,
подайте на хлеб, с ним на соль, на дорогу,
и боль чтобы в ней заглушить.
Не стоит жалеть ни добра, ни участия,
природную рвать с ними нить.
И будет вам счастье,
пусть будет всем счастье!
Ведь жизнь нам даётся, чтоб - Жить!

(по идее П. Сич)

О бедном поэте замолвлю я слово

В. Плющикову

Первородный выискивал слог
и, уняв трепет мысле-желаний,
отползал от порожних блужданий
по тоске недописанных строк,

мялся свет жёлтоокий в глуши
расконтрастной долькой рассвета,
а он впаивал в рифмы сонета
раскалённые струны души,

дожигала безлюдием ночь,
был исписан листочек сон-мнений,
где в предчувствиях скомканных прочь

плавал волнами несовпадений
по дорогам, порой, где невмочь,
хоть и жил ради этих мгновений...

Настроения

*

Открой мне мысли на восход,
Где их хмельная побежалость,
Волною перейдя на взлёт,
Оплавит по земле усталость.
А в расслоённых облаках,
Молочной влагой утолившись,
Подёрнет искорки в глазах,
Разлуку не перехитривших.
Тогда и звезды, отразив
В оконных бликах высоту,
Мигнут, толкнув на рецидив
Аортных ритмов маету...

**

Живу в захваченной стране,
Как беглый раб,
В извечной лжи и беготне
От алчных лап,
Под дряхлой глупою луной
Сам старый лгун,
Плетусь бетонною тайгой,
Упившись дум,
И пусть шумят кругом бои
Деньжищ с баблом,
С зеленым змием мы свои
Венки плетём...

По мокрой ряби грязных луж,
луну качая в такт печально,
сквозняк, предвестник белых стуж,
проникший в город нелегально,
украсть пытался желтый лист,
дрожащий нервно за окном,
грустил, танцуя мокрый твист,
и выл по трубам о своём,
от одиночества скуля с дождём
щенокком глупым - сентябрём...

Одиночество

*“Только снег, и застывшая льдинка
холодит ненароком ладонь,
Все прошло, все растаяло в дымке -
дверь не скрипнет, не вспыхнет
огонь...”*

Леонид Криницин

Не вернётся,
не взглянет, не скажет,
не обнимет и не позвонит,
ночь холодная мажет мир сажей,
ноет ветер, а сердце болит,

одиночество бродит по кругу -
кухня, чай, телевизор, инет,
холодильник подменою друга,
где пельмени комком на обед,

забежит десять раз на «стихи.ру»
или «рифму», где выпал бомонд,
звук клавиш встревожив квартиру,
там откроет общения фронт,

а в реальности снег замедляет
все дорожки твои без тебя,
город сонно огни зажигает,
и весна не приходит в себя,

не вернётся,
не взглянет, не скажет,
не обнимет и не позвонит,
одиночество мажет мир сажей,
ноет ветер и сердце болит...

Мой ангел

Помнишь?
*“Там, где клён шумит над речной волной,
говорили мы о любви с тобой...”*

Мой ангел,
я к тебе вернусь.
Вернусь! Не может быть иначе.
Пускай заходится природа в плаче,
сезонен он, а значит, пусть
стирает город непогода,
смывая грязи человечьи,
и с ветра стылым красноречием
готовит окончание года.
Вернусь к тебе. Уже стремлюсь
лучом танцующим, весенним
и с соловьиной первой трелью
веселой мартовской каплей
ворвусь развеять твою грусть.
Мой ангел, поутру ворвусь,
ведь я тебя люблю безмерно,
знай - в мире стылом, суеверном,
где каждый вздох шипит изменой,
свет без тебя безмерно пуст.
А это значит - я вернусь!
Ты только верь. Нельзя не верить!
Не закрывай для счастья двери,
когда твердят сто тысяч уст,
себе и миру лицемера,
что я тебя забыл давно,
ты знай – коль сердце влюблено,
оно должно Любви лишь верить!
Мой ангел,
я вернусь,
вернусь...

Огибая лужи...

Над крышами проносятся, в окошки пьяно
просятся,
к утру стихая, прячутся под золото в лесах.
Где на листе валяются, вистуют, надираются,
под вечер возвращаются по трое впопыхах.

А город мой за стёклами, ночь освещающая окнами,
под фонарями блёклыми пытается заснуть.
Где, огибая лужи, на запоздалый ужин,
несильно, но простужен, я продолжаю путь.

К тебе, к родной, по осени,
деревья где разбросили
листву и плачут каплями слезами облака...

На планете

*Озверевший над старой Европой,
Над Брюсселем собрав вечный страх,
Он упал на Поволжье со злобой,
Перепутавшись в белых ветрах...*

С. Брянцев

на планете стою я, вся она подо мной
развернулась огромнейшим шаром
надо мною циклон, перекрыв свет дневной,
отсыпает пространства задаром

засыпает авто, замечает поля,
замечает дома и дороги,
замечает меня, замечает тебя,
засыпает дела и тревоги

город стих и замёрз, к ночи сдался, уснул,
в нём торчу, как дурак, посредине
среди белейших снегов, будто подъесаул,
потерявший коня на чужбине

обалдевший стою - вся ж земля подо мной
вдруг огромнейшим выдулась шаром,
где-то в ней есть Париж, где-то дождь, где-то зной,
а тут грусть со слезами навалом...

а тут всё невпопад, и во всём перебор:
в революциях, суках и снеге,
и у каждой души броневой забор,
искорёженный в сгинувшем веке

вот такая земля, вот така сторона,
одна радость красавица Волга,
да и та вся замерзла переметена,
подо льдом и снегами замолкла...

Пить туман поутру

Вновь туманное утро, и в нём силишься отыскать
неприступное «завтра», успокоится ли и когда
вопрошающий вечность «двойник без стыда» -
где была без труда (без ума и души) на земле благодать?
Вот опять голосит и грызёт за вопросом вопрос,
ковыряясь в давно отгремевше-опавшем,
что в ночи превращается в образ кашу
и, вступив на балкон, выдыхаешь: года лишь всерьёз!

Несогласный принять, зверем взыв на скупую лун-ну,
что улыбкой-блином вдаль бродяг зазывала,
о своём голося, перепачкав лекала,
сноб «двойник» уползёт пить туман поутру,
время сучье для сук, для волков – тёмный кризисный час,
но с больною душой утро долго родится,
непокой, истощая словарный запас,
оборвёт в забытии душной жизни страницу.

Вновь туманное утро, и в нём силюсь я отыскать...

А обиды я все замолю
На пригорочке павой белою,
пока листья в тревоге своей
бахромою дрожащей несмелою
облетают под крик журавлей.

На заре меня встретить, возвращаюсь я
из далёких загулов души
от ошибок, укусов отчаянья,
с перекрестков заморской глуши.

На пригорочке у берёзонки
в платье русском с платком на плечах,
где сирени кусточки низёхоньки
укрывали меня с тобой в снах.

Встреть меня на заре, моя милая,
как солдата с далёкой войны,
обезумевшего от насилия
и всеилия знаков иных.

Распахни мне объятия нежные,
и прости мне гордыню мою,
вспомним радости дни наши прежние,
а обиды я все замолю...

Падал снег

*Падает снег, падает снег -
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.*

Эдуард Асадов

На пороги и дороги
феерическим столпом
снег кружился, снег искрился
и ложился белым сном,
одиноким из высоко
жёлто-белая луна
полустрого, полубоком
по ночи плыла грустна,

примостилась тишь над Волгой,
будто ночью этой Бог
под разлапистою ёлкой
промежуточный итог
подводил, считая звёзды
и космические вёрсты,
что протопала земля,
книгой судеб шелестя...

Бог, конечно, это Дама,
не мужчина, нет, ни-ни,
мир микширует упрямо
и красиво как, взгляни:
- перемешаны мгновенья,
- пересыпаны снега,
- перекручены сомненья,
а весною донага

мир умоется ручьями,
распушится сон-трава,
ожиданья прирумянив,
по следам от Божества
так рванётся - что держись,
птахою небесной Жизнь,
сбрызнув тайны красоты,
что распустятся цветы,

но пока лишь падал снег,
шёл замёрзший человек
в колее своих невзгод,
ожидая, что вот-вот
ему может повезти
на невыбранном пути,
брёл, ища душе ночлег,
а вокруг кружился снег

на пороги, на дороги,
на деревья и дома,
скверы, площади, флагштоки,
плавном, щедро, задарма
бело-белой пеленой
в мир, потерянной весной,
изо дня, из века в век
падал, падал,
падал снег...

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Валерий Старовойтов
(Томск)

СУДЬБА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АКТРИСЫ

Камерный драматический театр города Томска⁹

Партер погружается в полумрак, свет театральных прожекторов выхватывает из темноты сцену. Приглушенные фильтрами световые пятна ложатся на декорации - стены загородного дома. На сцене – Актриса. Она произносит в зал, обращаясь к каждому из нас, простые и ясные слова о любви, о судьбе, о непростом выборе и поступках, которые делают человека счастливым или убивают его. Загораживающий голос заполняет пространство притихшего зала, глаза Актрисы блестят слезами подлинного горя матери, которая потеряла сына и уже ничего не может изменить в его судьбе. И в этот момент ты веришь в правду этих слов и этих чувств, разделяешь страдания и испытываешь тоску разлучённых близких... Совершить такое со зрителем – обратить его в свою веру и заставить плакать над вымыслом – способны лишь великий талант и великий театр... Театр, где лечат душу. На подмостках - Заслуженная артистка России, Заслуженный деятель искусств Алевтина Мохова-Буханченко, красивая, талантливая женщина, жизнь которой сама по себе похожа на пьесу из судьбоносных эпизодов, испытаний на верность театру и преодоления жестокости мира во имя любви к зрителю и профессии.

Эпизод первый. Н. С. Михалков

Зал новосибирского Дома актера был переполнен: еще бы, на просмотр молодых студентов прилетел сам Никита Михалков! Уже два года как открыто в Новосибирске вечернее обучение в филиале Московского театрального училища. Мэтр советского кино посещает его впервые. Никита Сергеевич снимает фильм и мотается по стране в поисках новых молодых актеров. В Доме актёра дают «На Дне» М. Горького. После финала в театральном зале наступает глубокая тишина. Слышен приглушённый голос Михалкова, обсуждающего с преподавателем актерского мастерства Зыковым пьесу:

- Женскими образами Горький стремился показать одновременно и глубину нравственного падения, и душевную чистоту «нежных прелестных созданий». У него нет ответа на вопрос, как жить, возможно ли выйти из сложной ситуации? Согласись, Саша, даже в тяжелых, мрачных условиях жизни не каждая из героинь Горького окончательно опускается на дно. Кто-то пытается приспособиться, кто-то не теряет веры в будущее, стремясь сохранить в себе хотя бы крохотные частички добра, и света, и любви. И ваши актёры сумели это сыграть, у вас это получилось. Хорошо, обнадеживающе, не зря я приехал!

⁹ <http://tabteatr.ru/>

Гром оваций заполняет небольшой зал. Михалков встает, благодарит студентов и, указав пальцем на сцену, просит остаться студентку, сыгравшую Василису:

- Итак, Аллочка Буханченко, а поедem, милая, в Москву! Тебе здесь делать нечего! Ты живешь ролью, как Вера Фёдоровна Комиссаржевская! Знаешь, кто она такая?

Девушка опускает красивые глаза, полные слез, и кивает головой, сначала:

- Нет...

А потом:

- Да!

Михалков смеется:

- Саша, она прелесть! Знает великую актрису, но не хочет лететь доучиваться в Москву, чтобы стать новой Комиссаржевской. Я правильно понял?!

Студентка смахнула слезы и громко ответила:

- «Жизнь начинается там, где начинается искание правды; где оно кончается, прекращается жизнь!». Это было кредо Веры Федоровны.

И чуть тише:

- Я читала об этом... Простите, пожалуйста, Никита Сергеевич, я хочу учиться здесь... по семейным обстоятельствам... И это истинная правда.

- Bravo! – Три медленных, глухих хлопка больших ладоней, и как предостережение: - Будешь потом всю жизнь жалеть. - Повернулся и, увлекая за собой Александра Зыкова, преподавателя и режиссера студенческого театра, вышел из зала.

Годы учёбы пролетели ярко и быстро. Молодую актрису Аллу Буханченко приглашали во многие театры: Минск, Одесса, Москва, Ленинград, но она выбрала Томский театр драмы. Почему?

Просто судьба... Здесь она встретила и полюбила Николая Мохова. Народного артиста России.

Эпизод второй. Н. П. Мохов

Окончив МХАТ с красным дипломом, Николай Мохов получил приглашение во многие московские театры, но поехал за ролью Бориса Годунова в Красноярскую драму, а затем работал в лучших театрах Москвы, Саратова, Еревана, Хабаровска и других. Он переиграл почти весь мировой классический репертуар. А вот первые гастроли в жизни молодого актера случились именно в Томске! Мохов выходил на подмостки Томского драматического театра в роли Гамлета. Николай Мохов четыре года проучился на одном курсе с Владимиром Высоцким. Однажды они встретились, и Высоцкий спросил:

- Коля, как тебе мой Гамлет?

- Не обижайся, старик! Мне ближе Гамлет Смоктуновского. Я придерживаюсь того мнения, что театр должен проникать в душу человеческую. Это должно нас трогать, должно нас задевать. В этом предназначение классического театра, с моей точки зрения. У вас на Таганке свой Гамлет, энергичный и жесткий, но это Гамлет талантливых мастеров сцены - Высоцкого и Любимова, а не великого драматурга Шекспира.

- Спасибо, от тебя другого и не ожидал. С правдой сегодня по жизни тяжелее, Коля! - Взял гитару Высоцкий и спел «Балладу о правде и лжи». Махнули по сто пятьдесят и разъехались в разные стороны сокурсники-приятели. Один Гамлет - в Москву, другой Гамлет - в Хабаровск.

Эпизод третий. Актерская семья

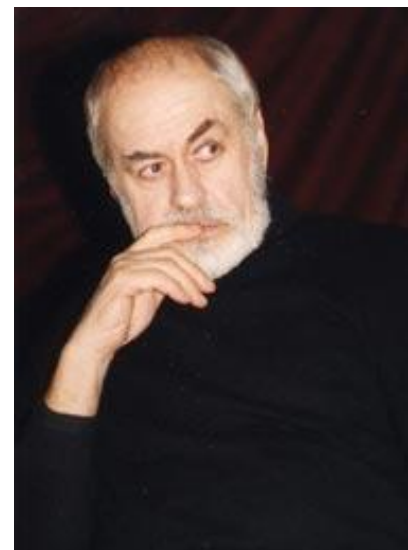
*Заслуженный деятель искусств,
заслуженная артистка России
Алевтина Буханченко*

Алевтина Буханченко и Николай Мохов встретились в 1980 году в Красноярской драме волею судеб. Она бежала по личным обстоятельствам из Томска, он по тем же причинам из Хабаровска. По их собственному признанию, оба бросались в эти отношения, как в омут с головой. А в результате родился не только счастливый супружеский союз, длящийся уже 33 года, но и мощный творческий дуэт. Дитя этого союза - первый частный Камерный театр в новой России.

Ясным, солнечным днем 8 марта 1990 года, обычным рабочим днем для театральной актрисы, в гримерку супруги с подарком и цветами зашел Николай Мохов. Подарок был необычным, но желанным. В короткие промежутки отдыха Алевтина мечтала о своем театре, как в свое время об этом мечтала великая актриса Комиссаржевская. И вот сегодня супруг делает подарок, как вызов судьбе: гадание на монетках «И цзин». Подбрасываешь монетки, рисуешь линии-гексаграммы потом читаешь: сбудется ли твоё

желание. Алевтина тотчас подбросила монетки и загадала: «Будет ли когда-нибудь у меня свой театр?» Гексаграмма гласила: ваше желание сбудется в течение нескольких месяцев, если вы прямо сейчас предпримете решительные шаги! После праздников актеры сняли со сберкнижки все накопленные деньги и начали искать хорошую пьесу. Такая пьеса нашлась у Эдварда Радзинского «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано».

Старый репетиционный зал областного драматического театра очистили от хлама, привинтили кресла и начали репетировать. Проблем хватало, а скептиков - еще больше. Но на мощной эмоциональной волне удалось справиться со всеми трудностями, в течение двух месяцев пьесу поставили. Чтобы провинциальные театры держали планку, Министерство культуры дважды в год посылало на периферию хороших театральных критиков. Их работа в Томске совпала с премьерой и дебютом Камерного театра. Актерам новорожденного театра удалось заманить высоких гостей на свою премьеру, хотя дирекция областного драматического театра этому сильно сопротивлялась. Во-первых, пьеса с сомнительным названием, да ещё и об актрисе-неудачнице. Во-вторых, в финале героиня выбрасывается с тринадцатого этажа. Мало того, что самоубийство угнетает, так ещё и специальных декораций для этого нет! Был риск и для чиновников, отвечающих за культуру: если бы спектакль в присутствии московских критиков потерпел провал, досталось бы и руководству драмы, и чиновникам. А проект Мохова и Буханченко стал бы их первым и последним театральным проектом!

*Народный артист России
Николай Мохов*

Малый зал областного театра драмы полон. В первых рядах - московские звезды театральной критики, акулы пера. Финал спектакля «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано». Главная героиня совершает роковой прыжок с тринадцатого этажа. Последнее мгновение перед падением в бездну, и Алевтина Николаевна видит внизу огромный глаз театрального прожектора как вызов мечте и судьбе от техников, которые забыли убрать этот чертов агрегат! Конечно, его не видит зритель, вдавленный в кресло на пике эмоционального напряжения. И Алевтина самоотверженно падает из окна со словами: «Господи, остановите землю, я хочу с нее сойти!». Острая боль, и стекла вонзаются в ногу. Но на поклон к зрителям Алевтина Буханченко вышла с улыбкой на устах, а за актрисой тянулся кровавый след...

На этом спектакле искушенных москвичей хватил столбняк, вместе со зрителями они стоя аплодировали и кричали «Браво!». Рецензии от мэтров критики были самые лестные: «Буханченко сыграла замечательно. Спектакль был лучшим из увиденных в Томске. Актёрам удалось пройти по грани комического и трагического». Кстати, сразу после этого события Алле Буханченко было присвоено звание «Заслуженная актриса России». С этим спектаклем томичи были приглашены на фестиваль в Сочи, где стали лучшим камерным театром страны.

Но рыночная экономика диктует свои законы, в том числе в культуре, и началось выдавливание нового театра. Общее мнение безымянных чиновников о недопустимости частного театра на «государственной» сцене донесли до безвольной дирекции областного театра драмы. Но вот зрителю-то понятна была истинная причина мышинной возни: «У Буханченко с Моховым в малом зале постоянный аншлаг, а большой зал областного драматического наполовину пуст».

Но нет худа без добра: в 1994 году театр обрел собственный дом – старый, обветшалый зал кинохроники кинотеатра им. Горького. В Томске до 1925 года в этом здании существовал театр «Интимный», который был единственным репертуарным театром в Томске со своей постоянной труппой. Так что фактически театр Н. Мохова и А. Буханченко почти под тем же названием «Интим» вернулся домой.

В уютной кафешке, недалеко от театра, отпиваю понемногу из бокала вино, пролистываю газеты.

- Когда подбирали название, мы долго думали, – в своем интервью говорит Алевтина Буханченко, – на название «Интим» наткнулись случайно, выяснили, что в начале века в Санкт-Петербурге был такой маленький подвальчик, в котором Вертинский пел свои песни, он назывался «Интим». Интим – это качество атмосферы, располагающее к искреннему, душевному диалогу. Это как раз о нашем театре. Но после возникновения сети секс-шопов «Интим», мы стали называться просто «Камерный драматический театр» под руководством Заслуженной артистки России Алевтины Буханченко. Театр, где лечат душу. Ведь где-то же надо ее лечить! Может, и в церкви, но там человеческим страстям не место. Может, и у доктора, но страшно услышать диагноз. И только театр не спросит симптомы и не потребует жертв, примет всякого в любой беде, обнадежит, напаяет любовью и доброй энергетикой. Но не всякий театр, а только ЖИВОЙ.

Поднимаю глаза и вижу за стеклом в разводах дождевой воды, как спешат томичи в любимый театр. Там нет ничего традиционного для обычного театра: нет огромных сияющих люстр, паркетных полов, огромных зеркал и дорогого буфета в фойе. Бегущие под дождем люди приходят сюда не блистать роскошью своих туалетов на премьерных показах, что служит обязательным атрибутом богемной жизни. В театре Буханченко зритель скромнен в одежде, зато очень «театральный» и постоянный. Для него театр - возможность услышать сердцем правду о добре и зле. Репертуар театра щедро дарит такую возможность, в афише есть классика: «Заколдованные клены» Шварца, «Сон в летнюю ночь» Шекспира, «Медея»; много

современных пьес: «Бес в ребро, или Мужчина к празднику» Н. Птушкиной, «Я стою у ресторана...» Э. Радзинского, «Сублимация любви» Альдо де Бенедетти. Томский зритель видит и чувствует, что в Камерном драматическом театре все про него, для него и во имя него, поэтому в зале люди, как дети, смеются и плачут, и никогда не остаются равнодушными. Гостевая книга изобилует записями: «Господи, какие талантливые актеры!», «Чудо, а не спектакль, как профессионал поражен, финансирование не из бюджета, а работа исключительная и на зрителя. Есть желание вернуться сюда!».

Эпизод четвертый. Друзья и соратники

14 сентября, в день рождения Заслуженной артистки России, Заслуженного деятеля искусств РФ Алевтины Буханченко, театр под ее руководством традиционно открывает новый театральный сезон раньше других театров города Томска. После обязательной премьеры, приуроченной к началу сезона, отметить двойной праздник собираются друзья, единомышленники и просто хорошие люди. И не важно, где это происходит - у семейного очага с вкуснейшими пирогами, на даче или в кафе театра – везде ощущается атмосфера добра, вдохновения и естественной простоты настоящих русских интеллигентов.

На сей раз нас немного: бывший руководитель областного департамента культуры, преподаватель и актер Андрей Кузичкин, профессор и депутат Лев Пичурин, академик Вячеслав Новицкий, сам хозяин дома Народный артист России Николай Мохов и, конечно, обворожительная и прелестная именинница Алевтина Буханченко. Она, счастливая, возвращается к гостям: «Дочка звонила, внуки здоровы, и, слава богу, все у них хорошо, а это - лучший подарок!»

Николай Павлович на правах хозяина разливает вино и рассказывает:

- Мы тогда были на гастролях в Харькове. Сначала пришла одна телеграмма от Ксении: «Ура, прошла первый тур». Потом другая: «Ура, прошла второй тур». А потом вдруг: «Ура, «провалилась». Уезжаю учиться в Санкт-Петербург в художественную академию!».

На лицах улыбки, а Алевтина Николаевна добавляет:

- Дочь всегда хорошо рисовала. Окончила художественную школу. Я за нее рада. Талант передается через поколение. Моя мама увлекалась живописью. Может быть, из моих внуков получатся хорошие актеры. Кто знает? Я буду этому рада! Давайте выпьем, друзья, за внуков, ведь у каждого сидящего за столом это счастье уже случилось!

Задумчивый разговор, как водится между друзьями, обязательно пойдёт о том, что объединяет. Это театр. Прошу слова на правах гостя:

- Извините, огромная популярность - и всего лишь малый зал?

Алевтина Николаевна сама подает горячее:

- Большая сцена и малая, Валерий, – это два разных мира. Драматический театр всегда был камерным, интимным, потому как даже самое мощное биополе актера не распространяется дальше седьмого ряда. – Николай Павлович весело смеётся. - Ну, и если признаешься в любви на сцене, слова «Я люблю тебя» – если не врешь и не кричишь на весь театр – в большом зале многие просто не услышат. А малая сцена дарит возможность интимного общения со зрителем, когда даже шёпот актёра слышен каждому. Конечно, это и огромная ответственность: то, что скрадывает большая сцена – оговорки, неловкие движения, непорядок в костюме, в малом зале от зрителя не утаишь. Поэтому мы в Камерном театре ведём диалог со зрителями и говорим о любви на близком расстоянии, от сердца к сердцу.

- Красивый тост, наливайте! – И Вячеслав Новицкий серьезно продолжает: - Что отличает выгодно твой театр, Алечка, так это высокое напряжение. Спектакли идут на одном дыхании. Есть живой пульс, живая нить между залом и сценой. Неприятие фальши, острый слух к правде – это возможно только в вашем с Николаем Павловичем театре! Ну, а теперь - за Любовь!

- Хочу непременно дополнить моего ученого коллегу, - профессор Пичурин постукивает вилок по хрустальному фужеру. - Любому театру нужен лидер, создающий ансамбль и атмосферу динамичного актерского существования на сцене. Именно это определяет успех спектакля. Алевтина Николаевна сумела стать таким лидером и создала авторский театр.

Алевтина Николаевна спешит с новым блюдом:

- Мальчики, не спорьте под жаркое! Все замечательно, хороший театр. Яркий. И главное, ни копейки денег нам не стоит, говорят мне постоянно чиновники!

Андрей Кузичкин кладет на тарелку сибирские грибочки и рассыпчатую картофелину:

- Господа, вы, конечно, помните, что я тоже был чиновником не только на сцене. Так вот, я всегда призывал к тому, чтобы перевести театры на грантовую поддержку и финансировать не театральное кресло – порой пустое даже на премьерах, - а реального живого зрителя. Тогда бы и театр Алевтины Николаевны не был обойдён бюджетной заботой. А пока весь груз ответственности – от опрессовки системы отопления и ремонта вестибюля до пошива костюмов и изготовления реквизита – тянет Алевтина Николаевна с небольшим штатом сотрудников, по совместительству - актёров.

Алевтина Николаевна продолжает о наболевшем:

- Да, я и гвозди, конечно, забиваю, и зарплату выдаю, денежки считать приходится при нулевом бюджетном финансировании. Вот анекдот в тему: «Старый актер готовится к премьере, надевает фрак. Вбегает дочь и кричит: Папочка, ты прелесть, можно я тебя обниму?! – Денег, нет! Мама уже обняла!»

Я не скрываю удивления:

- Алевтина Николаевна, актерам учиться всему нужно у режиссера, вы сами заняты почти во всех спектаклях, а тут еще и управление театром. Одно другому не мешает?

На правах мужа и директора театра отвечает Николай Павлович:

- Актер должен учиться у мастера. А кто еще может научить актера лучше, чем другой актер, талантливый, умный, успешный? Согласитесь, было бы глупо, если бы молодых поваров учили готовить только теоретики. Нужно, чтобы тебя учил именно другой повар. Ведь книжная теория зачастую отличается от практики. И только профессионал может поделиться с тобой своими «фирменными» секретами, прав я, Андрей? – Мохов обращается к актеру Кузичкину.

- Конечно, Николай Павлович! Часто в режиссуру идут неудавшиеся актеры. Это самое страшное, что может быть. Практически все талантливые режиссеры были гениальными актерами: Ефремов, Захаров, Табаков, Виктюк, Товстоногов, Райкин!

- Забыл одну фамилию! - Академик Новицкий поднимает к седой шевелюре палец и произносит по слогам: - Алевтина Буханченко! – Наклонившись, галантно целует руку хозяйке дома.

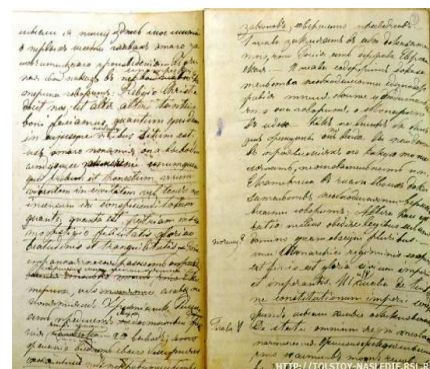
- Bravo! – Все встают и аплодируют.

- В таком случае, я за домашними пирогами на кухню, потому что, в первую очередь, я - Хозяйка, мои дорогие друзья!

На следующий день после спектакля я взял книгу отзывов Камерного драматического театра под руководством Алевтины Буханченко и написал: «Господи, как хорошо, что вы есть! Уехал бы из города, но единственное, что держит – это ваш театр! Вы перевернули во мне душу. Спасибо! Все – бегу покупать шампанское, цветы и мириться с женой!».

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ АМФИТЕАТРОВ

А. В. Амфитеатров

Имя Александра Валентиновича Амфитеатрова мало что говорит сегодняшнему читателю. А ведь в свое время он был широко известен не только как талантливый литератор, но и как театральный и литературный критик, памфлетист, сатирик, издатель, переводчик, журналист. По данным библиотечной выставки 1911 года, Амфитеатров занимал 2 место в провинциальных библиотеках, опережая Гоголя, Достоевского, Андреева, Куприна. «Книги его вы увидите повсюду, - писал литературный критик Львов-Рогачевский, - в витрине магазина, в киоске вокзала, в вагоне. На книжном рынке Амфитеатров «хорошо идет».

За едкий памфлет на царствующую тогда семью Романовых «Господа Обмановы» он был отправлен в ссылку и получил широкую известность. Под псевдонимами Old Gentleman и Московский Фауст печатал стихи, романы, рассказы. Его называли «маленьким русским Золя». В своих произведениях Амфитеатров ставил насущные вопросы, волновавшие общество. В центре его произведений женское равноправие, проституция как социальное явление, психологические мотивы преступлений, человек в его уникальности, неординарности поступков, мыслей, чувств. Он называл сам себя «писателем без выдумки» и говорил, что все его произведения основаны на личных наблюдениях и лишь отчасти фантазия. В предисловии к сборнику «Случайные рассказы» он писал: «Я назвал их случайными ввиду того, что фабулы большинства их основаны на действительно житейских случаях, с какими мне приходилось встречаться или о каких приходилось слышать в своих скитаниях по белому свету». Более всего Амфитеатров был известен как автор романов-эпопей, семейных саг, описывающих судьбы семейных родов, приходящих к упадку: «Концы и начала. Хроника 1880-1910 годов», «Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Закат старого века» (1910), «Дрогнувшая ночь» и другие. Под прозрачными псевдонимами героев этих романов-хроник легко угадывались

московские и петербургские дворянские семьи. Однако он писал не только масштабные романы, но и замечательные драмы, рассказы, сказки, памфлеты и даже анекдоты.

Кроме того Амфитеатров оставил потомкам очерки, где даны портреты Л. Н. Толстого, А. М. Горького, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, Саши Черного, Н. С. Лескова и других писателей. С А. М. Горьким Амфитеатров вел длительную переписку в течение семнадцати лет. В письмах затрагивались разнообразные проблемы литературной и общественной жизни, политические и международные события.

Александр Валентинович Амфитеатров родился 14 декабря 1862 года в Калуге. Его отец Валентин Николаевич Амфитеатров был протоиереем, выдающимся проповедником, духовником, настоятелем кремлевского Архангельского собора. Иоанн Кронштадский говорил о нем: «Зачем вы едете ко мне, ведь у вас есть отец Валентин». В Москве протоиерей Амфитеатров почитается как чудотворец. Мать писателя Елизавета Ивановна Чупрова была сестрой профессора Московского университета А. Чупрова.

Литературной деятельностью Амфитеатров начинает заниматься еще обучаясь в Московском университете, куда поступил после окончания с золотой медалью 6-й московской гимназии. Амфитеатров поступает на юридический факультет. Там молодой писатель пишет сатирические статьи в журналах «Будильник» и «Осколки».

Именно там он знакомится с Чеховым, о котором позднее скажет: «Мы знаем много мыслей Чехова, а я все-таки думаю, что он успел бросить нам лишь крупницы своей бездонной души, - снял лишь верхний слой богатого закрома». Однако после окончания университета Амфитеатров не желает связывать жизнь с юриспруденцией и начинает готовиться к карьере оперного певца. Он действительно обладал приятным баритоном. Амфитеатров уезжает в Италию, где продолжает писать сатирические статьи и работает корреспондентом русских газет в Милане.

По возвращении из Италии Александр выступает в провинциальных оперных театрах, исполняет партии в операх «Аида» Дж. Верди, «Мазепа» П. И. Чайковского, «Кармен» Ж. Бизе и других. Параллельно пишет музыкальные рецензии и литературные статьи. В 1889 году он решает оставить музыкальную карьеру, и с этого момента начинается его литературная деятельность. Наряду с фельетонами Амфитеатров пишет рассказы и повести. В том же году при финансовой поддержке фабриканта М. О. Альберта Александр создает газету «Россия» совершенно радикального направления и становится ее фактическим редактором. Московским корреспондентом газеты был В. А. Гиляровский. Этой газете не суждено было просуществовать долго. В 1902 году после вышеупомянутого скандального памфлета «Господа Обмановы» газета закрывается, а сам автор отправляется в ссылку в Минусинск. «Когда Алексей Алексеевич Обманов, честь честью отпетый и помянутый, упокоился в фамильной часовенке, при родовой своей церкви, в селе Большие Головотяпы, Обмановка тож, впечатления и толки в уезде были пестры и бесконечны. Обесхозилось самое крупное имение в губернии, остался без предводителя дворянства огромный уезд», - так начинался памфлет об Алексее Алексеевиче Обманове, сыне его Нике-Милуше и прочих головотяпцах из Обмановки, Марии Федоровне Обмановой и мадемуазель Жюли, в которой легко узнавалась балерина Кшесинская. Памфлет имел большой резонанс в обществе и получил самые разные отклики.

*Протоиерей Валентин
Николаевич Амфитеатров,
настоятель кремлевского
Архангельского собора*

Так, брат А. П. Чехова Александр назвал его «подлым пасквилом», а Максим Горький, напротив, одобрил и всячески старался поддержать высланного в Сибирь писателя.

В Минусинске Амфитеатров создает цикл рассказов «Сибирские этюды». «В настоящей книге читатель встретит только то, - пишет автор в предисловии, - в правдивости чего я сам не имею никаких оснований сомневаться. Художественной выдумки здесь почти нет, ее приемы я допускал иногда лишь настолько, чтобы придать голому факту беллетристическую обработку, ярче выяснить его окраску, механически связать действие, выделить характеристику».

В 1903 году Амфитеатров возвращается из ссылки, какое-то время живет под Вологдой, затем возвращается в Петербург. В только что появившейся газете «Русь» пишет статью о «Коноваловской истории» в Горном институте, за что опять попадает в Вологду. В 1904-м начал работать корреспондентом, но после публикации работ «Полемические листки 1904 года» лишается права заниматься литературной деятельностью. Амфитеатров уезжает из России в эмиграцию. Сначала в Париж, затем в Италию. Здесь запрета на литературную деятельность нет, и Александр продолжает работать. Он издает журнал «Красное знамя» антимонархической направленности, пишет историческую хронику из жизни Рима эпохи Нерона и даже принимает участие в постановке оперы «Князь Игорь» А. П. Бородина в миланском театре Ла Скала, премьера которой состоялась 8 января 1916 года. Партию Владимира Игоревича исполнял Тито Скипа, итальянский певец, один из знаменитейших теноров XX века.

Дом Амфитеатрова в Леванто становится центром русской эмиграции. Отсюда писатель активно сотрудничает с Максимом Горьким, участвуя в работе журнала «Современник», издающегося в России. В этот же период в издательстве «Просвещение» выходит 37-томное собрание сочинений Амфитеатрова.

В 1916 году Александр возвращается в Россию. Писатель активно включается в работу. Он сотрудничает с газетами «Русская воля», «Петербургский огонек», журналами «Бич», «Огонек», «Нева». В 1917 году пишет статью «Этюды», где жестко критикует министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Это послужило поводом для высылки Амфитеатрова в Иркутск. Однако февральская революция освободила писателя от необходимости следовать в ссылку, и он вернулся в Петербург.

Октябрьскую революцию Амфитеатров категорически не принял и до конца жизни оставался убежденным противником большевизма. В 1917 году работает редактором в газете совета Казачьих войск «Вольность», пишет антибольшевистские статьи в газетах «Петроградский голос», «Петроградское эхо», «Новые ведомости», преподает литературу в женской гимназии и Педагогическом институте, занимается переводами с итальянского. В период с 1919 по 1921 годы был трижды арестован ВЧК.

23 августа 1921 года вместе с семьей на лодке перебирается через Финский залив в Финляндию. Какое-то время проживает в Берлине и Праге, но затем навсегда переезжает в Италию - в Леванто, в свой дом на берегу Генуэзского канала. Впечатления от жизни в большевистском Петербурге Амфитеатров дает в серии очерков «Горестные заметы». За границей Амфитеатров активно сотрудничает с русской диаспорой, пишет статьи и мемуары в изданиях, выходящих в разных странах, где обосновались русские эмигранты: «Новая русская жизнь», «Меч», «Понедельник», «Время», «Возрождение» и других, продолжает работать над романами: «Сестры», «Вчерашние предки». Появляется сборник «Одержимая Русь. Демонические повести XVII века», героями которого становятся персонажи русского эпоса, «Мечты», «Лиляша», книга «Литература в изгнании». Однако былой популярности за границей Амфитеатров уже не имеет. Его политические взгляды становятся все более радикальными, он даже приветствует приход к власти Муссолини.

Умер Амфитеатров 26 февраля 1938 года, прожив 38 лет до начала нового века и 38 после.

Хочется отметить, что его дети также оставили след в мировой культуре. Сын Владимир Амфитеатров-Кадашев был известным писателем и журналистом, Даниил Амфитеатров стал композитором и дирижером, Максим Амфитеатров – известным виолончелистом, именем которого в городе Леванто назван музыкальный фестиваль.

Этот очерк мы взяли из книги «Курагины», изданной в Санкт-Петербургской типографии товарищества «Общественная Польза» в 1905 году. Все знаки препинания мы оставили без изменения, а также написание некоторых слов, выделив их курсивом.

А. В. Амфитеатров

НА БЕРЕГУ

(Из цикла «Сибирские сомнения»)

Мы сидели у костра на высоком берегу Енисея. Темнело. Розовые снега Саян на далеком юге справа полиловели, потом посинели, и, наконец, вовсе исчезли, слившись с быстрою темнотою наступающей ночи. Дальше всех гор-соседей рдел отражениями вечернего солнца развалистый красавец Борус. Когда и его очертания расточились в воздухе, - словно весь свет погас над землею, кроме нашего робкого костра, да дрожащего красного столба, что протянулся от него на сердито *ропиущий* полноводный Енисей. Я не знаю реки, более мощной и грозной в разливах – поздних, не поддающихся расчету ни своего времени, ни своей энергии. Это – скорее ежегодные наводнения, чем половодья. Река, затопив свои острова, расширяется, как море, и стремится от Саянских ущелий вниз по Сибири водопадом на четыре тысячи верст. Город Минусинск находится в пятистах верстах от своего губернского Красноярска вверх по Енисею. Туда от нас пароходом сносило в двадцать и даже в пятнадцать часов, оттуда к нам он полз трое с половиною, а то и четверо суток: таково противодействие могучего и быстрого течения! Выше нас пароходы уже не ходили: не для кого, да, и Енисей не пускает... Дальше к югу идут лишь редкие села, заимки, енисейские пороги, таинственные поселки раскольничьего Белогорья, почти неизведанный Ус и, наконец, китайская граница. Где проходит последняя, с точною определенностью знает только Бог. Там – Сойотия, любопытный инородческий край, заселенный племенем, которое считается подданным русской или китайской державы, глядя по тому, чей пограничный чиновник и где застанет его кочевья, дабы взять подобающие дани и пошлины. Раз в десять лет наезжает китайский ревизор для осмотра границы. Одному такому наши усинские чиновники дали как-то обед. Когда все хорошо подвыпили, китайский сановник обнял русского блюстителя границы за шею и воскликнул во всеуслышанье:

- Давай пить и выгони остальных! Потому что здесь только мы с тобой порядочные люди, а то – ужасная дрянь!

Слабая определенность, лучше будет сказать: полная неопределенность государственной границы на верховьях Енисея не угрожает отечеству нашему ни малейшею опасностью. Даже в военных учебниках местности эти приводятся в пример естественно защищенных: за едва проходимыми Саянами следует уже истинный край света – знаменитая, великая песчаная степь Гоби или Шамо, уча о которой в географии Смирнова, юноши редко думают о возможности когда-нибудь жить с нею по соседству. Ее пески сыпучее Сахарских,

летние жары достигают высших температур, а зимою по степи трещат бесснежные морозы, - новый ужас, в африканских пустынях, конечно, неслыханный... Гоби не знает оазисов. Гоби - место пусто, безводно, бесплодно: одно из тех, куда старинные заклинатели отсылали жить демонов, исходящих из телес одержимых. Гоби - это смерть земли и человека, обреченного по ней скитаться!

Я не понимал сравнения реки с чешуйчатой змеею до тех пор, пока не узнал Енисея. Полноводность и страшная быстрота течения делают в *летние жары* грозными не только его мощный материк, но и притоки. Он всюду обманчив, коварен, всегда предатель. Где дно гладкое, масса вод его понесется вперед бесструйно, как текущий металл; с высокого берега, при дурном зрении, подумаешь, что вода стоит. Бросил ветку в реку, - глядь: не успела она и струи зарядить, как уже уплыла сажень на двадцать. Есть степень теплоты, когда нагретая жидкость не предостерегает о своей опасности клубящимся паром, так точно есть степень быстроты, при которой бесструйная широкая река - будто стоячее озеро. Она мертвая, и только дерево, повисшее над нею, - вы видите, - почему-то мчится, мчится, мчится, не трогаясь с места, в противную течению сторону. Странно! Это сочетание оптических обманов, когда движение чудится покоем, а покой движением, мало-помалу болезненно утомляет взгляд, отягощает мысль, разбивает нервы. «Сила прет» - и какая неукоснительная, неразсуждающая, враждебно давящая сила!

Стоит этой силе толкнуться где-нибудь о подводную скалу, либо корягу, и вся поверхность Енисея делается версты на две чешуйчатой. Здесь говорят: у нас в Енисее - вода густая. Правда, что густая... Мощь *ее* ударов о *встречные* препятствия развивает в ней *попятные* струи, в свою очередь настолько могучие, что по реке - и без ветра - словно вихрь ходит, завивая глубокие воронки крутящихся омутов. Омутки расширяются в омуты и, Бог знает, как далеко отзывается толчок, о котором реке пора бы и думать перестать: уже и чешуи улеглись, и поверхность опять гладкая, как зеркало, а лодка ваша, назло работе дюжих рук и крепких весел, все ни в зад, ни вперед - только носит ее водоворотом от берега к берегу в таком правильном кругу, что хоть вычертить циркулем... И река в подобных местах - какая-то горбатая, выпуклая в середине: подумаешь, у *нея*, как у живого зверя, есть спина и позвоночный хребет!

Под скалою, где мы расположились, попало именно вертячее, чешуйчатое место. Я смотрел, как воронки омутов крутились черно и зловеще в красном свете костра, слушал их рычащий шепот...

- Словно плезиозавр или ихтиозавр какой-нибудь допотопный ворочается... - сказал мой спутник.

- А тихо-то, тихо кругом... как на кладбище!

- Да ведь кладбище и есть, - возразил он. - Вот и плиты могильные.

Он похлопал рукою по камню, под которым пылал наш костер. То был один из тех плоских, торчком стоящих инородческих камней, что, сгруппированные в круги, подобно кромлехам, разбросаны во множестве по всей Енисейской степи, знаменуя могильники без вести исчезнувших, доисторических тюрок.

- Вот разбирайте, какие черти и для кого это ставили? - говорил мне спутник. - Финны рады, родню нашли. Ездят сюда, изучают. У одного намерен весь материал, скопленный двумя годами путешествия, свистнули на Сибирской железной дороге. Сквозь дикие дебри невредим проехал, у степных разбойников безопасно ночевал, а на Сибирке свистнули. Ничего. Отряхнулся от неприятности, точно пудель от воды, и опять определил себя к дикарям на два года - искать родню. Пожалуй, и найдет? Финны эти - народ с характером. Всех покойников под курганами перевернут, а не родством, так свойством сочтутся.

- Вы чем же в этом недовольны-то?

- С чего вы взяли? Напротив, очень доволен. Хотя что-нибудь делается в крае для края. Положим, гробокопательство... Да ведь, кроме гробокопательств, на кладбище – чем иным заняться?

- Заладили: кладбище, да кладбище. Подождите хоронить, лучше позовите на крестины.

- Хоронить-то вижу что, а кого крестить – недоумеваю. «Будущее Сибири» что ли, о котором так возвышенно пишут в газетах?

- А вы не верите?

- «Темы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»... – запел он. – Душа моя, условимся о правильной терминологии! Что значит «Будущее Сибири»? Красивый звук, огромный и пустой столь же, как огромна землею и пуста населением сама Сибирь. Можно говорить о *преуспевании* Алтайского края, Минусинского округа, о развитии грузов на Сибирской железной дороге, о культурности города Томска, но – при чем здесь будущее Сибири? Да и что такое Сибирь, как таковая, – либо судебный термин, либо обывательский миф. Губерния Томская, губерния Енисейская, Иркутская, – это вот факты. А Сибирь – историческое мечтание, мираж, Ермакова сказка. У мифов и сказок будущего не бывает, довольно с них и прошедшего. Будущность – за фактами. Вот, например, какая-нибудь станция Обь, Кривошеково тож, выросла за пять лет из деревушки в город с двадцатью тысячами населения. Это – факт. Это – основание верить в будущность Кривошекова. И я верю. А в будущность Сибири не верю.

- Да Кривошеково-то где? В Сибири же. И устроено оно для кого? Для Сибири.

- Ах, милый человек! Да ведь и стан Ермака был в Сибири и *устроился* для Сибири. Однако, не скажете же вы, что стан Ермака был знамением «великого» сибирского будущего?

- Отчего нет?

- Оттого, что всякая счастливая будущность для страны легко определяется двумя, тесно связанными между собою началами: цивилизацией и богатством. За богатством и первый Ермак, и последующие Ермаки не из Сибири, а в Сибирь шли, дабы вывезти его в Москву, – помните: «кланялся Сибирью богатою»? А цивилизации Сибирь и посейчас не получила, так как, по правде сказать, – откуда *ея* Ермакам и взять было? Ермаки – пророки счастливых *преуспеваний* для центров, ради которых они ермачествуют на окраинах. Сии же последние, когда Ермаки к ним движутся, твердят лишь одно присловье: «Счастливы те народы, которые не имеют истории».

- Сибирский пессимист, – вечная песня, что Россия живет за счет Сибири!

- Клянусь вам, что нет. Моя песня – без жалобы. Что жаловаться? Взгляните на биографию Сибири, – вы поймете, что ее биография фатальна: она обречена быть краем изгойного ермачества, ермаческой культуры, ермаческих богатств, ермаческих преуспеваний и ермаческих концов.

- То-есть?

- По-обыкновенному: преуспевает Ермак, преуспевает, а там, с бухты-барахты, и бултых в Иртыш вниз головою. И – ау!

Он выплыть из всех напрягается сил

Но панцырь тяжелый его утопил.

Ведь в наши сибирские капиталисты и «Наполеоны тайги» тем кончают. У нас – состояния фейерверочные. У нас есть города, населенные бывшими и будущими капиталистами. Вот настоящие капиталисты – что-то в умалении.

- И все это Ермаки?

- Конечно. Другого сорта преуспевателей у нас быть не может.

- Опять! Да почему, наконец!

- Потому, что Сибирь – край, обреченный Богом жить в других, а не в самоё себя, и предопределение это – рожен, против него же не попрети. Вы говорите: страна будущего. А я говорю: кладбище. Кто прав? Вы верите в будущее, потому что видите летающих в небе журавлей, - ах, вот бы поймать-то! Я верю в кладбище, потому что – вон их сколько курганов-то в степи наложено... Подите в музей минусинский. Там почтенный Клеменц с Мартыановым много этаких камней и баб наставили. Так, если с ветра к ним подойти, - что в них? Ну, а если знающего человека каменеие глаголит... Памятники умерших цивилизаций! Не одной цивилизации, заметьте, а цивилизаций! Много их сюда пришло и здесь померло, - только вот: ни одной отсюда не вышло. Придет сюда цивилизованная сила, обрадуется обилию, осядет, и... не успела оглянуться, как уже вымерла и расточилась. И на ее место уже села другая, радуясь обилию и тоже готовясь вымирать, а там ждут очередь на погибель третья, четвертая, пятая. И ведь как ловко вымирали-то! Даже имена народов – и те спорны... Только и гласят археологи: «по величине найденных жерновов, вращать которые было не под силу человеческую, ясно, что аборигены употребляли конный привод, что свидетельствует о высокой степени их культуры». А чьей «их»-то? Целые нации в трясину провалились. Торчат взамен их вот этикие каменные дылды, да кости, крашенные в желтую краску, в земле гниют. Когда наш Ермак пришел в Сибирь, что он нашел? Разлагающиеся народцы. И каждый из них очень хорошо помнил, что он в крае – весьма недавний поселенец, что он еще несколько поколений тому назад был не народцем, но могучим народом. Недавний и могучий, а уже вымирал. Вот и рассудите, что здесь у нас – край преуспевания или страна *умертвія*? Великий погост народов! И так будет всегда... Здесь человек истребляет человека, а природа истребляет победителя. Что человеку – Ермаку, что Ермаку – народу в Сибири – всегда одна судьба: дешево напиться, разбогатеть, облениться и, одурев, скоро и напрасно завянуть...

- Так что, по-вашему, и те доисторические народы, что оставили эти камни, были тоже Ермаки?

- Всенепременно. Мне они так рисуются. Катится гигантский поток тюркского переселения. Дух кочевой энергии зовет варваров вперед, все вперед. Они разрушают и основывают царства. Передние могучие волны их добежали до Рима, расшиблись на полях Каталунских, вынесли на верх земной славы, как пену на гребнях, Аттилу, Чингис-хана, Тамерлана. Арьергард же, который послабее и поленивее, говорит себе: мы к великой битве народов еще успеем. Да и что-то она еще даст нам? А вот тут – синица в руки: текущий млеком и медом край, который давайте, братцы, ограбим дочиста, а потом можно, пожалуй, пойти и дальше... И грабят – сперва в кочевую разделку, потом в оседлую, пока не проносится над землею потоп новых хищников, которого арьергард оседает дограблывать то, чего не успел ограбить арьергард первого. Сперва – Ермаки тюркские, с востока на запад, потом – попятная волна, а в заключение ее – Ермаки русские, с запада на восток. Колонизация, как невольный результат хищничества, под эгидой и именем цивилизации! Вот и вся историческая философия нашего края... И иной, повторяю, быть не может. Потому что край наш – природная сокровищница богатой дикости, накопленная за многие века, так что и многие века и народы понадобились, дабы сокровища его истощить. Но каждый из истощавших Сибирь понимал, что сокровища ее, однажды растраченные, не возродятся с легкостью, как в других, более благодатных странах, а потому и каждый, памятуя, что своя рубашка ближе к телу, спешил как можно скорее схватить то, что лежало сверху и само плыло в руку, снять пенку, пока не слизнули другие. И затем, по-возможности, убежать... Во всех цивилизациях эксплуатация естественных промыслов и богатств страны ублажает область своего производства. Не то в Сибири! Ее промыслы и богатства откликнутся где-нибудь далеко-далеко, за тридевять земель,

в тридесятом царстве, куда со временем уходят на отдых от добыч ее пресыщенные Ермаки, а самой Сибири остаются истощенные угодия и *умертвiе*.

В русский период Сибири судьбами ее руководили, чередуясь, два взгляда – доброжелательный и враждебный. Один провозглашал Сибирь русскими «Мехико и Перу», другой упрямо уверял, что «Сибирь самим дороже стоит». Несмотря на такую разницу в конечных выводах, оба взгляда имеют то общее основание, что оба они весьма мало интересуются Сибирью для Сибири. Вопрос идет вовсе не о том, какие шансы и возможности имеет эта громадина, – где ледяная, где степная, где лесная, где тропическая, – для превращения в страну, удобную для человеческого проживания. Вопрос один: Сибирь для нас – Перу, или мы для Сибири – Мехико? Вот увидите, что мы выжмем из Сибири неисчислимые богатства, говорит одно сибировоззрение. А другое мрачно возражает: смотрите, чтобы она сама из вас соков не выжала. Только и спора. Но – что, если Сибирь на что-нибудь и годна, то исключительно в качестве предмета удобовыжимаемого, это ни тем, ни другим сибировоззрением никогда никаким сомнениям не подвергалось, и вся ее история – нелицемерная свидетельница. И, по-моему, первый «доброжелательный» взгляд на удобовыжимаемость сибирской губки даже откровеннее, с большей наивностью выражает историческую суть вещей, чем взгляд пессимистический. Сказано: Сибирь – русское Мехико и Перу. Стало быть, и валите туда, по аналогии русские Кортесы, Пизарро, Бильбао – и кто там еще из удалых добрых молодцев? «Мы – не воры, не разбойники», а только... Ермачки. И валили валом! И уносили богатства, а оставляли *умертвiя*.

История русской Сибири начинается тем, что казаки пошли добывать зверя – соболя. Но, при встрече с инородцами, Ермак и Кольцо увидали, что соболя и бобра следить по лесам и рекам излишне, так как они, – в количествах, которых не доставит самая успешная охота, – накоплены инородцами по зимовьям. Стало быть, кто хочет иметь изобилие в соболе и бобре, должен охотиться не за соболем и бобром, но за инородцем. И вот началась эта омерзительная охота, и продолжалась она на пространстве от Уральского хребта до пролива Берингова... ни много, ни мало – двести пятьдесят лет! Сперва охотились за инородцем с оружием в руках, потом, когда возобладала гуманность, стали охотиться водкою. В результате – инородец избил в лесах сибирского зверя, а наша водка уничтожила инородцев. Два *умертвiя*. Звероловческий период сибирской истории кончился. Благодаря ему Россия и Европа носили очень хорошие меха и имели на них немалое денежное обращение. Что касается самой Сибири, она даже не выучилась меха свои обрабатывать. Как двести лет назад, так и сейчас сибирский мех, чтобы принять вид приличный и удобоносимый, должен ехать в Москву, Петербург, Одессу, Лейпциг, Гамбург. И возвратясь из столичной или заграничной науки, с ценою двойного проезда, он оказывается в Томске, Красноярске и Минусинске дороже, чем в Москве у Михайлова и Белкина, в Петербурге у Грюнвальда и т.д. *Умертвiе* великой страны мехов, – и вы сами понимаете, это уже окончательное и безнадежное... Не бывало зоологического примера, чтобы исчезнувшие животные породы снова размножались и заполняли собой леса к удовольствию господ потребителей. Жареные рябчики не летят прямо в рот, и голубь любит, чтобы его ловили. *Умертвiе* звериное продолжается уже сто лет, и даже сейчас еще не убывает, а прогрессирует злополучная звериная агония. Пять лет назад шкурка горностая в Енисейске стоила от гривенника до двугривенного, в 1902 году, – заметьте, голодном, – она стоила рубль десять копеек. Мы уже не в силах конкурировать с Канадою. Наш зверь пошел на второй план. Он – вырождающийся, мех его – второй сорт: с этим богатством, конечно, и на сибирском историческом кладбище мы можем поставить смело рукою два печальных мавзолея – по сибирским инородцам и по сибирскому зверевому промыслу.

Период горнопромышленный, когда именно и твердили с особенным усердием о русском Мехико и Перу. Ну что же? Сибирь оправдала ожидания. Мехико – не Мехико, а золота и железа было найдено достаточно, и метрополия могла только радоваться за добычливость провинции. Однако, в какой город золотопромышленного района вы ни приехали в настоящее время, первый визит, который вам будет сделан, – мелкого золотопромышленника какого-нибудь, который станет вас соблазнять в товарищи, либо купить у него заявку, либо, наконец, даже взять ее даром, – под одним условием, чтобы вы заплатили казенные пошлины. Вам всюду предлагают купить миллион рублей за тысячу целковых, – и, увы! Миллионы не находят покупателей....

- Это так. Но золотое дело в упадке временном. Оно постардало от невежественной, хищнической эксплуатации, но недра, конечно, еще далеко не истощены.

- Кто ж вам говорит, что совсем истощены! Тогда бы не рассуждать о них, а прямо кричать караул благим матом....

- Новые приемы добычи, свободное обращение шлихового золота, внимательный контроль промысловый...

- Воскресят они, что ли, золото?

- Не воскресят, но прекратят хищничество и обеспечат будущность великого богатства: тогда его еще на много десятков лет хватит.

- Прекратить хищничество хорошо. Но вот в чем дело: там, где возможно прекратить золотое хищничество, – значит, и золото не слишком богато... Желтуха, Клондайк, Идахо влекли и влекут людей в ужаснейшие условия жизни массами, значит, там много золота... На минусинских же приисках рабочих надо удерживать каторжными контрактами и полицейскими мерами. Значит, тут мало золота, и возиться с ним мало кому в охоту. И опять-таки скажу: чему научил золотой промысел Сибирь? Вы говорите о новых способах добычи. Где же они? Всякое новшество оглашается на всю Сибирь, как великое событие и чудачество, а огромное большинство роет и моет, как деды и прадеды рыли и мыли. А так как, при дедовских и прадедовских мерах истощенные шахты уже ровно ничего не дают, то эпигоны теперь нашли очень выгодным разрабатывать старинные отвалы, которыми пренебрегали первые золотые Ермаки и Наполеоны тайги. Был олень, пришел медведь: оленя задушил, мякоти с него объел, тушу бросил; пришли волки, гложут мясо с костей... догложут, – и останется белый, сухой скелет, свидетельствующий, что олень был, но его уже нет, и волкам с медведями завтрашнего числа надо будет поискать себе пропитания от какой-либо иной породы и в ином месте. А золотому оленю затешим надгробный памятник и скажем навеки – прости. Посмотрите на современные сибирские капиталы, созданные золотопромышленностью: они либо в упадке, либо обратились за поддержкою к другим промыслам и добычам, ничего общего и с золотопромышленностью, ни с горною промышленностью не имеющим. Сейчас хозяин сибирской торговли – спирт и хлеб, поскольку он может быть выгодно обращаем в спирт. Что даст Сибири винная монополия, проживем – увидим. Но куда хозяин винокурных заводов – самый великий человек в сибирских городах и селах, а вор-спиртонос – самый богатый и желанный человек на приисках. Вот промысел, несомненно, весьма процветающий! Но, увы, даже и в Ермачестве, он никогда не представлял собою конечных целей страны, а всегда принимался только, как легчайшее, хотя и не весьма пристойное, средство, коим решительно какие угодно цели достигаются!

СМЕХОТЕКА

Илья Криштул
(Москва)

МОСКВА

(Из цикла «Великие города мира»)

867 лет назад по распоряжению Владимира Владимировича Путина была основана столица нашей Родины город-герой Москва. Сначала это был маленький населённый пункт, в нём жила дружина князя Долгорукого с жёнами да местные, которые ещё не знали, что стали москвичами. А когда узнали, очень этим загордились и придумали сначала прописку, потом регистрацию и четыре тысячи долларов метр. За это москвичей сразу не полюбил остальной народ и несколько раз сжигал весь город. Жгли все – татары, французы, братья-славяне... Но москвичи отстраивались заново, причём сами, без помощи турок и молдаван. В те давние времена они ещё умели это делать своими руками. Секрет строительства домов без участия турок и молдаван, к сожалению, утерян. Или украден молдаванами. Зато Москва после каждого пожара становилась всё краше. В ней появились первые достопримечательности – Большой театр, третье транспортное кольцо и метро «Выхино» в час пик. Кроме них, к московским красотам относится подземный переход под площадью трёх вокзалов, автовокзал на Щёлковском шоссе и, конечно, Кремль. Кремль – это сердце Москвы. Капотня – лёгкие, оба Бутова – отбитые почки, а Измайлово, судя по лицам жителей, давно и неизлечимо больная печень.

Шли годы. Москва превратилась в мегаполис, в который рекой льются деньги и бомжи. Видимо, бомжи деньги привозят, прячут их, забывают, где спрятали и идут спать в последние вагоны метро, несмотря на турникеты. Турникеты, кстати, изобрели тоже в Москве. Особенно нужны они в трамваях, которыми пользуются исключительно бабушки. Куда они постоянно ездят в количестве, равном количеству сидячих мест, это загадка, над разгадкой которой бьются многие исследователи. Ближе всего к истине предположение, что ездят они до конечной остановки и обратно. Главное, что турникеты бабушкам не страшны, у них специальные проездные с фотографиями, а вот зайти в трамвай простому человеку с улицы стоит двадцать восемь рублей и минут пятнадцать в очереди, так как бабушки никуда не торопятся.

Но, к счастью, не только турникетами славна наша столица. Всем известно, что в Москве обитают самые честные, добродушные и гостеприимные полицейские страны. Мимо них невозможно пройти бесплатно. Это искусство, которым владеет далеко не каждый москвич, что уж говорить о гостях столицы. О гостях столицы, кстати, лучше вообще не говорить, особенно с ними же. Но Москва это не только полицейское гостеприимство. Москва – город, который приносит людям радость. В Москве Алла Пугачёва встретила Галкина, а маленький Юрочка Куклачёв – свою первую кошку. В Москве нашёл, наконец, работу Д. А. Медведев, а скульптор Церетели обрёл вдохновение и мастерскую. Как изменились улицы, украшенные его творениями! Как красив и высок Петр Первый! Говорят, что в голове Петра находится

двухуровневый боулинг-центр, а в мизинце правой руки купил себе квартиру Роман Абрамович. Недалеко расположена и знаменитая Рублёвка с её нефтяными фонтанами и газовыми факелами, где можно вкусно отобедать за 5000 долларов под пение живого Элтона Джона. И именно в Москве открылись самые крупные в Европе «ИКЕА» и «Ашан», «Мега» и «Леруа Мерлен». В этих магазинах надо жить, что, кстати, многие москвичи и делают, сдавая свои квартиры всё тем же гостям столицы. Но всё-таки не магазины, не турникеты и даже не Рублёвка являются лицом Москвы. Известно, например, что недалеко от ресторана «Correa's» можно обнаружить знаменитую Третьяковскую галерею, на задворках ЦУМа стоит Малый театр, из бутика «Giorgio Armani» виден Собор Василия Блаженного, а из одного ночного клуба даже краешек Пушкинского музея. В окружении такой красоты не хочется ни хамить, ни обманывать, поэтому в столице вам никогда не нахамят и вас не обманут. Убить могут, хотя это запрещено. Но, к сожалению, запреты в Москве не приживаются. Стоит мэру Москвы что-нибудь запретить, как это «что-нибудь» появляется везде сразу и в удвоенном количестве. После последних запретов теперь у каждого казино стоят девушки лёгкого поведения с шаурмой в руках, при этом распивая пиво в общественных местах и торгуя с рук собой же. А гей-парады проходят не на улицах, а в лучших концертных залах. И во всех подземных переходах грузины продают «Боржоми» из чистой водопроводной воды. Может, попробовать запретить в Москве море, пляж, солнце и обнажённых мулаток? Ведь этого так не хватает в нашем сумрачном городе...

КРУГЛОВСК

(Из цикла «Великие города мира»)

На первый взгляд Кругловск - это самый обыкновенный российский город. Расположен он вдалеке от туристических троп и шумных автострад, на берегу небольшой речки, которая впадает, правда, в самую матушку-Волгу. Кругловск чист и уютен, если не обращать внимания на развалины двух церквей, заброшенный стадион с дворцом культуры и вонючий пруд в самом центре. Говорят, что в давние времена на месте этого пруда была городская площадь, на которой как-то появился след от лошадиного копыта. След превратился в лужицу, лужица в лужу, лужа с годами - в глубокую яму с водой, а уже яма - в заросший городской пруд, излюбленное место отдыха кругловцев, которые решили думать, что их пруд возник на месте метеоритного кратера и его вода обладает целебными свойствами. История для нашей страны обычная, да и Кругловск, как уже говорилось, это обычный провинциальный городок, каких, к счастью, ещё много осталось на территории Российской Федерации.

Но есть в Кругловске нечто такое, что ставит его на один уровень с такими городами, как голландский Хорн, город сыроваров, или швейцарский Ла-Шо-де-Фон, город часовщиков, или немецкий Бамберг, город пивоваров, или даже Санкт-Петербург, город президентов. Кругловск - город мерчендайзеров. Уже несколько веков в Кругловске рождаются, живут и умирают только мерчендайзеры, и никто больше. Первый мерчендайзер, как утверждают исследователи кругловского мерчендайзинга, появился в городе ещё во времена царствования Павла I, в сентябре или октябре 1798 года. Звали мерчендайзера Сергей Круглов, и именно его портрет кисти Иоганна Баптиста Лампи-младшего висит на почётном месте в Кругловской художественной галерее. Главный мерчендайзер галереи, Елизавета Сергеевна Круглова, рассказала, что, хоть по инструкции она и обязана несколько раз в день перевешивать картины в зависимости от спроса и смотрительности, портрет Сергея Круглова она не трогает. «Да,

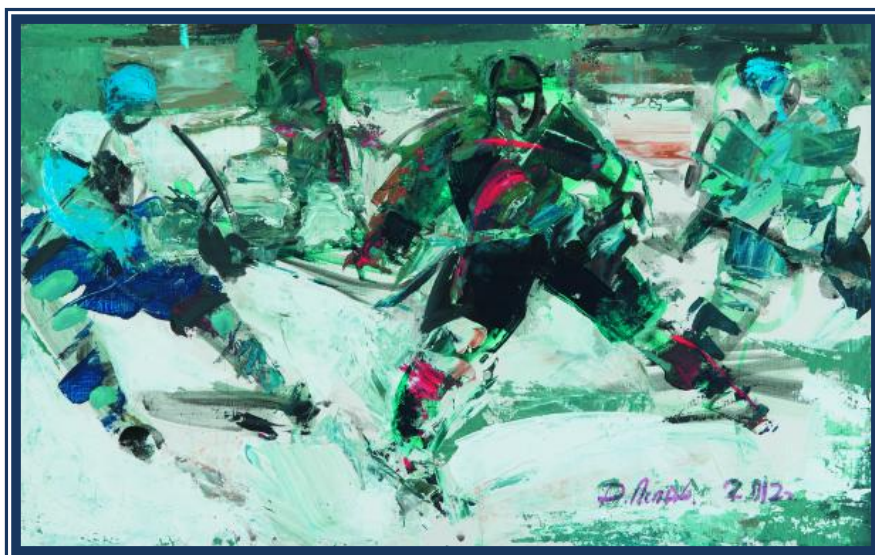
начальство поругивает, - улыбнулась Елизавета Сергеевна, - но я считаю, что картина Лампи-младшего «Портрет мерчендайзера» должна висеть на лучшем месте. Ведь это не только великолепная живопись, это ещё и история нашего города!»

Но ведь Сергей Круглов не сразу стал мерчендайзером! Кем он был раньше? Откуда пришёл в Кругловск? Почему именно он стал основателем известной теперь на весь мир династии кругловских мерчендайзеров? И почему именно мерчендайзеров, а не, к примеру, кустарей или зеленщиков? Ответы на эти вопросы есть в Кругловском краеведческом музее, расположенном на берегу метеоритного кратера-пруда. Старший мерчендайзер музея, Елена Анатольевна Круглова, знает о зарождении и развитии кругловского мерчендайзинга всё, ведь она защитила докторскую диссертацию по теме «Сергей Круглов – путь из варягов в мерчендайзеры». По её словам, Сергей Круглов пришёл в Кругловск из финского Зеленграда вместе с рыбным обозом, что являлось в то время самым популярным и доступным способом передвижения российского среднего класса. Да, Сергей, несмотря на русскую фамилию, был финном, хотя финского языка не знал, как, впрочем, и русского. В первые месяцы жизни в Кругловске Сергей не помышлял ни о каком мерчендайзинге. Он осматривался, обустроивался, учил язык, обзаводился нужными знакомствами, что вылилось в его женитьбу на старшей дочери купца Круглова красавице Леночке. Круглов взял за ней хорошее приданое и старинную фамилию, став Кругловым-Кругловым, а вскоре у молодой пары родилась первая дочка Машенька. Сергей обожал свою дочку, часами наблюдал за ней и вскоре заметил одну странность в её поведении – Машенька обожала всё переставлять и перевешивать, передвигать сундуки, словом, менять местами вещи, веками стоявшие в своих углах. Кругловские лекари не нашли у неё никаких психических отклонений, столичные светила, к которым обеспокоенные родители свозили Машеньку, тоже, а знаменитый немецкий профессор, на приём к которому Кругловым-Кругловым чудом удалось попасть, прописал лечение хинином и оздоровительное дыхание по его методике. Кругловы-Кругловы разочаровались в медицине, смирились с Машенькиной странностью и вернулись в Кругловск. Как-то, зайдя вместе с отцом в лавку, принадлежащую её деду-купцу, Машенька так удачно поменяла местами холстину с пенькой, что покупатели раскупили и то и другое. Сергей задумался и, придя домой, заперся в своём кабинете. А уже вечером он вслух читал домочадцам и слугам свой знаменитый «Трактат о введении мерчендайзинга в России». Так началось триумфальное шествие кругловского мерчендайзинга сначала по России и Европе, а позднее и по всей планете.

В наше время мерчендайзеров из Кругловска можно встретить везде, где процветает торговля. Они работают в магазинах Липецка и Костромы, Кейптауна и Парижа, в автосалонах Токио и на базарчиках Бессарабии, словом, повсюду, где есть продавцы и покупатели. Мерчендайзинг давно стал неотъемлемой частью культуры торговли, и магазины самых знаменитых марок считают своим долгом иметь в штате русского мерчендайзера. Выпускники КУМа, Кругловского Университета Мерчендайзинга имени Сергея Круглова-Круглова, служат в лондонских универмагах «Харродс» и «Селфриджес», в московских ГУМе и ЦУМе, именно они выставляют и переставляют товар в шведской «ИКЕА» и во французском «Ашане». Даже в Амстердаме, в квартале красных фонарей, работают кругловские мерчендайзеры, а ведь работа там считается очень непростой, так как товар в «красных фонарях» живой, часто с истёкшим сроком годности, но с амбициями и с большим опытом самостоятельных продаж. Но кругловцы справляются, ибо за их плечами не только пятилетнее обучение в КУМе, но и вся многовековая история кругловского мерчендайзинга. Ведь в Кругловске даже дети, когда родители просят их поставить молоко в холодильник, автоматически переставляют прокисшее на уровень глаз, а свежее – на самую нижнюю полку. Видимо, у них это в крови, они появились на свет уже со знанием главного закона русского мерчендайзинга...

Конечно, феномен возникновения мерчендайзинга в старинном русском городе Кругловске и завоевания им всего мира ещё ждёт своего осмысления и своих летописцев. А в самом Кругловске ждут акушеров и воспитателей детских садов, учителей и продавцов, официантов и работников ритуальных служб. Ведь сами кругловцы, кроме как переставлять товар с полки на полку, делать ничего не умеют, поэтому... Россияне! Приезжайте в тихий и славный город Кругловск, на родину мерчендайзеров! Вас ждёт здесь интересная и высокооплачиваемая работа по многим специальностям, размеренная жизнь и великолепный отдых на берегу пруда с целебной водой, который образовался на месте падения метеорита! Или на месте следа от лошадиного копыта...

А в следующих очерках о великих городах мира мы расскажем об узбекском городе Карчи, родине всех московских дворников, и цыганском городе-поселении Бузеску, где зафиксировано рождение золотозубого ребёнка с бриллиантовым перстнем на пальчике. Чудеса ещё случаются на нашей планете, хотя в них уже давно никто не верит...

Дмитрий Попов. Хоккей, темпера, 2012

СМЕХОТЕКА

Владимир Плетинский
(Израиль)

АФОРИЗМЫ

Цитаты из себя

- Репортер гонялся за жареными фактами, но отлавливал полусырых уток.
- Сначала суета сует и всё суета. А потом уже поздно суетиться...
- Господи, который всё сотворил! Почему я должен отвечать за то, что Ты натворил?
- ...И правая рука не ведает, что чешет левая (взаимодействие).
- Всему свое время - время разбрасывать камни и время удалять их из желчного пузыря...
- А чем япона мать отличается от кузькиной?
- Я всегда говорю прямо, хотя иногда ухмыляюсь криво...
- Душой к душе душу я душку в душе душном. (Из душевно-душевого.)
- Иногда в гости к истинным блондинкам заглядывают умные мысли. Но потом в панике убегают...
- И в театре одного актера хватает закулисных интриг...
- Первый блин комом? Зато его съедают последним!
- За соблюдением закона джунглей следят свои юристы - тигры.
- Построив мост, забывают, где был брод.
- Какой шизофреник не мечтает стать параноиком!
- Если у черепахи взрывной характер, то измерять его следует в тортильном эквиваленте.
- Воздавая кесарю кесарево, не забывайте и о собственных интересах.
- Хлебса и плебса!
- И у безусловных идиотов есть условные рефлексy.
- А все-таки нет большего счастья, чем выбросить свой мусор в ведро соседа!
- Какая врачебная тайна не мечтает стать тайной мироздания?
- Чем кровожаднее крокодил, тем милее его улыбка.
- Да, мы - народ бесстрашный! Боимся только самих себя...
- Одни сначала бьют себя в грудь, а потом других - по голове.
- Не продавайте чечевичную похлебку за тридцать сребреников!
- Главное - чтобы в семействе кошачьих никто не собачился!
- Париж стоил мессы. Теперь он стоит намаза.
- В споре с дураками умные всегда проигрывают.
- Дети - наше будущее, которому не терпится отправить нас в прошлое.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Виктория Топоногова
(Москва)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

БЛИЗНЯШКИ И НЕЛЬЗЯШКИ

Если мы с сестрой близняшки,
Почему-то все считают,
Что должно быть всё на свете
Одинаковым у нас...

Вот поэтому мы взяли
И раскрасили одежду
Разноцветною гуашью.
Каждая – в любимый цвет!

А потом друг друга стригли
И весёлые причёски
Мы щипцами завивали,
Выявляя личный стиль.

А теперь сидим мы в ванне,
Совершенно без одежды,
Стриженные «под мальчишек»,
И не знаем, кто есть кто...

БЛИЗНЯШКИ-РАСТЕРЯШКИ

Мы с сестрою потеряли
На двоих одну перчатку.
И не знали, что нам делать...
Три не делится на два!

А по очереди греться
Не выходит... потому, что
Я всё время отчего-то
Мёрзну больше, чем сестра!

И тогда мы с ней надели
На двоих одну перчатку,
Словно ходим мы за ручку...
Так теплее и смешней.

Мама с папой посмеялись
И ещё купили пару!
Нет, скажите, пять перчаток
Как с сестрою нам делить?!

БЛИЗНЯШКИ И ВКУСНЯШКИ

Если нам охота с пользой
Посидеть в кафе напротив,
Мы берём большую булку
И несём её в кафе.

А усевшись на веранде
Над мороженым клубничным,
Начинаем потихоньку
Булку по столу крошить...

Тотчас птицы всей округи
К нам слетаются обедать!
Воробьи вприпрыжку скачут,
Чинно голуби снуют!

Только пиццу на веранде
Не едим с сестрою больше...
Ведь однажды эти птицы
Нашу пиццу унесли.

ПРО КОТЯТ

Отчего-то мама строго
Нам сказала, что животных,
Диких, грязных и бездомных
Брать руками ни к чему...

Только эти три котёнка, –
Чёрный, серый и пятнистый, –
Что сидели за помойкой
И мяукали навзрыд,

Если дикими и были,
То сейчас же перестали
После ванны с мыльной пеной
И бутылки молока!

Мама, эти три котёнка
Все домашние, не бойся!
Ты же встретила их дома,
На кровати у себя!

Рисунок худ. О. Фадеевой
из книги В. Топоноговой
«Тайна перелетных деревьев»

ПРО БУФЕТ

Наш буфет заколдовали
Самым страшным заклинанием,
Изо всех, что знает мама.
Называется – «нельзя»!

А в буфете – кекс томится!
Он с изюмом и ванилью,
Он в глазури белоснежной
И с цукатами внутри!

Ну, а если – очень надо?
Ну, а если – нету силы
Ждать, когда же расколдует
Мама строгий свой запрет?

Этот кекс такой чудесный!
Ну и пусть стоит красивый!
А внутри... быть может, мыши
Съели всё, что там, внутри?

ПРО «РАССТРОЙКУ»

Папа нам сказал: «На стройку
Никогда не заходите!»
Больно надо! Там охранник
В синей будке, и забор...

А вот дом, который сносят, –
Он намного интересней!
Там повыбиты все окна,
Нет ни крыши, ни дверей!

Там живут воспоминанья...
Ветер трогает обои,
Гонит листья по паркету,
В трубы гулкие гудит...

И за что нас наказали?
Мы на стройку не ходили!
Ну а лазить по «расстройкам»
Папа нам не запрещал!

ПРО КНИГУ

Мама книгу нам купила?
Нет, не нам. Сестре Марине.
И поставила на полку.
И сказала – брать нельзя!

Как же так – сестра Марина
Будет знать, а мы не будем,
Чем закончится свиданье
С серым волком в поздний час?

Мы же взяли аккуратно!
Не помяли ни листочка,
Не изрезали рисунков,
Не заляпали страниц!

Нам же тоже интересно
Знать, куда пошла девчонка
В этой самой, красной шапке,
И вернётся ли назад!

БЛИЗНЯШКИ И ДВОРНЯЖКИ

Мама с папой нам за чаем
Говорили, чтобы в школу
Отправлялись напрямую,
Не петляли по дворам...

Потому, что там собаки
Все голодные, как волки,
Потому, что там бандиты
Нападают на детей!

Взяли мы с собой тихонько
Колбасы, сосисок, хлеба
И пошли ловить бандитов,
И собак пошли кормить.

Два часа мы их искали...
Покормили всех дворняжек.
А доев сосиски с хлебом,
В школу весело пошли!

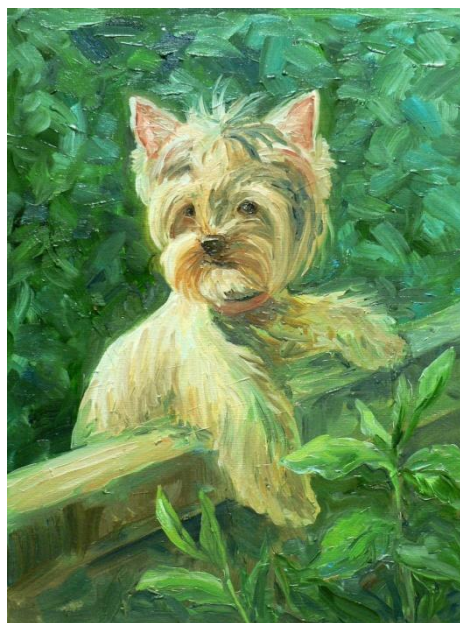
ПРО ДОЖДИК

Вот идёт куда-то дождик...
А куда – и сам не знает.
Может, дождик заблудился,
И не выйдет со двора?

Слышишь, дождик, по прогнозу
Ты идёшь на юго-запад!
Ты иди туда, не медли, –
Там тебя, наверно, ждут!

Нет, не слышит... Мы надели
Ярко-жёлтые накидки,
Чтобы дождику дорогу
Через город показать.

Целый час ему махали,
Объясняли, как добраться.
Наконец-то дождик понял
И из города ушёл!

Худ. В. Топоногова. Дачница

ПРО МЯЧ

Нам с сестрою мяч купили,
Чтобы вместе мы играли.
Мы друг дружке мяч катали,
И кидали... а потом...

Нет, футбол не для девчонок!
Толку – мяч пинать ногами?!
Лучше сверху сесть и прыгать!
Иль кататься животом!

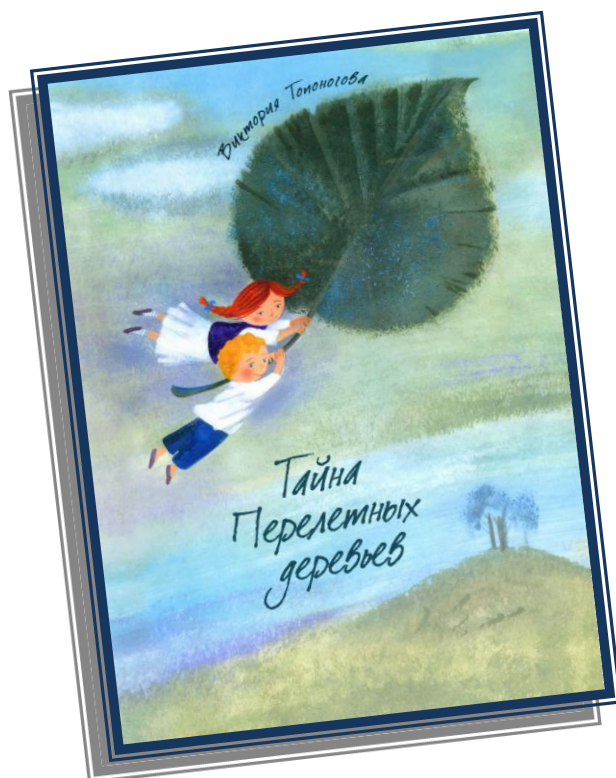
В общем, срочно, очень срочно
Мяч сестре моей купите!
А не то она сумеет
Выбить тот, что подо мной!

ПРО МУЗЕЙ

Были мы вчера в музее.
Там стеклянные витрины.
В них – разбитая посуда,
Наконечники от стрел...

Мы рассматривали долго
Гобелены и картины,
Украшения из камня
И папирусов ряды...

А вернувшись, сразу чайник
Под берёзой закопали.
Пусть и он лет через триста
Попадёт туда, в Музей!

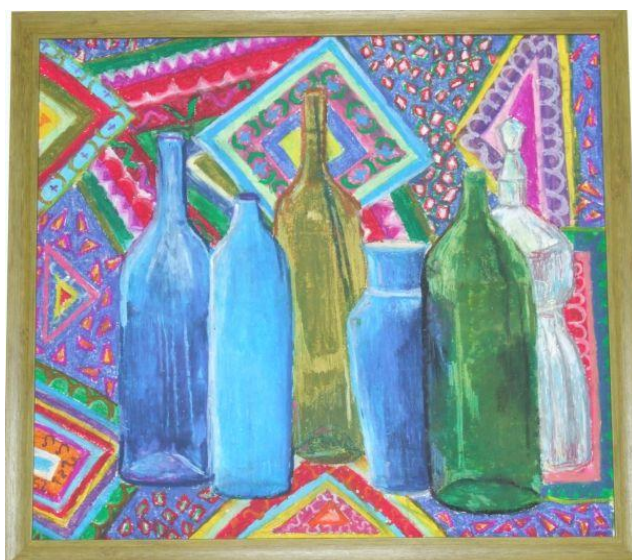
**Книга Виктории Топоноговой
«Тайна перелетных деревьев», сказка для детей, 2013.
Художник Ольга Фадеева**

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

*Мы представляем работы юной художницы
Александры Деминой (Москва)*

АНГЛИЙСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, ДОМРА И ЖИВОПИСЬ

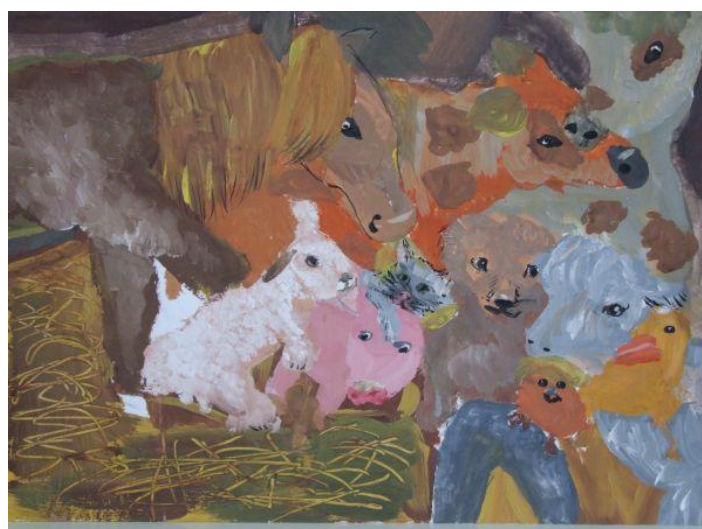

Саше Деминой 15 лет. Она изучает английский и французский языки, играет на домре в ансамбле «Теволга», недавно ставшем лауреатом музыкального конкурса им. Глиэра.

Но основное и самое серьезное ее увлечение – живопись.

Саша рисует с трех лет. Она занимается в художественной студии и хочет стать художником.

Картину «Скотный двор» Саша написала, когда ей было всего 5 лет.

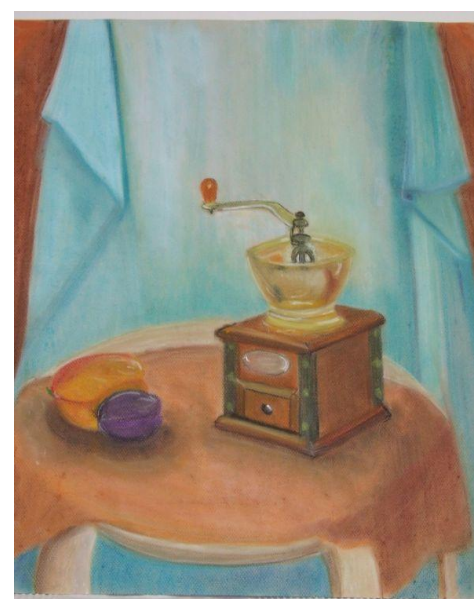

Сашины работы удивляют особым видением мира и необычной гармонией красок.

Иногда они совсем не детские.

Здесь представлены студийные работы юной художницы и картины, написанные вне студии.

В 2007 году в рамках фестиваля «Дети России» Сашина работа «Рыбка» участвовала в выставке детского рисунка в филиале Третьяковской галереи на Крымском валу.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧУДО-СТРАНА

Далеко-далеко за озерами
Есть страна никому неизвестная.
Про нее не писали в учебниках,
И туда не проложен маршрут.

А зовется страна Небывалия,
Потому что там жители местные
Все, что только могли, перепутали
И вполне безмятежно живут.

Их дома вверх ногами поставлены
И в асфальт упираются крышами -
Через форточки выход на улицу.
Небывальцы веселый народ!

Все по улицам ездят на роликах,
Про метро они даже не слышали!
И конечно, слова в Небывалии
Произносятся наоборот.

Утром ужины, вечером завтраки
Там готовят хозяйки старательно,
Жарят суп на десерт, а пирожные
Долго варят на тихом огне.

После стирки по полу, как водится,
Расстилают белье обязательно!
И ночами, укрывшись матрасами,
Небывальцы бормочут во сне.

А собаки сбиваются стаями
И щебечут, летая над крышами.
Тараканы, свернувшись калачиком,
Греют пузо под лунным лучом,

Чтоб потом, налакавшись из блюдечка,
В догонялки гоняться за мышками.
Там вороны гуляют под плинтусом -
Им погода теперь нипочем!

Кошки тоже живут в Небывалии,
Громко лают комочки пушистые.
В парке с ними гуляют хозяева,
По дорожкам идут налегке.

И на палочке сахарно сладкие
Облака белоснежные, чистые
Продаёт в магазине кондитерском
Клоунесса в цветном колпаке.

Вот какая всегда небывальщина
Происходит в стране удивительной.
Никогда б не поверила этому,
Если б там не бывала порой.

Только тем, у кого есть фантазия,
Эту тайну узнать позволительно,
И тогда все проблемы и трудности
Станут просто веселой игрой.

Каждый вечер в постельку уютную
Приходя обниматься с игрушками,
Говорю по секрету и шёпотом:
Приходи ко мне, сказка из сна!

А когда одеялом накроешься
И обнимешься с мягкой подушкой,
Отворяет все двери волшебные
Небывалия – чудо-страна!

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

Надежда Стрелкова

(МОССАЛИТ, Москва)

Мы знаем Надежду Стрелкову как замечательного поэта и автора и ведущего проекта «Живое авторское слово». Но, как известно, талантливый человек талантлив во всем. И сегодня мы расскажем еще об одном увлечении Надежды – стеклянной мозаике.

Увидев впервые ее работы, невозможно отделаться от ощущения, что они наполнены светом. И свет этот – душа, живущая в каждой картине. Как и положено душе, она грустит, когда наступает темное время суток и свет меркнет, и радуется, переливаясь новыми оттенками красок, когда появляется солнце. Работы Надежды могут украсить любое помещение. Они выполнены мастерски, тонко и профессионально. Невольно задаешься вопросом: кто более талантлив, Надежда-поэт, или Надежда-художник? Так что такое стеклянная мозаика? Надежда расскажет обо всем сама.

ЧУДО СТЕКЛЯННОЙ МОЗАИКИ

Даже не знаю, с чего начать рассказ о мозаике, ведь мозаика повсюду. На мой взгляд, мозаика – это новое качество объединённых по тем или иным правилам объектов. Например, редактор журнала собирает мозаику из произведений разных авторов, стремясь подобрать и разместить материал таким образом, чтобы номер в целом был интересным и красочным. Любой коллектив – мозаика индивидуальных личностей, объединённых каким-то общим делом, даже обычный салат – мозаика из продуктов, сочетающихся по вкусу, и так далее. В конце концов, даже наша планета – мозаика из материков, островов, морей и океанов... Поэтому каждый так или иначе собирал мозаику, а значит, легко поймёт, как это приятно, когда чувствуешь, что «кажется, получилось»...

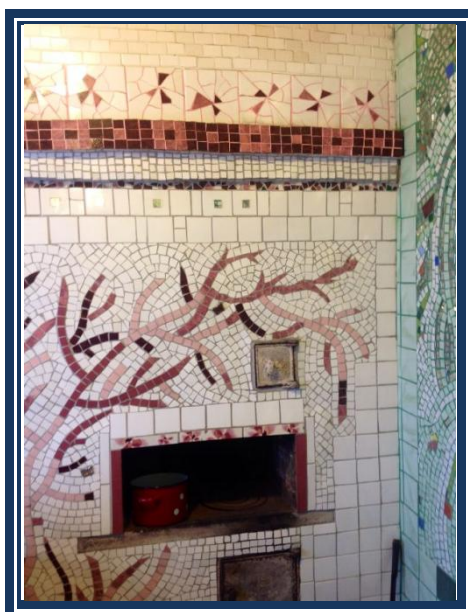

С самого детства я люблю собирать разноцветные морские камушки и обкатанные морем стёклышки. Всегда поражалась тому, что серая галька совсем не серая, если ее намочить. Серая галька похожа на толпу, а вода подобна внимательному взгляду, который превращает толпу в собрание индивидуальностей. Хотелось сохранить цвет морских камушков, и я покрасила их лаком. Жалко такую красоту держать в закрытой коробке, и я приклеила их к простому зеркалу для дачной бани.

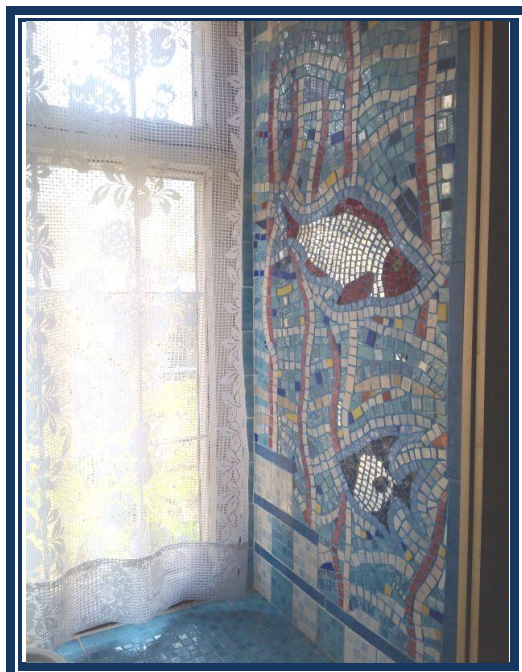
А стёклышки приклеила к стеклу. Это самая простая мозаика.

Общеизвестно, что пить или есть из битой посуды – плохая примета. Но стоит ли сразу, и тем более безжалостно, выбрасывать разбитую красивую чашку или не очень красивую тарелочку? Огромное число людей думает, что выбрасывать не надо ни в коем случае. А что же делать из битой посуды? Вот, например, такую декоративную тарелочку.

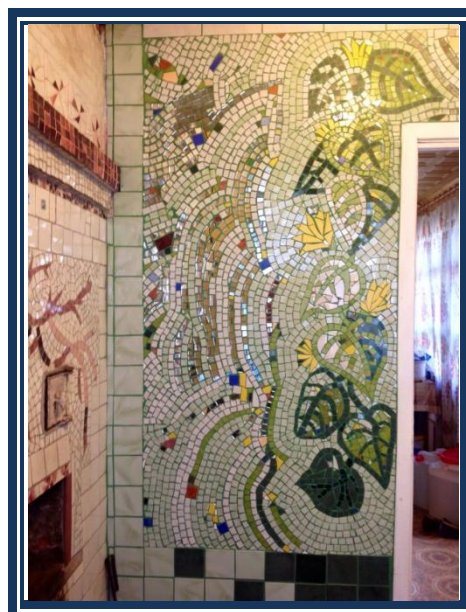

Я решила поэкспериментировать в старом дачном домике, в котором есть печка. Вот что получилось из кусочков самой обычной и недорогой облицовочной плитки:

А это оконные и дверные проёмы:

Даже такой непритязательный материал начинает смотреться эффектно, что же можно сказать о мозаиках, сделанных из смальты и драгоценных и полудрагоценных камней?

Интересен вот такой факт: слово «роскошь», как подсчитали те, кто занимается изучением слов, употребляется в нашей жизни 2569 раз на 300 миллионов слов, но есть область, где без этого слова не обходится ни одна статья, если только речь не идёт об инструментах. Это область мозаики. Убедитесь в этом сами. Привожу несколько буквально первых попавшихся цитат из статей о мозаике.

«Популярность мозаики обусловлена не только аристократической роскошью и королевским величием, но и прекрасными эксплуатационными характеристиками...»

«...И чем обширнее мозаичная картина, тем с большего расстояния нужно любоваться ею. Именно поэтому она всегда придает интерьеру особую торжественность и роскошь».

«Изменилась не только сфера применения мозаичного полотна, но и способ его изготовления. ...И это бесспорный признак роскоши и высокого достатка».

«Роскошь флорентийской мозаики поражает даже самое богатое воображение».

«Создать неповторимые по роскоши и гармонии интерьеры помогают нам картины и мозаичные панно».

«Мозаичная плитка, напольная мозаика воссоздаст атмосферу византийского великолепия, роскошь...»

«Мозаичные панно, составленные из каменной мозаики – это настоящая роскошь, поскольку все детали картины изготавливаются только вручную».

«Роскошные мозаичные полы вновь появляются на свет стараниями археологов, картины из мозаики пережили разрушение Помпей».

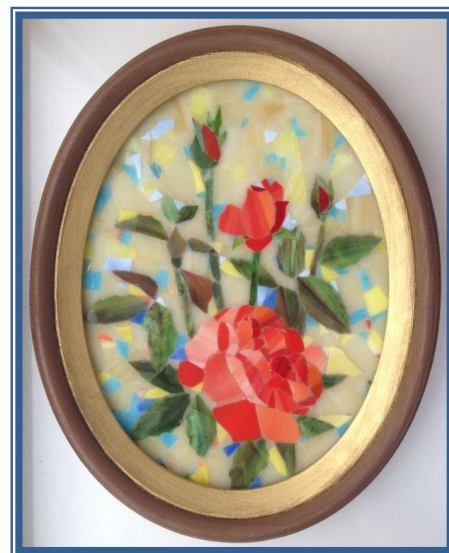
«Мозаика – функциональная роскошь».

После такого «роскошного» вступления самое время показать мои работы из художественного стекла.

Я делаю мозаику из кусочков цветного художественного стекла, которое покупаю в специализированных магазинах, а не из драгоценных камней или из смальты, поэтому по цене такая мозаика получается вполне доступной.

Я делаю мозаику на стекле, на картоне, на дереве, на керамике. Так как стекло имеет толщину, свет, проходя сквозь него, всегда чуть по-иному оживляет работу, потому что освещённость всегда разная в зависимости от времени дня, года, погоды и даже настроения.

Наверное, поэтому на стеклянную мозаику, в которой все кусочки нарезаны вручную, никогда не надоедает смотреть, почти так же, как на огонь или воду. Стеклянная мозаика очень любит свет, особенно солнечный, тогда она раскрывает всю красоту стекла.

Художественное цветное стекло действительно очень красиво само по себе. Мы знаем, что любой цвет становится ярче, если рядом есть подходящий другой, который тоже становится ярче от присутствия первого. Например, оранжевый и синий. Я ставлю себе задачу не потерять красоту стекла, а проявить её как можно сильнее.

И ещё я люблю цветы и позитивное настроение, поэтому мои работы всегда яркие и солнечные. Никогда не фотографирую незаконченную работу, потому что мозаика становится чудом в самый последний момент, когда заканчивается процесс затирки. Часто работаю с простым карандашным наброском, а цвет подбираю по ходу дела.

Когда задумаешь картину, в мечтах она прекрасна, но начинаешь выкладывать мозаику - и с трудом представляешь, что получится, появляются сомнения, внутренний голос начинает нащёптывать, что всё не так, некрасиво и тому подобное. Надо продолжать дело и верить, и тогда потихоньку картина начинает «намекать» на то, какой красивой она может быть... И вот постепенно появляется и настроение, и желание, и азарт - скорее, скорее доделать, чтобы увидеть, наконец, результат...

<http://www.nadisun.livemaster.ru/>

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ЗАПИСКИ КОЧУЮЩЕЙ ГОСТЫИ, или ОКНО В АМЕРИКУ

Сидя у окна в «Старбаксе» за чашкой кофе, я вспоминаю свой город и любимое кафе, в котором привыкла записывать мысли. Сегодня мой последний день в Америке, завтра лечу домой. Конечно, в этом кафе я не могу случайно встретить знакомых, поэтому просто напишу воспоминания и впечатления о месяце, проведённом в США.

Итак... Моё путешествие в Америку началось в аэропорту Шереметьево, где я была удивлена малым количеством людей и отсутствием такой привычной для меня суеты и толкотни. Терминал «D» отлажен, прост и удобен для пассажиров. Пройдя регистрацию, я легко и без потери времени попала в залы ожидания. Там людей было уже больше, и многие сидели на полу, буквально присосавшись к розеткам, подпитывая свои гаджеты. Мужчины и женщины (хотя мужчин было всё-таки больше), уткнувшись в экраны мониторов, скрашивали время ожидания. Я последовала их примеру и включила нетбук. О, хвала Интернету! Какой добрый человек его придумал! Благодаря всемирной паутине два часа ожидания пролетели довольно быстро: послушала музыку, полазила по сайтам и посмотрела фильм.

Проходя на борт авиалайнера, я не почувствовала какого-либо волнения или напряжения. А ведь лететь предстояло десять часов над океаном, и это был мой первый такой долгий перелёт. Но, как я уже говорила, волнения не было, только странное состояние покоя и ощущение, что всё это происходит не со мной. Или со мной, но во сне. Тем не менее полёт прошёл довольно легко и гораздо быстрее, чем это казалось ранее.

Приземлившись в Нью-Йоркском аэропорту имени Джона Кеннеди, мы ещё довольно долго сидели в самолёте. Снаружи не переставая лил дождь, и холодный ветер уничтожал остатки наивных иллюзий о яркой и гостеприимной Америке. Плюс восемь градусов и туман, м-да, не очень-то разгуляешься. Наконец нас выпустили! Пройдя дотошный контроль и оставив отпечатки пальцев на память таможенникам, я быстро нашла свой багаж и выкатилась туда, где толпятся ожидающие. Подруга, к которой я летела, немного опоздала. Как выяснилось, из-за погоды движение на автостраде было по-московски медленным. Дорога из аэропорта до дома подруги длилась бесконечно, три с половиной часа мы ползли по лужам в пробке. Лобовое стекло заливал дождь, за окном висел густой туман, из-за которого я не могла наслаждаться видами Нью-Йорка. Казалось, Америка не рада моему появлению. Но мы весело болтали под радио, и сквозь туманную пелену я всё же смогла рассмотреть огни Бруклинского моста.

С самого первого дня пребывания в Америке меня не покидало чувство нереальности происходящего. Каждый день и каждую минуту я удивлялась, восхищалась, недоумевала и смущалась. Множество эмоций внутри, и как результат неспособность их выразить. Я была словно замороженная. Нью-Йорк захватил, покормил меня - в прямом и переносном смысле. Витрины, магазины, кафе и рестораны, бесконечные в своём разнообразии. И люди – люди

езде в огромном количестве, текут, мелькают, улыбаясь. Слегка задели - *I am sorry*, надо пройти - *excuse me*. Вежливые и милые не только сами американцы, но и неисчислимые туристы, заполонившие Большое Яблоко. Посмотришь вверх - и чуть не падаешь, здания устремляются в небо. Направо и налево такая же мощь и величественная красота. Да, не зря о Нью-Йорке столько говорят, - красивый город. Старинные соборы, украшенные лепниной, арки в античном стиле соседствуют с небоскрёбами из стекла и бетона. Архитектура потрясает своей монументальностью. Центральный парк - размахом и количеством дикой природы в самом центре Манхэттена. Таймс-сквер сверкает рекламными огнями, как новогодняя ёлка гирляндами. А Рокфеллер-центр переполнен роскошью, выпирающей из каждого уголка.

Я подумала, что кварталы и районы Нью-Йорка напоминают мне компанию друзей, сидящих вместе в шикарном ресторане на Бродвее и хвастающих своими достижениями.

Манхэттен, конечно, самый гламурный, весь с иголочки от кутюр. Пальцы-авеню в бриллиантах от Тиффани, пиджак от Армани украшен цветком из Центрального парка, на голове роскошная шляпа в стиле Рокфеллер-центра, а в руках глянцевый журнал с рекламой Таймс-сквер.

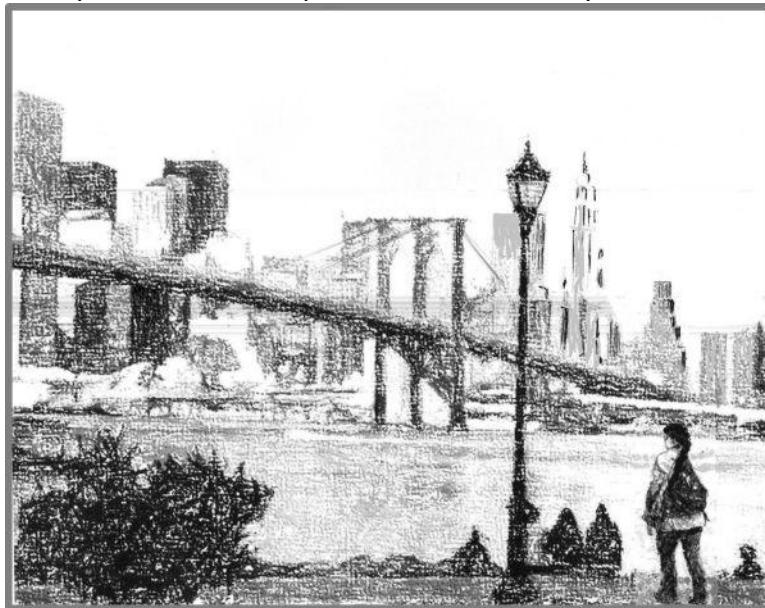

Рис. А. Народицкой

Бруклин, в теплом пуловере и

джинсах «Левайс», хитро улыбается в седую бороду и рассказывает анекдоты о евреях из Одессы. Английский у него явно звучит с русским акцентом.

Куинс - обыкновенный, крепкий, рабочий американский парень, немного простодушный, но добрый. Ездит на большой машине и носит жёлтые ботинки из нубука. Перекидывает с руки на руку бейсбольный мяч.

Статен-Айленд - фермер, комкающий слова и смущённо улыбающийся время от времени. Надёжный и великодушный, одет просто и непритязательно.

Бронкс - темнокожий парень с белоснежной улыбкой и маленькой сверкающей пуссетой в ухе. Везде ходит с плеером, а в машине включает музыку так, чтобы её слышали все вокруг.

Я много ездила, кочуя из одного отеля в другой, и за один месяц успела увидеть очень много: Ниагара, Вашингтон, Балтимор и Филадельфия, Нью-Йорк (куда ж без него?) и Бродвейское шоу. Была на выступлении Цирка дю Солей в Куинсе и в спа в Нью-Джерси. Посетила большой аквариум и Нью-Йоркский сабвэй, познакомилась с американской клиникой и побывала в отделении полиции Монтклар. Нет, ничего противоправного я не совершила, просто заблудилась в трёх соснах на второй день после приезда. Вежливый и очень симпатичный офицер довёз меня до дома, и теперь могу сказать - я сидела настоящей полицейской машине. И чтобы дополнить список: возвращаясь из Нью-Йорка в Нью-Джерси, я проехала в *yellow taxi*. Знаменитые жёлтые машины, в которых кабина водителя отгорожена пуленепробиваемым стеклом, стаями канареек летают по улицам города. Само собой разумеется, я посетила все достопримечательности, памятники и музеи, какие смогла и успела обойти. Но самым интересным для меня было просто бродить по улицам города в одиночку и

впитывать энергию страны, города, улицы. Слушать и принохиваться к звукам и запахам, собирать эмоции и трансформировать их в мысли. Везде, где я побывала, меня поражала продуманность деталей и бытовых мелочей в жизни американцев. Порой эта продуманность граничила с заумной сложностью, как например, метро в Вашингтоне и Мэриленде. Надо учитывать время поездки: в час пик и в оф-тайм разная оплата проезда. Это только по будням, а в выходные и расписание другое. Кроме того, надо ещё смотреть, сколько вагонов будет в определенный час: их то больше, то меньше. Может, мне это только с непривычки кажется сложным? Нет, всё же московское метро намного проще и логичнее, решила я. Но надо учиться, не сидеть же дома, в самом деле. Вот я и не сидела, но ощущение нереальности происходящего не покидало меня ни на минуту, словно Алису в Зазеркалье: всё можно потрогать, но ты не веришь даже своим ощущениям. Невольно подумала: а может, это я нереальная? Вероятно, в *этом* измерении аккуратных домиков и подстриженных газонов есть что-то или кто-то, отвечающий за продуманную и отлаженную работу всего, что меня окружает? А я попала сюда случайно и потому чувствую себя так странно? Мне даже показалось, что если пойму какой-то секрет, то начну расти, увеличиваться и уже не смогу помещаться в этих милых домиках. И я вспомнила свой перелёт из Нью-Арка в аэропорт Даллес в Вашингтоне. Когда мы подлетали к Мэриленду, облака растворились, и я увидела землю. Мне почудилось, что внизу неживой макет. Домики, крошечные, как бусинки, совершенно одинаковые, выстроенные в идеальные линии, были словно сделаны из пластика. Между ровными рядами кукольных домиков густо зеленели пенопластовые парки, будто выкрашенные одной краской. Между ними текли реки странного цвета - вчерашний дождь взбаламутил глину и песок на дне. Но выглядело это так, что можно было подумать - макетчик поленился сходить за водой и вылил в выемки для рек свой капучино. Кое-где рядом с домиками сверкали крошечные голубые стёклышки-бассейны, нелепо и ярко. Длинными прямыми лентами тянулись автостреды, на них натянутыми бисерными нитями, точно одна за другой ехали едва различимые машины. Даже подумать было нельзя, что там внутри сидят пассажиры. Нет, в этих разноцветных бисеринках не могут находиться люди! Подо мной был пластмассовый, идеально выверенный, очень красивый кукольный мир. Там, в этих малюсеньких коробочках-домиках, сидят по вечерам у телевизора миниатюрные суперлилипуты и разговаривают смешными голосами...

Мы шли на посадку. Под крылом нашего небольшого самолёта открылся люк, и стали медленно выползать шасси. Я испугалась! Вот сейчас мы опустимся ниже, и безжалостное колесо сметёт, раздавит игрушечный город! Сравнивает с землёй идеальные лужайки и маленькие домики. В этот момент Америка показалась мне абсолютной иллюзией, прекрасной и удивляющей, но совершенно ненастоящей.

Так вот оно какое, моё окно в Америку! Маленькое овальное окно иллюминатора, в котором я увидела страну так, словно смотрела на неё в калейдоскоп. Но, слава богу, картина в моем воображении не соответствует действительности! Мы приземлились, и меня вновь окружали обычные нормальные люди, только говорящие на другом языке. Что ж, теперь я сама стала крошечным человечком для того, кто пролетал над нами высоко в небе. Ведь всё относительно: из космоса наша планета выглядит симпатичным голубым шариком, а жители других планет думают, что липипуты на этом шарике разговаривают смешными голосами.